VISIT…

Нотович Филипп Иосифович

Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг.

ОГИЗ, Госполитиздат, 1947

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru
Издание: *Нотович Ф. И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. — М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947.
Книга на сайте: http://militera.lib.ru/research/notovich_fi/index.html
Книга одним файлом: http://militera.lib.ru/research/0/chm/notovich_fi.zip
Иллюстрации: нет
OCR, правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)
Дополнительная обработка: Hoaxer (hoaxer@mail.ru)
[1] Так помечены страницы, номер предшествует.
{1} Так помечены ссылки на примечания.
Нотович Ф. И. **Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг.** — М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. — 240 с. Тираж 15 тыс.

Андрей Мятишкин: В работе раскрывается политика Германии и Австро-Венгрии в отношении территориальных захватов на Востоке с XIX века и до Первой мировой войны, изменения такой политики в ходе войны и после Октябрьской революции, ее влияние на мирные переговоры в Брест-Литовске и на отношение Антанты к центральным державам. Автором привлечен обширный справочный аппарат, в основном из германских источников.

Нотович, Филипп Иосифович - доктор исторических наук, профессор. В 1930-е годы работал в Архиве внешней политики России в НКИД СССР, где в сотрудничестве с германскими учеными принимал участие в подготовке к публикации российских и германских документов в серии под названием «Международные отношения в эпоху империализма». На основе многолетних архивных исследований Ф.И. Нотович работал над фундаментальной дипломатической историей Первой мировой войны. Первый том под названием «Дипломатическая история первой мировой войны» был издан Академией наук в 1941 году, а в 1947 году – опубликована монография «Захватническая политика германского империализма на востоке в 1914–1918 гг.». Последняя книга Нотовича – «Бухарестский мир 1918 года» – увидела свет в 1959 году уже после кончины автора.

Содержание

1. Завоевательные планы германского империализма [3]
2. Империалистический авантюризм и военная действительность [33]
3. Великая Октябрьская социалистическая революция и вопрос о мире [43]
4. Внутриполитическая обстановка в Германии и Австро-Венгрии в конце 1917 г. [51]
5. Внутриполитическое положение Англии и Франции и отношение союзников к выходу России из войны [68]
6. Советские условия всеобщего демократического мира и германский империализм [91]
7. Мир без аннексия и контрибуций и право наций на самоопределение — в толковании германских империалистов. За кулисами переговоров в Брест-Литовске [105]
8. Мирная программа союзников [125]
9. Борьба народных масс Австро-Венгрии за мир [136]
10. Австро-германский империализм и англо-американская мирная программа [161]
11. Германский тыл и фронт во время переговоров в Брест-Литовске. «Четыре принципа» Вильсона [173]
12. За кулисами дипломатии [184]
13. Историческая преемственность немецких планов расчленения России и порабощения ее народов [192]
14. Вероломное нападение германских империалистов на Советскую республику [206]
15. Германский рейхстаг и австрийский рейхсрат об интервенции на Украине [212]
16. Предъявление Советской России германского ультиматума. «Германский мир» на Востоке и рейхстаг [221]
17. Неучтённые уроки Брест-Литовского мира 1918 г. [231]

Примечания

1. Завоевательные планы германского империализма

Германия начала первую мировую войну в 1914 г. с определённой целью и с заранее разработанной программой покорения Европы и создания основы для завоевания мирового господства.

Пангерманские «учёные» и политики ещё задолго до войны разработали детальные планы завоевания и покорения германским империализмом большей части мира. Они проповедывали и доказывали, что немцы являются первым народом в мире, которому человечество обязано всеми достижениями науки, техники, искусства, культуры и цивилизации и что не будь полноценного германского народа, являющегося единственным создателем, носителем и распространителем культуры и государственного начала, все прочие народы прозябали бы и доныне на ступенях варварства. Они, далее, извращая исторические факты, доказывали, что германская знать якобы заложила в большинстве современных государств основы государственного строя, создала армии, государственную машину и руководила ими, но за все эти блага осчастливленные народы отплатили немцам чёрной неблагодарностью... Народы взбунтовались, начались революции, германская знать была лишена своих богатств и влияния на государственный аппарат, армию и на политику этих государств., — подобно тому как это было, например, во Франции в конце XVIII в., в России в 1905 г. и в последующие годы, а в других европейских странах в предыдущие столетия. Стремясь «научно» доказать право немцев на подчинение себе большей части земного [4] шара, пангерманские лжеучёные расоведы разделили все народы на «полноценные» и «неполноценные» и нагло утверждали, что последние размножаются подобно низшим видам животных гораздо быстрее «полноценных» народов и что в силу этого естественного закона природы немцам, как единственному «полноценному» народу, угрожает смертельная опасность быть задавленными «неполноценными» народами, в результате чего может погибнуть вся тысячелетняя культура человечества. Отсюда пангерманские учёные делали вывод, что германский народ в интересах всего общества имеет право на покорение «неполноценных» народов, под которыми они подразумевали в первую очередь славян; что он имеет право на подчинение себе всей Европы, на завоевание мирового господства и на установление «нового порядка» на земле, который должен навсегда предотвратить равноправие «неполноценных» народов с немецким народом.

Эти пангерманские расистские бредни усердно разрабатывались с конца XIX в. и овладели умами большей части германской и австро-немецкой интеллигенции. Они пропагандировались в десятках лженаучных книг, в сотнях брошюр, в газетных и журнальных статьях, в десятках романов и в специальной периодической печати — «Пангерманских листках» («Alldeutsche Blätter») и др.

Таким образом, «новый порядок», насаждавшийся гитлеровской Германией в оккупированных ею в 1939–1945 гг. странах, не фашистами выдуман. Он был придуман задолго до Гитлера и разработан немецкими империалистами. Проводники и устроители «нового порядка» уже давно ими подготовлялись. Германские фашисты оказались усердными учениками своих духовных отцов — пангерманцев — и довели «теории» своих дедов и отцов до хладнокровного массового человекоубийства в газовых камерах и комбинатах по уничтожению людей, каковыми были «лагери смерти» в Майданеке, Освенциме и в других местах.

Ещё во времена полного национального упадка и раздробления Германии немецкие националисты-шовинисты строили планы создания подчинённой немцам Европы, очищенной от славянских, романских и иных «неполноценных» народов. Уже в первой половине XIX в. была [5] создана политическая «теория» о «государственных» и «негосударственных» нациях, о нациях «творческих» и нациях, предназначенных служить навозом для «творческих» и «созидательных» наций. К первой категории были отнесены немцы, ко второй — славяне и романские народы.

В 50-х годах прошлого столетия баварский генерал Гайльбраннер защищал необходимость и «законность» немецкого владычества над Италией на том основании, что «Италия совершенно не в состоянии оставаться независимой», а поэтому немцы должны господствовать в Италии. Австрия, писал Гайльбраннер, выполняет немецкую культурную миссию, давая себе труд порабощать Ломбардию и Венецию «от имени и в интересах всей Германии». В те времена в Германии была создана программа образования немецкой «Срединной Европы», куда должно было войти большинство славянских и романских исконных земель. Немецкие шовинисты середины XIX в. не могли только договориться между собой, под чьим главенством должна строиться «Срединная Европа» немецкой нации: Австрии или Пруссии.

Немецкие шовинисты того времени утверждали, что французы и испанцы уже состарились, «одряхлели» и больше неспособны к государственному строительству. Итальянцы не могут быть независимыми, немцы должны поэтому и впредь господствовать над ними. Славяне же, мадьяры и румыны будто бы ещё не вышли из состояния варварства и поэтому неспособны к государственному самоуправлению. Лишь немцы являются государственной нацией, и им надлежит господствовать над одряхлевшими романскими и варварскими славянскими народами Европы.

«Таким образом, — язвительно писал Энгельс, — у германской добродетели и у молодой «средне-европейской державы» имеется абсолютно все, чтобы в течение короткого времени захватить мировое господство на суше и на море и открыть новую историческую эру, когда Германия наконец, после долгого перерыва, снова будет играть первую скрипку, под которую остальные народы будут плясать»{1}. [6]

Возвращаясь к тому же вопросу через тридцать с лишним лет, Энгельс показал, как в Германии развивалась после 1871 г. старая «теория» о мировом господстве и подчинении целых народов. «Мы не должны забывать, — писал Энгельс в 1893 г., — что двадцать семь лет хозяйничанья Бисмарка навлекли на Германию — и не без основания — ненависть всего мира... Бисмарк, сумел создать Германии репутацию страны, жаждущей территориальных захватов; немецкий буржуазный шовинист... продолжает мечтать о братском объединении всей Германии «от Этча до Мемеля» и в то же время охотно присоединил бы к Германской империи Голландию, Фландрию, Швейцарию и якобы «немецкие» прибалтийские губернии России, — этот немецкий шовинист добросовестно помогал Бисмарку, и с таким блестящим успехом, что теперь уже никто в Европе не доверяет «прямодушным немцам»{2}.

Как известно, немецкий буржуазный шовинизм и гогенцоллернская учёная лейбгвардия не только усердно помогали проведению захватнической политики Бисмарка. Они оказывали решающее влияние на, её формирование, как это было в 1870/71 г. и в годы захватов Бисмарком колоний в Африке, но особенно опасный характер это влияние приняло в эпоху империализма.

С начала 90-х годов прошлого века и до первой мировой войны пангерманские лжеучёные разработали обширную программу германских территориальных захватов во всём мире. По этой широкой программе грабежа германский империализм должен был в ближайшей войне:

1. Завоевать и подчинить себе континентальную Европу, оттеснить Россию и переселить всех восточных, западных и южных славян за Урал; оттеснить Францию и переселить народы романо-французской ветви по ту сторону Вогезов и за реку Сомму и сделать «границы Европы границами Германии».

2. Установить германский протекторат над всей Передней Азией, Южным Китаем (южное течение Янцзы и бассейн Хуанхе), Индокитаем и Сиамом. [7]

3. Создать Германскую африканскую империю из германских, французских, португальских и бельгийских колоний.

4. Образовать Германскую тихоокеанскую островную империю с центром в Голландской Индии.

5. Учредить Германский южноамериканский протекторат «из территорий, имеющих немецкую культуру» (Аргентина, Чили, Уругвай и Парагвай, Южная Боливия и Южная Бразилия).

Если Великобритания и США будут мешать Германии осуществить вышеуказанную программу мирового владычества, то и они поплатятся своими владениями. Лишь полный и доброжелательный нейтралитет может их спасти от участи России, Франции и других завоёванных Германией стран и народов{3}.

По той же программе пангерманских учёных и политиков, которую материально и политически поддерживали юнкерство, финансовый капитал, крупное чиновничество, большая часть профессуры и связанная с крупным капиталом интеллигенция, на подчинённых Германской империи территориях должен был быть установлен немцами «новый порядок», главные черты которого состояли в следующем: все народы не-немецкой национальности должны были быть лишены всех имущественных и политических прав, а их движимая и недвижимая собственность передана безвозмездно немцам. «Война не должна оставить побеждённым ничего, — писал один из пангерманских «теоретиков» и «завоевателей» мира, — кроме глаз для оплакивания их горя. Скромность с нашей стороны была бы идиотизмом» {4}.

Подобные «учения» и требования открыто проповедывались в Германии уже задолго до войны 1914–1918 гг. [8]

Правительство публично открещивалось от пангерманских планов и программ, называло их несбыточными и «вредными», а их авторов именовало «мечтателями» и «идеалистами», но на деле эти «мечтатели» оказывали наибольшее влияние на внешнюю политику Германии.

Подчинённая Германии континентальная Европа должна была стать военной, экономической и политической основой для последующего завоевания мирового господства. Без победы над Россией, рассуждали идеологи германского империализма, невозможно установление немецкого господства над Европой, а без победы над Россией и Англией невозможно установление германского мирового господства. Военный разгром России и Англии должен был послужить гарантией выполнения политической задачи германского империализма и являлся главной целью войны 1914–1918 гг.

Союзница Германии — габсбургская монархия — имела свои обширные захватнические планы, которые не шли вразрез с германскими планами, поскольку и сама Австро-Венгрия должна была согласно этим планам стать в ближайшем будущем составной частью великой Германии.

Господствующие классы Австро-Венгрии спровоцировали первую мировую империалистическую войну ради укрепления и увековечения своего господства над 30 миллионами славян — чехами, словаками, поляками, украинцами, сербами, хорватами и словенами. Фашистский историк фон Сбрик — этот немец со славянской фамилией — с циничной откровенностью писал в 1936 г., что последним «великим деянием» Австрии, которого германская раса никогда не забудет, была война 1914–1918 гг. Заслуга Австрии перед германством как целым, говорит фон Сбрик, 900 лет боровшейся на востоке и юго-востоке против славян, состоит в том, что она в продолжение 4 лет поставляла немецкой расе на убой «сыновей 30 миллионов славян» и заставила миллионы славянских солдат отдать свою жизнь «за великое немецкое дело»{5}. [9]

За сохранение господства над этими 30 миллионами славян в первую очередь воевала

Австро-Венгрия.

Она, далее, воевала за порабощение ещё остававшихся свободными славянских государств — Сербии и Черногории и за подчинение себе Албании; за установление господства на Балканском полуострове и на Адриатическом и Эгейском морях. Постепенно военные цели Австро-Венгрии расширялись и включили захват русской Польши и Румынии.

В порабощении австрийскими немцами и мадьярами западных и южных славян, румын и итальянцев были кровно заинтересованы господствующие классы Германии: чем обширнее сделается в результате войны габсбургская монархия, тем грандиознее будет та «Срединная Европа», которую они решили создать в результате победоносной войны.

Как только германские войска вступили в Бельгию, в правительственных и буржуазно-юнкерских партийных кругах началась бешеная агитация за аннексию целых стран и борьба разных группировок за конкретизацию и оформление программы будущего «мира». Пангерманские газеты сразу были заполнены проектами ограбления всех стран. Аннексия Бельгии и большей части Франции была предрешена. 19 августа 1914 г. кайзер Вильгельм заявил статс-секретарю по морским делам адмиралу фон Тирпицу: «Франция должна быть раздавлена»{6}. Ещё до вступления германских войск во Францию председатель Немецкого банка Гвиннер сказал адмиралу Каппеле о возможных условиях мира с Францией: «Три миллиарда долларов и французские колонии»{7}. Весть о высадке англичан во Франции была встречена в шовинистических кругах с радостью. Они говорили: «Тем лучше, тогда и они (англичане) будут тотчас уничтожены». Бетман-Гольвег, забыв о торжественном обязательстве восстановить Бельгию, сказал Тирпицу 28 августа, что он намерен аннексировать Намюр, Льеж, Антверпен и территорию севернее его, а из южной Бельгии сделать буферное государство {8}. [10]

Безбрежны были планы территориальных захватов на Востоке. Аннексионистским движением руководили Пангерманский союз, объединявший ряд военных и шовинистических союзов (Военный, Морской, Колониальный, Союз борьбы с социал-демократией и др.), юнкерские объединения, буржуазные политические партии (национал-либеральная партия, консервативная и независимая консервативная партии) и реакционная профессура. Поддерживали и субсидировали аннексионистское движение монополистический капитал в целом, банки, всевозможные промышленные организации и юнкерство: фирмы Круппа, Тиссена, Стиннеса, рейнские и вестфальские заводчики железа и рурские бароны угля, Центральное объединение германских промышленников, Союз германских промышленников, Германский имперский союз средних классов, Союз сельских хозяев (помещики) и др.

В самом начале войны, в августе 1914 г., магнаты промышленности — Всеобщая компания электричества, Юлиус Вольф, Густав Штреземан от имени Комитета промышленных объединений, а также «цвет» буржуазно-консервативной мысли — профессора Шиман, Шумахер и многие другие деятели науки и искусства подали канцлеру коллективные и личные записки с требованиями присоединить к Германии Бельгию, железорудные бассейны Лонгви и Бриэ, французскую Лотарингию. Они требовали обширных аннексий на Востоке и Западе, а также за морем и приобретения угольных станций и морских баз во всех частях мира.

Правительство попыталось возглавить аннексионистское движение. 26 августа канцлер Бетман-Гольвег обратился к императорскому министру внутренних дел Клемансу Дельбрюку с предложением определить, сколь далеко простираются залежи руды во французской Лотарингии и насколько Германия в них заинтересована, а также назвать сумму желательной контрибуции{9}. Через 2 дня, 28 августа, министр по делам колоний Зольф [11] представил план передела колоний{10}. 3 сентября наместник Эльзас-Лотарингии Дальвиц представил канцлеру план «исправления» границы с Францией с приложением записки крупных промышленников братьев Рехлинг, в которой они требовали аннексировать бассейны Лонгви

и Бриэ, западные Вогезы, Бельфор и т., д. Бетман-Гольвег одобрил обе записки{11}. Так началось оформление официальных и неофициальных «военных целей». 28 августа президиум Пангерманского союза постановил взять руководство аннексионистским движением в свои руки и выставил следующие «военные цели»:

1. Приобретение за счёт России обширных территорий для поселения немецких крестьян, а именно: Польши, Литвы, Белоруссии, прибалтийских губерний и Украины.

2. Аннексия Бельгии.

3. Аннексия французских железорудных бассейнов Лонгви и Бриэ и перенесение германской границы с Францией западнее Бельфора, Туля, Вердена и реки Соммы.

4. Уничтожение морского владычества Англии, «так как оно является наиболее варварским», приобретение новых колоний.

5. Все захваченные Германией территории должны быть «очищены от людей» (Land frei von Menschen), так как Германии нужны территории без людей{12}.

Эти грабительские и человеконенавистнические требования были выработаны при ближайшем и активном участии директора крупповских заводов Гугенберга. Их одобрили Крупп фон Болен и его супруга Берта{13}. Лидеры национально-либеральной партии Вассерман и Штреземан, а также Гуго Стиннес остались недовольны «умеренностью» этой программы «военных целей». Стиннес требовал перенесения западной границы дальше на запад от устья реки Соммы и включения в Германскую империю всей Нормандии. Он мотивировал свои требования стратегическими соображениями, направленными [12] против Англии, и наличием в Нормандии крупных залежей железной руды{14}.

Ещё дальше во всех этих ультра-аннексионистских требованиях пошёл лидер католического центра Матиас Эрцбергер. 2 сентября 1914 г. Эрцбергер разослал во все высшие военные и правительственные учреждения меморандум, в котором требовал, «чтобы Германия обеспечила себе военное господство на континенте на все времена».

Эрцбергер не довольствовался территориальным ограблением всего мира. Он требовал также контрибуции:

1) для возмещения непосредственно военных расходов;

2) для возмещения всех прочих убытков, связанных с войной; 3) для покрытия всех имперских долгов; 4) для создания колоссального инвалидного фонда; 5) для создания фонда на постройку морских кораблей и радиостанций и 6) для создания фонда на социальные нужды{15}.

В начале сентября Тиссен лично докладывал в верховной ставке о необходимости аннексировать все французские железорудные богатства{16}.

Не успели немцы очистить от русских войск Восточную Пруссию, как Бетман-Гольвег устроил совещание с Гинденбургом относительно «желательной границы на Востоке»; он обсуждал с разными официальными лицами и органами вопросы колонизации отдельных стран. «В Берлине, — писал ультра-аннексионист Тирпиц 5 сентября 1914 г., за день до начала битвы на Марне, — кажется, обезумели от побед. Мы ещё ни в коем случае не победили»{17}.

Точно такое же шовинистическое и аннексионистское настроение господствовало в те дни и в германской буржуазной печати. Максимилиан Гарден писал 22 августа 1914 г. в своём журнале «Die Zukunft»: «Германия имеет право расширить свою сферу господства, и она

имеет силу претворить это в жизнь». Гарден превозносил воинственность древних германских варваров и уверял, что и современные ему немцы «не изнежены в длительном [13] мире» и что «война всегда была их главным занятием». В силу этого «Германия хочет увеличиваться, конкретизировать подвиги своих солдат... Право Германии основано на силе. Для этого она начала войну». Гарден требовал захвата Танжера, Антверпена, Калэ, Тулузы и Тулона. До их присоединения он рекомендовал не «болтать о мире»{18}.

Фридрих Науман написал за несколько дней до битвы на Марне брошюру «Германия и Франция». Этот «умеренный» аннексионист, «поклонник французской культуры», писал буквально следующее: «Самое ужасное случилось: республика так же побеждена, как и цезаризм... С Францией как с великой державой уже покончено». Говоря о возможном для Франции мире, он продолжал: «Vae victis! Теперь Бисмарк окончательно победил!» Облекая свои рассуждения в форму сочувствия к Франции, Науман резонёрствовал и укорял её за то, что она не изменила союзу с Россией, как это сделала Италия. Судьба Франции, писал Науман, была, мол, в её собственных руках. Она могла не выполнить обязательств по союзному договору с Россией, она могла, поступить, как Италия. Она этого не сделала. «И тогда во Францию хлынуло море бойцов, в великолепном порядке». Самым лучшим исходом для Франции будет сепаратный мир с Германией. Однако она должна поспешить и сделать это, «пока этот мир имеет для нас ценность». Германская любовь к миру, признавался Науман, означает обеспечение «разгрома русских и англичан». Что же касается Франции, то проба сил уже закончена. Продолжение войны ничего не изменит, ибо «государство, которое само не может защитить себя против соседа, всегда будет зависеть от других государств, всё равно, как бы они ни назывались: Россия, Англия или Германия».

Науман предлагал поэтому Франции признать неумолимый факт, удовлетвориться положением второстепенной державы, сделаться нейтральной страной, притти с Германией к соглашению о своих колониях, а также о Бельгийском Конго, попросту передать всё это [14] Германии, а затем вместе с нею выступить против Англии{19}.

Как известно, французские изменники — давали, петэны и др. — целиком усвоили через 26 лет советы Наумана и претворили их в жизнь: предали Францию в руки Гитлера.

«Заботы» Наумана простирались и на Бельгию. Германия «обеспечит за собой то, что необходимо в военном отношении, всё равно, будет ли это мало или много».

Вопрос о Франции, писал в заключение Науман, уже разрешён историей и германским оружием. Оставались более трудные вопросы — восточные проблемы. Но он не унывал: «Мы так же подойдём и к их разрешению, так желает бог, а германское могущество устоит, как и до сих пор» {20}.

Мы так подробно остановились на брошюре Наумана потому, что она принадлежит перу не пангерманца в обычном понимании этого слова, а члену прогрессивной партии. Мысли, изложенные в этой брошюре, сделались своего рода программой деятельности немецких фашистов и французских колаборационнстов в 1940–1944 гг. Программа «прогрессиста» Наумана мало чем отличается от захватнических программ пангерманцев в отношении России и Франции.

В тот момент, когда Науман дописывал последние строки своей брошюры, которая сделалась на некоторое время платформой «умеренных» аннексионистов, французские армии разбили германские полчища, а русские армии разгромили австро-венгерские войска.

Известный политический писатель, пропагандист идеи завоевания германского мирового господства, пантерманец и ненавистник России, балтиец Пауль Рорбах напечатал 31 октября 1914 г. статью в специально основанном им в начале войны журнале «Das grössere Deutschland» [15] («Большая Германия») под многозначительным названием «Wohin muss uns der Krieg führen?» («Куда нас должна привести война?»), в которой были сформулированы

аннексионистские требования крайних империалистов и намечена политическая линия, которую они намерены были проводить по отношению к России, Франции и Англии, когда им казалось, что Германия выйдет победительницей из войны.

«Перед нами, — писал Рорбах, — три мира, которые ещё не знают, какая из западноевропейских наций должна быть их вождём на пути приобщения к культуре: это Ближний Восток, Дальний Восток и Африка». Точнее нельзя выражаться. Вся Азия и вся Африка — вот поле деятельности, которое ждёт немецкого «оплодотворения». Уточняя вожделения колониальных кругов, Рорбах продолжал: «Если мы победим полные сил, но не просто менее истощённые, чем наши враги, то мы в состоянии будем влить дух нашей национальной мысли в эти ожидающие нас области, подготовленные к бесконечному восприятию. Так далеко должен хватать кругозор немецкого государственного деятеля. Его ум должен уметь соединить с исходом войны судьбу Китая и Индии, устье Евфрата, мыса Доброй Надежды до Конго...»{21}

Рорбах был тогда уверен, что Франция уже побеждена, но он предлагал продолжать войну до тех пор, пока не станет совершенно ясно, что французы и в союзе с сильнейшим государством являются слабейшей стороной. Как только Франция признает этот непреложный факт, Германия должна проявить готовность к миру и к сотрудничеству с французами. Что же касается Англии, германский лозунг остаётся неизменным: «Уничтожение английского морского могущества»{22}. Россия должна быть изгнана «из всех областей, которые природой и исторически предназначены были к участию в западно-культурном общении и противозаконно перешли к России. Эту цель иметь в виду, за эту цель бороться до последнего — это значит дать работу будущему германскому веку»{23}. [16]

Ганс Дельбрюк, известный консервативный историк и также «умеренный» аннексионист, сформулировал в сентябре 1914 г. в редактируемом им журнале «Preussische Jahrbücher» в очень осторожных выражениях военные цели Германии следующим образом: «Нашей целью должно быть сохранение нынешнего политического равновесия на суше и завоевание равновесия на мора»{24}. Последняя часть формулы означала, что Германия должна добиться такого же могущества на море, как и на суше, т. е. разделить с Англией господство на морях.

За такой «непатриотический» образ мыслей Ганс Дельбрюк был взят под жестокий обстрел правой печатью. Консервативная «Post» писала, что «европейское равновесие является словесным выражением для прикрытия перевеса наших врагов» и что «только профессора истории и предвоенная дипломатия верили в этот призрак и приносили ему жертвы». Национал-либеральная «Tägliche Rundschau» назвала выступление Дельбрюка «водянистой песней о благодати политической умеренности» и «преступлением перед германским делом». Она ему противопоставляла его предшественника на редакторском кресле, Фридриха Трейчке, который в 1870 г. в том же «Preussische Jahrbücher» требовал «укрепления наших границ» и т. д. Правая «Deutsche Tageszeitung» прямо писала: «Господин профессор Дельбрюк служит вообще непозволительным, а в настоящее время просто недостойным образом интересам вражеской заграницы, так как его выступление подаёт повод думать, «что шовинизм у нас справляет оргии» {25}.

После этого нагоняя Дельбрюк в октябрьском номере редактируемого им «Preussische Jahrbücher» конкретизировал свои требования и, к удовольствию своих критиков, писал, как и Рорбах, что Россия должна потерять не только Польшу, но и все «чужеродные» области на западной границе. Повторяя мысли Наумана, Дельбрюк писал: «Ни императорская, ни демократическая Франция не смогла удержаться на ступени великой державы. Это была последняя проба сил». Благодаря слабому увеличению населения «Франция будет постоянно спускаться [17] всё ниже», и ей ничего не остаётся сделать, если она вообще хочет существовать, «как выработать себе совершенно новую народную душу».

Дельбрюку казалось бесспорным, что и «Англия ни при каких обстоятельствах не может политически выиграть эту войну». Даже победа над Германией не спасёт её как мировую

державу. Дельбрюк, как и Науман, не допускал возможности поражения Германии и требовал «равновесия на море», т. е. «чтобы Германия была так же сильна на море, как Англия»{26}.

Таковы были вожделения «умеренных» аннексионистов. Такое победоносное и шовинистическое настроение господствовало, как показано выше, в правительственных, юнкерских, крупно-капиталистических, журналистских и профессорских кругах не только в дни победы у Шарлеруа, но и после поражения на Марне. «Я был на этой неделе в Берлине, — писал директор Германско-американского пароходного общества Альберт Балин 1 октября 1914 г. фон Тирпицу, — и меня устрашили безбрежные мечтания, которым предаются не только в Берлине, но также и выдающиеся деятели из Рейнской области в Вестфалии. Высадку нашей армии в Англии они считают как нечто само собой понятное, отнятие у неё её лучших колоний не требует даже дискуссий. Что мы удержим в своих руках Кале, Булонь, Остенде и Антверпен, — это уже давно решено. Английский флот не должен превышать размеров нашего флота, а контрибуция колеблется между 30–40 миллиардами. Египет принадлежит к тем колониям, которые мы себе оставили на десерт» {27}.

Такие завоевательные настроения господствовали в Германии и тогда, когда битва на Марне, галицийская битва и сражения под Варшавой и Ивангородом разбили и развеяли все мечтания и всякую реальную возможность германской победы. Эти настроения искусственно поддерживались промышленными и юнкерскими организациями, банковским капиталом. Эти настроения находили приверженцев также среди мелкой буржуазии, надеявшейся пристроить на доходных местечках [18] в аннексированных областях своих безработных сынков. Против этих настроений не боролась и социал-демократическая партия, не возражавшая против «умеренных» аннексий за счёт России.

Ссылаясь на громко выраженные имущими классами требования аннексий, министры, генералы и адмиралы требовали уже завоевания всего мира. Так, например, начальник морского генерального штаба адмирал Поль заявил 15 октября 1914 г. Бетман-Гольвегу: «Мы должны получить Антверпен, Брюгге, Остенде и Дюнкирхен, Брюссель... Гибралтар должен отойти к Испании, Мальта к Италии, Египет к Турции, Александретта и Мессина наши опорные пункты. На Востоке должно быть отодвинуто всё русское... колонии переходят к нам сами по себе»{28}.

Это говорилось больше 30 лет назад. Эти захватнические планы стали прообразом более поздних гитлеровских планов порабощения всего мира. То, что говорил адмирал Поль в 1914 г., проповедывалось потом в германском фашистском официозе «Völkischer Beobachter», в книгах и речах Гитлера, Розенберга, Геббельса и др. Обстановка изменилась, но объекты захватов оставались те же, и их добивались те же классы, которые собирались ограбить весь мир в 1914–1918 гг.

Прусские юнкеры имели свои особые аннексионистские аппетиты. О них мы узнаём из записки прусского министра внутренних дел фон Лебеля от 29 октября 1914 г., два тезиса которой гласили:

«1. Мы не должны отказываться от того, что нам и пригодилось бы, но чего мы не могли бы переварить (was uns aber unverdaulich ist).

2. Мы должны взять всё, что нам хотя непосредственно не нужно, но должно быть отобрано у противника для того, чтобы он в будущем был слабее нас» {29}.

От министров не отставали и владетельные князья. Они выставляли такие дикие захватнические требования приращений их территорий, что против этих притязаний вынужден был выступить по политическим соображениям Бетман-Гошъвег и потребовать сокращения их аппетитов {30}. [19]

Вся эта дикая аннексионистская пляска имела в первые месяцы войны подготовительный характер. Это была пока ещё разведка, режиссёры этого движения нащупывали почву, подсчитывали своих сторонников и противников, готовились к определению окончательных

требований. С самого начала наметилось два аннексионистских течения: «умеренно-аннексионистское, которому сочувствовал Бетман-Гольвег, и ультра-аннексионистское, которое поддерживали пангерманекие организации, финансовый капитал, юнкерство, военщина, высшее чиновничество и гогенцоллернская учёная лейбгвардия.

В конце 1914 г., уже после поражения на. Марне и после разгрома русскими австро-венгерских армий в Галиции и германской армии под Варшавой, канцлер обратился с строго доверительным письмом ко всем имперским центральным учреждениям и затребовал от них представления докладов с соображениями об экономическом и военном закреплении Бельгии за Германией{31}. Об официальных аннексионистских аппетитах даёт понятие совместная записка имперского министерства внутренних дел и министерства иностранных дел от 31 декабря 1914 г. за подписями Клеманса Дельбрюка и Циммермана. Эти ведомства не требовали открытой аннексии Бельгии. Они указывали на необходимость «восстановления Бельгии», но восстановления «как вассального государства... находящегося в распоряжении Германской империи».

Для закрепления Бельгии, писали оба министра, Германия должна держать там постоянные гарнизоны, занять все железные дороги и иные транспортные средства, крепости и порты и запретить Бельгии иметь свою армию. Бельгия должна содержать на свой счёт германские гарнизоны и уплачивать ежегодно известную сумму Германии за «освобождение» от собственной армии. Суд и судопроизводство должны перейти к Германии. Бельгия лишается права сношения с другими государствами, каковое передаётся Германии. Бельгийские колонии передаются Германии, а Бельгия включается в Германский таможенный союз «без права голоса в таможенных делах». Она обязана ввести у себя германское [20] таможенное законодательство и передать взимание таможенных сборов германским чиновникам. Вся экономическая жизнь подчиняется германскому финансовому капиталу, вместо франка вводится германская марка, а вместо бельгийского — германское рабочее законодательство{32}.

Такую участь готовили германские официальные аннексионисты бельгийскому народу: экономическое и политическое угнетение, полевые суды и осадное положение, передача всех материальных богатств жадному и ненасытному победителю, вечный подневольный труд на завоевателей в качестве вознаграждения за чинимые ими насилия.

Надо подчеркнуть, что аппетиты официальных кругов всё же являлись «скромными» и «умеренными» по сравнению с требованиями буржуазных политических партий, так называемых «общественных» и «культурных» организаций, выражавших интересы монополистического капитала и юнкерства.

В декабре 1914 г. Пангерманский союз разослал в тысячах экземпляров по всей стране меморандум, составленный председателем Пангерманского объединения Классом и Гугенбергом. В меморандуме были сформулированы германские ультра-аннексионистские требования на Западе, Востоке и за морем. Этот документ в результате длительного обсуждения центральными комитетами и местными комитетами буржуазных партий, правлениями крупных организаций финансового капитала, на кафедрах университетов и в «культурных» обществах был положен в основу целого ряда других записок и меморандумов, которые были направлены в марте — июле 1915 г. имперскому канцлеру, верховному военному командованию и целому ряду влиятельных лиц. Эти меморандумы представляли собой программу «мирных целей» германской буржуазии, которую она требовала от правительства провести в жизнь.

Меморандум Класса — Гугенберга требовал перенесения германской границы западнее прямой линии Булонь — Верден — Бельфор. На Востоке меморандум требовал включения в границы Германской империи земель, лежащих восточнее линии, идущей от Чудского и Псковского [21] озёр до устьев Днепра. Сибирь пангерманцы отдавали Японии, себе брали всю Британскую империю{33}.

Кто поддерживал эту аннексионистскую программу? За пангерманским меморандумом стояли крупные хозяйственные и политические организации монополистического капитала, представители которых принимали самое активное участие в выработке и формулировке требований покорения всего мира. Это были Кирдорф, Гуго Стиннес, Бенкенберг, Борвиг, Тиссен, Юлиус Вольф, Гугенберг, братья Рехлинг, Рейш (от тяжёлой промышленности), Фридрихс (от Союза германских промышленников), барон Вангенгейм и Резике (от Союза сельских хозяев, т. е. от юнкерского землевладения), Пантерманский союз и т. п.

В марте был выработан той же верхушкой финансового капитала и юнкерства другой аннексионистский документ, известный под именем «меморандума шести хозяйственных организаций» монополистического капитала (Центральное объединение германских промышленников, Союз промышленников, Союз сельских хозяев, Германский имперский союз средних классов, Немецкий крестьянский союз, Объединение христианских союзов немецких крестьян){34}.

Для поддержки и пропаганды требований меморандума шести организаций монополистического капитала Пангерманский союз создал комитет, куда вошли виднейшие учёные, дипломаты и другие видные представители буржуазной интеллигенции (Отто фон Гирке и Герман Шумахер, профессора Рейнгольд Зееберг, Дитрих Шеффер, бывший посланник Рейхенау, Фридрих фон Шверин, промышленник Эмиль Кирдорф и др.).

В конце июня 1915 г. был созван в Берлине «съезд» представителей интеллигенции, который утвердил проект меморандума, составленный Андреасом Гильдемейстером. Этот документ, известный под именем «меморандума профессоров», превосходил по своим наглым завоевательным требованиям даже требования Пангерманского союза и шести хозяйственных организаций монополистического [22] капитала{35}. Политическая цель «профессоров», в числе которых находилось 234 представителя крупной промышленности и сельского хозяйства, 168 служителей религиозного культа и 18 генералов и адмиралов, была, по их словам, очень «скромна». Они хотели лишь «оказать поддержку правительству формулировкой ясно выраженной воли народа при ожидающих его бесконечно трудных и разнообразных переговорах» {36}.

Меморандумы пангерманских объединений шести хозяйственных организаций монополистического капитала и пангерманских «профессоров» являются обобщением всех хищнических требований имущих классов Германии. Они сводились к следующему:

1. Безраздельное господство Германии для начала над четырьмя континентами.

2. Передел земного шара на основе передачи Германии всех мировых материальных, продовольственных и сырьевых ресурсов.

3. Будущий «мир» должен обеспечить Германии господство на вечные времена.

4. На границах Германии не должно быть ни одной сильной державы.

5. Будущая Германская империя будет делиться на коренную полноправную Германию — «колыбель германизма» и на «завоёванную Германию», жители которой будут лишены всех политических прав и всего их движимого и недвижимого имущества в пользу завоевателей — немецких господ.

6. Односторонний характер промышленного развития Германии будет устранён созданием обширной сельскохозяйственной базы для колонизации избыточного коренного немецкого населения из метрополии.

7. «Сельскохозяйственная» база должна снабжать метрополию «здоровыми крестьянами»,

«крепкими и выносливыми солдатами», продовольственными продуктами и промышленным сырьём и «усилить независимость [23] Германии от заграницы». Иными словами — установить полную автаркию.

8. Единственно пригодные для этой цели земли находятся на Востоке, в России. Они должны быть присоединены к Германии потому, что крестьянское население России якобы не знает ещё оседлости и «вовсе не так срослось со своей землёй, как население Центральной и Западной Европы», т. е. земля там «без хозяина» и главным образом потому, что на этих землях «германская культура усваивалась в течение 700 лет».

9. Россия, отброшенная далеко от Балтийского и Чёрного морей, будет во всём зависима от Германии.

10. Борьба между славянством и германизмом разрешается в пользу последнего тем, что Россия навсегда отделяется от западного и южного славянства, которые станут добычей победоносного германизма{37}.

Такова была программа крайних германских аннексионистов. Подчинение себе всей Европы, а затем установление мирового господства — эту задачу германский империализм преследовал вплоть до момента разгрома германской армии.

В секретных переговорах с лидерами буржуазных партий в 1915 г. правительство дало согласие, с некоторыми оговорками, на эти требования, хотя никогда публично не объявляло их своей «мирной» программой. Наоборот, тщательно скрывая захватнические цели под хорошо зашифрованными формулами, германское правительство заявляло, что оно не добивается никаких территориальных приращений, но борется лишь за завоевание «реальных гарантий безопасности», за приобретение «гарантий большей свободы движения и большей свободы для более сильной Германии», что означало в расшифрованном виде подчинение себе всей Европы и установление германской мировой гегемонии.

28 мая 1915 г. канцлер заявил в программной речи в рейхстаге с большой откровенностью, что Германия будет воевать до тех пор, «пока мы не завоюем и не создадим [24] все только возможные реальные гарантии и полную безопасность, чтобы никто из наших врагов ни в отдельности, ни совместно не осмелился опять начать вооружённый поход»{38}. Это официальное заявление означало, что Германия намерена бороться до тех пор, пока не завоюет мирового господства.

На основе изложенной выше захватнической программы финансового капитала и юнкерства был создан в рейхстаге и в стране прочный парламентский блок, в который вошли консервативная партия, немецкая фракция, национал-либеральная партия, католический центр и прогрессивная народная партия. 9 декабря 1915 г. лидер католического центра депутат Шпан огласил в рейхстаге от имени всех буржуазных политических партий декларацию, требовавшую только такого мира, который «должен обеспечить на продолжительное время военные, экономические, финансовые и политические интересы Германии в полном объёме, включая и необходимые к тому территориальные приобретения»{39}.

Захватнические цели германского империализма, намеченные пангерманцами задолго до войны, сформулированные и конкретизированные в 1914–1915 гг. разными политическими организациями, сделались программой, которую германская капиталистическая, юнкерская и правительственная печать пропагандировала на все лады и старалась привить немецкому народу вплоть до осени 1918 г.

И «умеренные» аннексионисты под влиянием господствовавшего в годы войны в Германии аннексионистского беснования постепенно расширяли и повышали свои требования. Это наиболее наглядно видно на эволюции взглядов таких историков, как Дельбрюк, Мейнеке,

Онкен и др., которые не солидаризировались с пангерманцами, но защищали свои особые, менее обширные, но всё же настолько широкие захватнические программы, что лишь на фоне полного аннексионистского безумия эти программы можно назвать «умеренными».

Расширяя всё время свои аннексионистские аппетиты, Ганс Дельбрюк, например, всё же оставался «умеренным» [25] аннексионистом, так как аппетиты других аннексионистов за это время ещё больше расширились. В сентябре 1915 г. Дельбрюк писал в «Preussische Jahrbücher»: «Мы победители, мы можем себе поставить положительные цели... Само собой понятно, что раз германский император освободил и прибрал к своим рукам старые немецкие города, как Митава и Рига (Рига была занята немцами лишь через два года. — Ф. Н.), то он их так же не вернёт обратно, как он не вернул Страсбурга в 1871 г., — в этом должно быть полное единодушие»{40}.

В выпущенной в том же 1915 г. книге «Bismarks Erbe» Дельбрюк писал: «Первое и важнейшее требование, которое мы должны выставить при заключении будущего мира, должно быть требование большой колониальной Германской Индии. Империя должна быть так велика, чтобы она была способна в случае войны себя защищать. Очень большую территорию ни один враг не может оккупировать. Очень большая территория питает собственные войска и таит в себе многочисленных резервистов и ландштурмистов. В то время как железные дороги связывают главные пункты, разные местности в состоянии поддерживать друг друга. Очень большое пространство может иметь собственные фабрики боевого снаряжения и оружия. Очень большое пространство имеет также порты и угольные станции»{41}.

Коллега и единомышленник Дельбрюка профессор истории Эмиль Даниэлъс писал в сентябрьской книжке «Preussische Jahrbücher» за 1915 г.: «Война будет стоить России не только её западных границ, но также её положения, которое она себе приобрела на христианском и магометанском Востоке со времён Екатерины II» {42}.

Требования «умеренных» аннексионистов Дельбрюка и Даниэльса означали, что Германия не должна претендовать на территориальные приращения на своей западной границе, но в Восточной Европе она должна присоединить к себе русскую Польшу, Литву, Прибалтийский край, Белоруссию и Украину и помимо того занять место России на Балканском полуострове и в Малой Азии. Германия должна кроме того создать в результате [26] войны обширную колониальную империю в Африке, в Азии и на островах Тихого океана.

Упомянутый выше лидер немецкой прогрессивной партии, член рейхстага и также «умеренный» аннексионист Фридрих Науман обобщил и облек в мечтательно-философские формы завоевательные планы и требования «умеренных» групп германского империализма в выпущенной им в 1915 г. книге «Срединная Европа». В этом новом государственном образовании, обязанном своим существованием исключительно «творчески-созидательной немецкой душе», стирались все границы между государствами и исчезали все малые государства. Призывая немцев к созданию своей «Срединной Европы» во время войны, Науман писал:

«Точно так же как Бисмарк создал Германскую империю в войне 1870 г., а не после войны, так должны наши государственные руководители заложить во время этой войны, когда льётся кровь и народы пришли в движение, основы нового государственного образования. Некоторое время спустя может быть уже будет слишком поздно»{43}. Науман не признавал права на существование малых и средних государств. Он утверждал, что они уже давно потеряли свой суверенитет и что, конечно, в германской «Срединной Европе» они обязаны будут согласно капиталистическому закону концентрации уступать свою независимость немецкому европейскому левиафану — «Срединной Европе».

Война показала, писал Науман, что ни сейчас, ни в будущем маленькие и средние государства не могут делать большой политики. «Лишь очень большие государства ещё кое-

что означают, все малые государства живут использованием противоречий между великими государствами и обязаны получить разрешение, если они хотят сделать необычное движение. Суверенитет, т. е. свобода всемирно-исторических решений, сосредоточен в очень небольших местах на земном шаре. Ещё не пришёл тот день, когда будет одно стадо и один пастырь, но уже миновали те дни, когда многочисленные малые и средней величины пастыри гоняли без всякого контроля свои стада по пастбищам Европы... Дух крупнокапиталистической [27] концентрации и надгосударственной организации овладел и политикой. Теперь мыслят, как однажды выразился Сессиль Родс, «частями мира». Кто мал и хочет оставаться изолированным, тот всё равно становится зависимым от изменяющегося положения великих держав. Это является последствием централизации транспорта и военной техники. Кто не связан союзом, тот изолирован; кто изолирован, тот в опасности»{44}.

Германия и Австро-Венгрия, отдельно взятые, продолжал Шуман, слишком малы для того, чтобы устоять в мировой войне. «Поэтому, — вещал он, — среднеевропейский союз является в настоящее время не случайностью, а необходимостью»{45}.

«Срединная Европа» с её немецким «новым порядком» — эта «надгосударственная организация» должна была представлять собой хозяйственный комплекс. Малые государства не должны, как это было до сих пор, мешать большим государствам.

Объединённые Австро-Венгрия и Германия — это только «ядро» «Срединной Европы», руководимой Германией. «Наши глаза, — сказано дальше у Наумана, — таким образом, обращены в первую очередь на среднеевропейскую территорию, которая простирается от Северного и Балтийского морей до Альп, Адриатического моря и Южного края Дунайской равнины. Возьмите карту в руки и посмотрите, что простирается между Вислой и Вогезами, что находится между Галицией и Боденским озером. Это пространство вы должны рассматривать как одно целое, как многочисленную братскую страну, как оборонительный союз, как экономическую область. Здесь должен в суматохе мировой войны исчезнуть всякий исторический партикуляризм, который мешает идее единства. В этом состоит требование данного момента, в этом задача этих месяцев» {46}.

Таким образом, в «Срединную Европу» Наумана включались все западные и южные славяне, которые должны были служить орудием в руках немецких господ для завоевания мирового господства. Из дальнейших рассуждений Наумана вытекало, что к основному ядру [28] «Срединной Европы» должны были быть впоследствии присоединены на «добровольных» началах на востоке — Украина, Белоруссия, Литва; на севере — Финляндия, Швеция, Норвегия и Дания; на западе — Голландия, Бельгия, Швейцария и Франция по Вогезы и реку Сомму включительно. Такая «Срединная Европа» должна была, по планам германских «умеренных» империалистов, составить обширную «хозяйственную территорию», заключающую в своих пределах достаточно продовольственных ресурсов, промышленного и стратегического сырья для германской индустрии и для потребностей войны. Она должна была иметь достаточно плодородных земель для расселения немецких крестьян, которые должны поставлять продовольствие для городов и солдат для подавления и порабощения не-немецкого населения в «Срединной Европе» и для завоевания новых территорий.

Но и эта «Срединная Европа» не являлась самоцелью. Опираясь на неё, Германия подчинит себе всю остальную Европу и значительную часть Азии и создаст расширенную «Срединную Европу», которая должна простираться от Ледовитого океана до Персидского залива и от Соммы и Вогезов на западе до Волги на востоке и Кавказа на юго-востоке. За такую «Срединную Европу» с десятками покорённых славянских, романских и других народов, лишённых политических и гражданских прав и имущества в пользу немецких господ, воевали германские империалисты в 1914–1918 гг. Но и эта военная цель их не совсем удовлетворяла. Эта «Срединная Европа» должна была служить началом, отправной точкой для завоевания мирового господства.

«Срединная Европа» Наумана сделалась знаменем «умеренных» германских империалистов, которое объединило вокруг себя также и значительную часть крайних аннексионистов и правых социал-демократов, считавших, что предложенный Шуманом «мягкий» способ создания немецкой «Срединной Европы» на основе присоединения к Германии и Австро-Венгрии всех оккупированных территорий вместе с «союзной» Турцией является самым целесообразным и вызовет меньше всего сопротивления как у включённых в неё народов, так и у оставшихся за её пределами. [29]

При всех построениях «Срединной Европы», управляемой Германией, или же просто «Великой Германией», управляющей Европой, Россия была в центре всех захватнических планов. На её развалинах и из её строительного материала должна была быть построена «Великая Германия». В этом сходились все крайние и умеренные аннексионисты. По этому вопросу господствовало трогательное единогласие между Классом, Гугенбергом, Тиссеном, Рорбахом, Дельбрюком, Науманом и другими. «Россия, — писал Рорбах, — должна быть расчленена, раздавлена и уничтожена, а русский народ должна постигнуть такая же участь. Это должно совершиться, и гробовщик России и русского народа — Германия — ждёт лишь подходящего случая для выполнения приговора истории».

Россия, доказывал Рорбах, должна быть уничтожена по многим причинам. Во-первых, её обширные территории и богатства нужны Германии; во-вторых, она после аграрной реформы 1861 г. сделала очень большие успехи во всех областях общественной и интеллектуальной жизни, а её население слишком быстро размножается, что не входит в расчёты немцев. Если Россия не будет теперь сломлена, писал Рорбах, то она в скором времени настолько усилится, что сумеет покорить Центральную Европу. Надо поэтому действовать без промедления и нанести первый сокрушительный удар, после чего будет очень легко справиться с Россией и её народом. «Русские — истерический народ, — писал далее этот «знаток» России. — Как только начинается крах, тогда они теряют всякую способность сопротивления. Упорной борьбы до крайности в России ожидать не следует». Уменьшение России, писал Рорбах, абсолютно необходимо, ибо Германия и западная культура получат покой и безопасность лишь в том случае, если Россия будет значительно уменьшена путём отделения от нее западных областей. «Надо себе только представить, — продолжал Рорбах, — что это означает: присоединение к нынешнему объёму Германской империи территории такого же объёма, как половина Северной Германии... Балтийские провинции и Литва в состоянии при проведении колонизации... пропитать по меньшей мере 15 миллионов человек!.. Таковы широкие перспективы, которые [30] откроются в случае немецкого приобретения этих областей». Захват западных областей России, захлёбывался от восторга Рорбах, даст Германии обеспеченные стратегические границы, земли для колонизации, «великолепные области, поставляющие рекрутов для укрепления нашей вооружённой мощи». Эти области обеспечат навсегда Германию продовольствием, фуражом и лесными материалами. Присоединение к Германии этих областей изменит соотношение сил в Европе и обеспечит её в будущем от наводнения миллионов русских. «Ко всему этому надо прибавить великолепные государственные леса с их колоссальными пространствами и всё побережье. И опять, как во времена Ганзы и Тевтонского ордена, вся русская торговля до Урала и по ту сторону Урала будет отдана немецкому мореходству и избавит навсегда Германию от русского флота в её тылу»{47}.

Для того чтобы представить себе свистопляску и аннексионистское неистовство, господствовавшее на протяжении нескольких лет в Германии, достаточно будет остановиться на литературных упражнениях двух учёных, числившихся в списке «умеренных» аннексионистов. Историк Фридрих Мейнеке, выступавший за «компромиссный» мир и возглавлявший «умеренную» группу профессоров («Народная лига за свободу и отечество»), писал в декабре 1916 г. в «Франкфуртской Газете»: «Горе малым государствам, которые возьмут неверную ноту по отношению к нам. Судьба Бельгии, которая дала себя поймать и обольстить западным державам, Сербии, Черногории и Румынии... научит маленькие страны Европы надолго после войны, что для их жизни опасно прикасаться к заряженному электричеством проводу, защищающему «Срединную Европу»{48}. Профессор Онкен

выпустил в конце 1917 г. книгу под многозначительным названием «Старая и новая Срединная Европа», куда он включил добрую часть Западной и Восточной Европы, всю Юго-Восточную Европу и всю Турецкую империю. И для Онкена война — это «творческий разрушитель». [31]

Она не только разрушила вражеские границы, но этим самым «создала также Новую Срединную Европу в широком понимании».

«Новая Срединная Европа» Онкена включила в себя на западе Бельгию и Северную Францию, на востоке — Польшу, Литву, Прибалтийские области, Финляндию, Украину, на юго-востоке — весь Балканский полуостров{49}. Балканский полуостров помимо своего военного, политического и хозяйственного значения должен был служить для «Новой Срединной Европы» той территориальной связью с Турцией, которой раньше нехватало. Срединная Европа в таком составе и под господством Германии, уверял Онкен, не имеет ничего общего с «английским, русским или американским империализмом». Она «является детищем совершенно другого духа, так как, — продолжал он, — ...германская мировая политика не хочет завоёвывать силой, а желает присоединения на началах свободы» (in Freiheit anschlissen). Она стремится создать на пути Берлин — Багдад не Германскую империю-поместье (Herrenreich) по английскому образцу, а свободное политико-экономически-культурное товарищество, связанное общими интересами великих и малых держав» {50}.

Северное и Балтийское моря, Черноморский бассейн и ворота к входу и выходу в Средиземное море — так выглядела «Новая Срединная Европа» профессора Онкена. Онкен в отличие от своих более реакционных «коллег» не требовал искоренения не-немецкого населения в захваченных областях, он также не требовал переселения «двух миллионов немцев с Волги» с «Срединную Европу» и удовлетворялся приобретением для них автономии в пределах России. Свои планы мирового господства Онкен прикрывал блудливыми словами о «свободе», в то время как профессор Шеффер прямо говорил об искоренении не-немецкого населения в завоёванных странах и требовал для Германии «пространства без людей».

Завоевательные планы создания «Срединной Европы» под германским главенством в качестве основы для [32] распространения немецкого господства на весь мир, планы, которые так прочно владели всеми немецкими шовинистами, не были, как показано выше, новыми. Они принадлежали отцам и дедам Гугенбергов, Тиссенов, Шефферов и Онкенов.

Изложенные выше завоевательные планы германского империализма сделались с середины 1915 г. общепризнанной программой всех немецких имущих классов, подавляющего большинства мелкой буржуазии и интеллигенции. Эту империалистическую программу крупнокапиталистическая, юнкерская и вся зависимая от финансового капитала печать пропагандировала на все лады и прививала германскому народу вплоть до осени 1918 г. Её поддерживали буржуазные политические партии в рейхстаге и за его стенами.

Эксперт исследовательской комиссии рейхстага Эрих Фолькман, изучавший этот вопрос по опубликованным и неопубликованным архивным документам, пишет в своём исследовании «Аннексионистские вопросы мировой войны»: «Все партии, за исключением социал-демократии, высказывались за победный мир со всеми желательными гарантиями и с территориальными приращениями. Но и социал-демократия также соглашалась в принципе с точкой зрения канцлера, который требовал реальных военных, политических и экономических гарантий на Востоке и на Западе»{51}.

Широкое распространение ультра-аннексионистских взглядов, захватившее все имущие классы и зависимые от них прослойки германского общества, является прекрасной иллюстрацией всемогущества финансового капитала. «Факты говорят, — писал Ленин, в 1915 г., — о повальном присоединении к империалистам всех имущих классов вплоть до

мелких буржуа и «интеллигенции»{52}. Ленин дал классическое по своей глубине и простоте объяснение этих фактов и доказал, почему они неизбежны и «законны» при империализме. «Империализм есть подчинение всех слоев имущих классов финансовому капиталу и раздел мира между 5–6 «великими» державами, из которых большинство участвует теперь в войне. [33]

Раздел мира великими державами означает то, что все имущие слои их заинтересованы в обладании колониями, сферами влияния, в угнетении чужих наций, в более или менее доходных местечках и привилегиях, связанных с принадлежностью к «великой» державе и к угнетающей нации»{53}.

2. Империалистический авантюризм и военная действительность

Были ли у германского империализма в ходе войны шансы хотя бы на частичное осуществление захватнической программы, которую он о таким упорством разрабатывал задолго до 1914 г. и с таким остервенением отстаивал в течение всех четырёх лет первой империалистической войны? Всестороннее изучение этого вопроса со всех точек зрения и сравнение материальных и политических ресурсов Германии и её союзников с общими ресурсами стран Антанты и США приводит к отрицательному ответу. Это, повидимому, сознавали и сами руководящие круги германского империализма. Между политическими целями и материальными возможностями германского империализма была непроходимая пропасть. Именно это вынуждало правительство и генеральный штаб прибегать накануне и во время войны к весьма рискованным авантюристским военно-политическим планам и действиям. Германский империализм пытался обмануть историю, построив все свои политические расчёты на использовании англо-русских противоречий и своих временных преимуществ: внезапности нападения и лучшей военной подготовки на первой стадии войны. На этих ложных расчётах, куда входили также переоценка собственных сил и недооценка сил противников, был построен план Шлиффена, который должен был обеспечить германскому оружию «молниеносное» завоевание Европы. Провал плана Шлиффена в исторических битвах в августе — сентябре 1914 г. на полях Франции, Галиции и Восточной Пруссии показал несостоятельность германских [34] планов завоевания Европы и завоевания Мирового господства. Победа на Марне и русские победы в Галиции, под Варшавой и Ивангородом создали благоприятные условия для подготовки победы Антанты и предрешили военный разгром Германии. Вместо молниеносной победы началась тяжёлая затяжная война, в которой временные преимущества Германии были израсходованы без осязательных политических результатов. Затяжная война означала для Германии её неизбежный разгром.

Все метания германского верховного командования с октября 1914 г. по декабрь 1916 г. с Восточного на Западный фронт и обратно являлись не чем иным как неудачными попытками скрыть от народа размеры политического поражения и вырваться из удушающих англо-русско-французских железных объятий. Вместо обещанного 1 августа 1914 г. кайзером Вильгельмом II победоносного окончания войны ещё «до осеннего листопада» германская армия вынуждена была в сентябре перейти к обороне на Западе и перенести центр тяжести всей войны на Восточный фронт.

Австро-германское наступление летом 1915 г. привело к большим потерям русской армии. Оно, однако, стоило и австро-германским армиям немалых потерь, обескровило их и закончилось полной неудачей военных и политических планов Германии. Плохо вооружённая русская армия блестяще маневрировала, отступала, но не дала себя окружить или разрезать на части. Она отдала громадную территорию, но устояла и сохранила свою боевую мощь; она выдержала совместный натиск германской и австро-венгерской армий и приостановила в сентябре 1915 г. их дальнейшее продвижение. Россия отклонила неоднократно сделанные ей Германией в 1915 г. мирные предложения. Вместо уничтожения русской армии и

победоносного сепаратного мира с Россией, как это предполагала Германия, началась позиционная война на всём Восточном фронте от Рижского залива до верховьев Прута. Германское верховное командование вынуждено было признать в декабре 1915 г. свою военную и политическую неудачу. Русская армия была официально объявлена уничтоженной, но в секретной записке кайзеру Вильгельму II Фалькенхайн откровенно поведал, что Германия не в состоянии выбить Россию из [35] строя воюющих держав и продолжение в 1916 г. активных действий на Восточном фронте чревато опасностями для германской армии{54}.

Кампания 1915 г. закончилась неудачно для Германии, несмотря на крупные оперативные успехи на Восточном фронте и установление прочной связи с Турцией, что надолго продлило сроки войны и сопротивление Четверного союза. Ни одна из поставленных политических и военно-стратегических задач не была достигнута. Оккупация громадных территорий в России и ликвидация Сербии стоили самой Германии громадных жертв, ослабили её и не приблизили к победе, а лишь отсрочили момент разгрома.

Беспрерывное и постоянно нараставшее перемалывание русской армией живой силы германской, австро-венгерской и турецкой армий в непрекращавшихся боях в 1914 и 1915 гг. на Восточном и Кавказском фронтах и их обескровление изменили в 1916 г. коренным образом военную обстановку на Западном фронте. Перемещение центра тяжести войны на Восточный фронт и переход германской армии с октября 1914 г. по февраль 1916 г. к обороне на Западном фронте создали благоприятные условия для организации и обучения миллионной английской армии, переоборудования английской и французской промышленности, приспособления её к военным потребностям и для создания новой мощной промышленности. В то время, когда германские армии истекали кровью с мая по сентябрь 1915 г. на полях Польши, Литвы и Белоруссии, Франция и Англия увеличили свой вооружённые силы на Западном фронте с 105 до 136 дивизий. Это вынудило германское верховное командование попытаться предупредить события, вторично перенести ранней весной 1916 г. центр тяжести наступательных операций на Западный фронт. Была сделана попытка уничтожить французскую армию, которую не смогло осуществить германское наступление в 1914 г., когда Франция была значительно слабее в военном отношении. В августе 1914 г. столкнулись на Западном фронте 80, а в сентябре 76 германских дивизий с 84 французскими, [36] 4 английскими и 6 бельгийскими дивизиями, а в феврале 1916 г. союзники имели 141 дивизию, которой Германия могла противопоставить лишь 105 своих дивизий. Германская армия встретилась в 1916 г. с совершенно новыми условиями на Западном фронте. Русская армия, объявленная полгода назад, «уничтоженной», сейчас же пришла на помощь французам и начала наступление в марте 1916 г. в районе озера Нароч, что помешало отправке немецких подкреплений с Восточного на Западный фронт. Точно также русские победы зимой и весной 1916 г. в Армении надломили военную мощь союзника Германии — Турции, после чего она уже не могла оправиться. В результате всего этого Германия потерпела поражение под Верденом.

В 1916 г. наступил коренной поворот в войне. Союзные армии перешли к согласованным активным действиям на Восточном и Западном фронтах, а армии Четверного союза вынуждены были перейти к обороне на всех фронтах. Наступление армий Брусилова, поражение австро-венгерских армий, обескровление германской армии на Восточном фронте и появление технического превосходства у армий Антанты стало поворотным пунктом в первой мировой войне. Наступление союзных армий на реке Сомме вызвало кризис в германском верховном командовании. Гинденбург и Людендорф сменили Фалькенгайна и должны были признать в октябре 1916 г. абсолютную невозможность выиграть войну силами одной только сухопутной армии.

Несмотря на переход германской армии к обороне на всех фронтах, новое верховное командование возглавило аннексионистское движение и с невероятной энергией подогревало в народе веру в достижение мира, продиктованного немцами. Оно добилось сплочения вокруг себя и своей программы всех буржуазных партий и имущих классов.

Отрицательный баланс первых 30 месяцев войны ничему не научил германских империалистов. Они считали, что раз германские войска занимают обширные чужие территории, то они уже являются «победителями». Они не отказались от недостижимых военных целей, но вздумали их достигнуть иными средствами. Этим была порождена неудачная попытка Германии перессорить между [37] собой своих противников в декабре 1916 г. и навязать им путём «мирных» маневров такой мир, какой она не могла им навязать военной силой. Германское правительство сделало «мирное» предложение с двоякой целью: расколоть лагерь своих противников и переложить на них ответственность за продолжение войны и за жестокие методы беспощадной подводной войны. Противники Германии распознали этот хитрый маневр и отказались пойти в расставленные силки, после чего Германия объявила 1 февраля 1917 г. беспощадную подводную войну всему судоходству воюющих и нейтральных стран. Этот бесчеловечный метод войны, обозначавший войну против мирных граждан нейтральных стран, вызвал возмущение во всём мире, германское же верховное командование рассчитывало с помощью подводной войны блокировать Англию, «уморить» её голодом и поставить через 6 месяцев на колени. Ничего этого германское командование не добилось, но зато ускорило объявление Североамериканскими Соединёнными Штатами войны Германии.

Буржуазно-демократическая революция в России и провозглашённые ею лозунги «мир без аннексий и контрибуций» и «право наций на самоопределение» оказали огромное революционизирующее влияние на народные массы и армии воюющих стран. Это вынудило кайзера Вильгельма II дать обещание ввести всеобщее избирательное право в Пруссии.

23 апреля 1917 г. германское правительство и верховное командование приняли решение добиваться громадных территориальных приращений за счёт России, Бельгии и Франции{55}. 17 и 18 мая того же года германское и австро-венгерское правительства и военные власти договорились между собой о том, что Германия получит Курляндию, Литву и Польшу, а Австро-Венгрия присоединит к себе на основе вассалитета уменьшенные Румынию, Сербию, Черногорию и Албанию {56}.

Между тем к середине 1917 г. выяснилось, что беспощадная подводная война не дала ожидаемых результатов. Тяжёлое продовольственное положение, усталость [38] армии, недовольство народных масс затяжной войной, крах авантюры верховного командования, рассчитывавшего потопить многомиллионную американскую армию на дне Атлантического океана, и реальное приближение момента появления этой армии во Франции породили политический кризис в Германии. В лагере аннексионистского блока буржуазных партий произошёл раскол, и вчерашние аннексионистские партии — католический центр и свободомыслящие — выступили защитниками лозунга «мир по соглашению».

Главная социальная опора германского империализма в массах — германская социал-демократическая партия принуждена была отказаться от открытой поддержки захватнических целей войны. Политический кризис явился результатом трезвой оценки соотношения сил обоих воевавших лагерей. Эта оценка убеждала германскую социал-демократическую и срединные буржуазные партии в том, что Германия проиграла войну. В рейхстаге было создано новое большинство на платформе: демократизация Германии и «мир по соглашению». Но одновременно реакция, возглавляемая верховным командованием, добилась отставки Бетман-Гольвега и замены его безвестным чиновником Михаэлисом, служившим слепым орудием в руках Людендорфа и Гинденбурга. Новое большинство рейхстага приняло 19 июля 1917 г. резолюцию о «мире по соглашению», продиктованную смертельным страхом приближения дня расплаты за все злодеяния германского империализма и желанием спасти то, что ещё можно было спасти.

Война была проиграна, и это начинали понимать довольно значительные круги в Германии. В августе 1917 г. произошло опасное выступление в германском флоте. Внутреннее и внешнее положение Германии ухудшилось. Тем не менее 9 августа верховное

командование и новый рейхсканцлер Михаэлис договорились о том, что будут добиваться аннексии Прибалтики, Литвы, Польши, вассальной зависимости Украины, Бельгии, аннексии Люксембурга и французских железорудных бассейнов Лонгви и Бриэ{57}. [39]

Однако провозглашённые русской революцией лозунги «мир без аннексий и контрибуций» и «право наций на самоопределение» нашли стольких приверженцев во всём мире, в том числе и в Германии, что просто от них отмахнуться не могли даже немецкие аннексионисты. Действовать по-старинке и требовать присоединения к Германии большей части России (хотя теперь, казалось, мечта превращалась, по мнению немецких империалистов, в реальность) было очень затруднительно. Они поэтому приложили все старания к тому, чтобы «приспособить» лозунги русской революции к своим захватническим требованиям и истолковать их таким образом, чтобы любую аннексию за счёт России можно было выдать за «самоопределение» местного населения. Такую программу — руководство для немецкой печати, для немецких дипломатов, политических деятелей и верховного командования — составил тот же пресловутый Пауль Рорбах, человек, близкий к Людендорфу и министерству иностранных дел, для которых он был первым «авторитетом» по русским вопросам.

«Наша военная цель на Востоке? В чём она должна состоять? Чего мы хотим достигнуть на Востоке? Ответ очень прост, он гласит: гарантию против русской опасности! не больше, но и не меньше!», — так начиналась брошюра Рорбаха «Наша военная цель на Востоке и русская революция». Против какой опасности Германии надо было получить при заключении мира гарантии? Оказывается, что эта опасность состояла в том, что население России очень быстро возрастает и что в её территории входят земли, чрезвычайно нужные немецкому империализму. Поэтому германская военная цель на Востоке должна состоять в прекращении роста населения России, чего можно достигнуть отторжением от неё не только части «Срединной Европы», которая будто бы оказалась в её руках, т. е. не только Прибалтийского края и Литвы, названных немецкими учёными уже давно «Междуевропой» (Zwischeneuropa), но также Польши, Белоруссии, Украины, Северного Кавказа и других областей.

«Будет ли Россия республикой или монархией, — это безразлично. Решающий вопрос состоит в том, кому будут принадлежать поляки, России или Срединной Европе, [40] и сколько людей отойдёт путём отделения Польши от России с русской на сторону Срединной Европы»{58}.

Но так как поляков слишком мало, чтобы их отделение от России могло её существенно ослабить, то необходимо присоединить к Польше белорусские области, и «чем больше, тем лучше». Это необходимо сделать по чисто политическим соображениям. В этом случае, писал Рорбах, «при определении выбора между Россией и Срединной Европой у поляков, надо полагать, чаша весов склонится ко второй альтернативе и, — что является решающим, — одновременно будет загнан политико-географический клин, который отделит будущую Польшу от России и крепче её привяжет к Срединной Европе»{59}.

Ввиду того, что со всех сторон раздавались голоса против аннексии западных областей России, Рорбах не возражал против того, чтобы Литва, Курляндия, Лифляндия и Эстляндия, если Россия сделается федеративной республикой, получили государственную автономию в её пределах, но при непременном условии, чтобы эти народы получили полную свободу в определении своих отношений к Германии и к германской культуре, с которой они якобы неразрывно связаны{60}. Это необходимо потому, что, опираясь на это непременное условие, германскому империализму нетрудно будет присоединить «Междуевропу» к «Срединной Европе», т. е. подчинить целиком Германии.

После отделения «Междуевропы», Польши и Белоруссии, а заодно и Финляндии на основе права наций на самоопределение, будущие взаимоотношения между Россией и Германией будут подчинены двум факторам: отказу России от стремления к открытому незамерзающему морю и развитию её активности собственно на Восток. «Если она будет упорствовать, — писал Рорбах, — в достижении цели и добиваться открытия западных и южных морей, то она волей-неволей будет вновь вовлечена в борьбу против германской Европы и союзной с

германством Европы»{61}. [41]

Рорбах, конечно, не верил, что Россия откажется от такого стремления, и, по его собственному изложению исторических фактов, такое стремление было вызвано естественной потребностью и, следовательно, оправдано. Россия очень богата плодородными землями, продовольственными продуктами и залежами минералов, и её внешняя торговля будет увеличиваться из года в год. Уже до 1914 г., писал Рорбах, почти три четверти всего русского хлебного экспорта проходило через Дарданеллы. Как раз к Чёрному морю тяготеют области России, богатые хлебом, сахаром, табаком, углем, железом, нефтью. «Это — Украина, которая хранит в своих недрах эти, русские сокровища». Обладая Украиной, Россия сделалась такой могущественной, что она постоянно будет стремиться к получению выхода из Чёрного моря, т. е. и овладению Константинополем и проливами, чего Германия допустить не может{62}.

Если Украина останется попрежнему объединённой с Россией, то военные цели Германии не будут достигнуты. Украинский вопрос, — продолжал Рорбах, — это вопрос мировой политики. И после отделения от России всех вышеупомянутых областей главная русская опасность для Германии попрежнему не будет устранена. И тогда Германия и созданная ею Срединная Европа не устоят против России. «Устранение русской опасности, если время будет этому способствовать, последует путём отделения Украинской от Московской России — или эта опасность вообще не сможет быть устранена»{63}.

Более чётко и ясно нельзя было сформулировать сущность преследуемой Германией цели на Востоке, цели, которой германский империализм хотел добиться путём применения принципа права наций на самоопределение.

Какие бы изменения революция ни произвела в России, она не приостановит, но увеличит рост её населения, писал далее Рорбах, а это значит, что производительность почвы будет увеличиваться, транспорт развиваться, как только она отдохнёт после войны. Современная Россия уже представляет собой не одну, а три [42] великие державы. «Каждая из трёх частей, из которых она состоит, — Великороссия, Украина и оторванная от Срединной Европы Западная область — может прокормить массу людей, представляющую собой великое государство. Держава, которая обладает всеми тремя частями, да к тому ещё Сибирью, Туркестаном и Кавказом, должна вырасти в такую колоссальную величину, что она в конце концов станет кошмаром всей Срединной Европы».

Нельзя тешить себя надеждой, что после революции германский капитал найдёт себе широкое поле деятельности в России и что поэтому Германии необходимо поддерживать хорошие отношения с этой страной, Ничего подобного, поучал Рорбах. «Окончательно побеждённая Россия для нас во всех отношениях, также в экономическом, хорошая Россия; но слишком сильная Россия является и останется опасной Россией»{64}.

Вся военная и дипломатическая деятельность Германии, по мнению Рорбаха, должна быть направлена на расчленение России. Надо избежать худшей из всех возможных ошибок и отказаться от политики, «считающейся с Россией, как с целым, как с единой властью». Наоборот, надо завязывать отношения с теми элементами в России, которые действуют в пользу её распада{65}.

Для Рорбаха, как и для всех империалистов, революция в России была «хаосом», «анархией». Он и его единомышленники интересовались таким вопросом: что будет, если «анархия» в России достигнет такого развития, что не с кем будет заключить мира и закрепить в договоре достигнутые цели? На этот случай у него был готов, такой рецепт:

«Если в России наступит анархия, то вопрос о военной цели в нашем смысле очень просто разрешается. Тогда можно оккупировать области, о которых шла речь, всё необходимое оттуда вывозить и обеспечить себе достаточные залоги к тому времени, когда опять будет правительство, с которым можно будет вести переговоры» {66}.

Таким образом, германские цели на Востоке после революции в России, по Рорбаху, сводились к следующему: [43]

1. Прекращение роста населения России. 2. Расчленение России на составные части, не связанные друг с другом, но зато связанные с Германией. 3. Присоединение к Польше Белоруссии и разжигание вражды между поляками и русскими. 4. Воспрепятствование стремлению России добиваться выхода к свободному незамерзающему морю. 5. Отделение от России Украины и других территорий, экономически тяготеющих к Чёрному морю и порождающих стремление к открытому морю. 6. Поддержка всех элементов в России, стремящихся к её распаду, и отказ от мира с правительством, власть которого распространяется на всю страну. 7. Германия может допустить существование только окончательно побеждённой России. 8. Если Германия не добьётся закрепления этих целей в договоре, то она должна использовать положение в России и оккупировать Прибалтийский край, Литву, Польшу, Белоруссию, Украину и всё Черноморье и держать их в качестве «залога» до тех пор, пока все её цели на Востоке не будут закреплены в мирном договоре.

«Русская программа» Рорбаха не являлась выражением игривых мыслей пангерманца, она представляла собой политическую инструкцию, продиктованную германским империализмом правительству Германии и её верховному командованию. Политика, начертанная Рорбахом в его книжонке, явилась программой действия немецких захватчиков в России в 1918 г. и проводилась ими как во время переговоров в Брест-Литовске, так и после заключения Брест-Литовского договора, до тех пор, пока германская армия не была изгнана из пределов нашей страны.

3. Великая Октябрьская социалистическая революция и вопрос о мире

25 октября (7 ноября) 1917 г. в Петрограде Временное правительство было свергнуто восставшим народом, а в ближайшие за этим событием недели во всей России была установлена советская власть. Определяя всемирно-историческое значение одержанной победы, Ленин [44] сказал: «Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма»{67}.

Первым законодательным мероприятием советского правительства был декрет о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 г. В этом историческом документе советское правительство предложило народам и правительствам всех воюющих государств «начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире», о мире без аннексий и контрибуций.

Желая лишить европейские правительства всякой возможности ложного истолкования понятия «справедливый демократический мир», советское правительство включило в «Декрет о мире» подробное и недвусмысленное разъяснение понятия аннексии. «Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии... всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено»{68}.

В «Декрете о мире» далее разъяснялось, что обеспечение осуществления права наций на самоопределение требует возвращения угнетённым народам полной свободы голосования и предоставления каждой нации неограниченной возможности «решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации». Для этого, говорилось в декрете, государства-захватчики должны вывести свои войска из аннексированных в прошлом и оккупированных во время войны стран и областей.

Историческое значение «Декрета о мире» не исчерпывалось предложением покончить с

империалистической войной и вернуть измученным народам блага мира. Советские принципы мира, разработанные Лениным и Сталиным, представляют выдающееся явление в жизни народов. «Декрет о мире» — это публично-правовой акт победившего пролетариата, программа коренного переустройства [45] взаимоотношений между народами, в основу которого положены уважение к правам и интересам всех народов и в частности к народам малым и культурно отсталым.

Советское правительство считало, что немедленное заключение мира необходимо для укрепления рабоче-крестьянской власти, поэтому оно заявило, что его мирные предложения не являются ультиматумом, и изъявило готовность рассмотреть и другие условия мира, если последние не будут содержать «двусмысленностей» и не будут затягивать переговоров. Советское правительство предлагало тщательно продуманную программу новых международных отношений, целую систему междугосударственных мероприятий, которые, будь они проведены в жизнь, должны были предотвратить военные столкновения в будущем или же свести их до минимума.

Руководящие круги Антанты и центральных держав были всецело поглощены войной и вначале рассматривали события в России почти исключительно с точки зрения того влияния, какое окажут эти события на исход войны.

Военное положение к концу 1917 г. сложилось внешне благоприятно для центральных держав. Германия, захватившая Ригу и острова Эзель, Даго, Моон и другие, сделалась хозяином на Балтийском море. Австро-Венгрия вернула себе Буковину и почти всю Галицию. Обе союзницы держали в своих руках оккупированные их войсками обширные земли в России, Румынии и Франции. Они занимали всю Бельгию, Сербию, Черногорию и Албанию. Они беспощадно грабили всё, что попадалось в их руки, забирали румынскую нефть и румынский хлеб, лес, сырьё и продовольствие во всех захваченных землях.

Победа австро-германской армии при Капоретто в октябре 1917 г. сделала итальянскую армию на длительное время небоеспособной. Италию как активную военную силу можно было пока не принимать в расчёт. Итальянское поражение ослабило и англо-французский фронт: Франция и Англия вынуждены были перебросить на итальянский фронт 12 лучших своих дивизий, и только таким путём они спасли Италию от полного разгрома. Эти дивизии остались на итальянском фронте, так как [46] без их помощи итальянская армия не в состоянии была выдержать новое австро-германское наступление. Катастрофа при Капоретто, таким образом, ослабила Западный фронт. Но всё это лишь прикрывало истинное тяжёлое состояние центральных держав.

Военное положение Германии и её союзников, несмотря на некоторое улучшение, всё же оставалось очень тяжёлым. Это показал прорыв англичанами фронта в ноябре у Камбрэ, который едва удалось восстановить с помощью прибывших о Восточного фронта войск. Это показало успешное наступление французов в августе 1917 г. у Вердена и в октябре у Суассона.

Экономическое и политическое положение Германии и её союзников в конце 1917 и в начале 1918 г. было очень тяжёлым. Германия не могла длительное время вести войну со странами Антанты и США. Три года войны и морской блокады причинили страшные лишения народам Германии и Австро-Венгрии, обрекли их на постоянное недоедание и голод, подорвали здоровье и в значительной степени ослабили их политическую устойчивость. Блокада лишила Германию возможности ввозить недостающее ей стратегическое сырьё, сельскохозяйственные удобрения, недостающие ежегодно от 15 до 18% продовольствия и фуража. Обороты внешней торговли в 1915 г. сократились в ценностном выражении по сравнению с 1913 г. до 25%, в 1916 г. — до 20%, а после вступления США в войну они упали до 14–15%.

Германский импорт составлял в 1913 г. 15 млрд. франков, в 1915 и 1916 гг. — по 4,5 млрд.

франков, а в 1917 г. — 2727 млн. франков; в 1918 г. импорт понизился до 1 663 млн. франков, т. е. до 9,2% импорта 1913 г. в ценностном выражении. Недостаток рабочих рук и минеральных удобрений привёл к падению сбора урожая всех продовольственных и технических культур и фуража.

Сбор урожая в тоннах

Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Картофель
1913	4000000	12000000	3 500 000	52000000
1914	3700000	9000000	2 415 000	—
1915	2999000	8900000	2 000 000	24 699 000
1917	2226000	6900000	1 957 000	34410000
1918	2458000	8000000	2 258 000	29 469 000 [47]

Сбор сахарной свёклы сократился с 17 млн. т в 1913 г. до 10 млн. т в 1918 г.

Грабежи в оккупированных странах несколько улучшали питание армии, но не могли сколько-нибудь заметно улучшить питание гражданского населения. Германское городское население жило в течение трёх лет впроголодь. Еженедельная норма хлеба-суррогата на душу составляла в 1917 г. 1500 г и суррогата-жиров 75 г. Эта норма была соответственно сокращена в июне 1918 г. до 1 250 г и 62 г в неделю. Резко повысилась смертность населения всех возрастов.

К концу 1917 г. ощущался недостаток в некоторых видах стратегического сырья, особенно цветных металлов, марганца, жидкого горючего, кожи, смазочных масел и др. Расстройство транспорта вызвало топливный голод. Резко падала из года в год производительность труда. Экономическое положение Болгарии и Турции было намного хуже Германии. Велико было недовольство народов затягиванием войны ради безграничных аннексионистских целей германских империалистов. Росло рабочее движение в Германии и национально-освободительное движение среди славянских народов Австро-Венгрии.

Три года войны изменили к худшему состав, боевую подготовку и боевой дух германской армии. Боевая стойкость армии падала. Ощущался большой недостаток кадровых офицеров. Армия приобрела признаки и качества милиционной армии. Быстро шло её физическое и моральное истощение. Влияние русской революции, соприкосновение солдат с русскими солдатами и гражданским населением и влияние союзной пропаганды подрывали уверенность у германских солдат в возможность победы.

Германская армия была обеспечена полевыми и тяжёлыми орудиями, пулемётами, миномётами, ручным оружием и артиллерийскими снарядами, но отсутствовали танки и был недостаток в моторизованном транспорте для замены недостающих и истощённых лошадей. Почти не было кавалерии.

Германская армия в конце 1917 и в начале 1918 г. не была в состоянии выносить длительное сопротивление в сражениях позиционной войны с войсками Антанты, опиравшимися на неисчерпаемые материальные и [48] технические средства и обрушивавшими на неё в продолжение недель лавины огня и металла.

Совсем иное положение было в странах Антанты. И они были истощены, особенно Франция. Но эти страны не испытывали голода на всём протяжении войны. Во Франции, Англии и Италии ещё не были исчерпаны людские резервы.

Неистощимые экономические и людские резервы США, которые ещё не вступали в бой, вселяли уверенность в победе и укрепляли морально-политическую стойкость во всех классах общества. Антанта и США могли и намеренно стремились оттянуть решающие сражения. Германии нехватало самого главного: людей, продовольствия, жидкого горючего, и

она спешила сократить сроки войны.

«Мы должны были, — писал Гинденбург, — стремиться к нанесению большого, по возможности неожиданного удара. Если нам не удастся одним ударом сломить вражеское сопротивление, тогда за первым ударом должны следовать другие удары по вражеским линиям обороны до тех пор, пока наша цель не будет достигнута»{69}. Но для операций такого крупного масштаба, подобных тем, которые провели англичане и французы в 1916 г., у Германии заведомо нехватало сил. Даже для наступления на отдельных участках фронта, о котором говорит Гинденбург, требовалось, чтобы у наступающего было подавляющее превосходство в людях и технике, а у Германии его не было. Наоборот, ощущался большой недостаток в самолётах, танков же вовсе не было. Помимо этого сказывался недостаток в лошадях для перевозки артиллерии, что сыграло важную роль в военных операциях весной 1918 г.

Эти обстоятельства, однако, не были учтены правящими германскими кругами. Перспектива освободиться от войны на два фронта настолько вскружила головы германским империалистам и высшему командованию, что они всерьёз поверили, будто теперь они смогут навязать своим противникам «германский мир». Еще не засохли чернила на резолюции рейхстага от 19 июля 1917 г. о «мире по соглашению», как в Германии началось [49] подстёгиваемое пангерманской отечественной партией и направляемое верховным командованием сильное движение за пересмотр целей войны и за «германский мир». Германские империалисты думали, что небоеспособность старой русской армии позволит им этого добиться. Один из немногих трезвых империалистических политиков, писатель и крупный промышленник Вальтер Ратенау с сокрушением писал 16 октября 1917 г., т. е. за неделю до разгрома итальянской армии у Капоретто, капитану Бланкенбургу:

«Улучшение военного положения, которое найдёт на днях своё особое выражение в Альпах, оказывает решающее воздействие на общественное: настроение, но, однако, опять ведёт к тому, что в сознании толпы ещё раз сотрётся разногласие между военным и политическим результатом и толкнёт на такие мирные требования, которые не могут быть осуществлены без одновременной оккупации Лондона и Парижа. В этом смысле я рассматриваю колоссальный успех Отечественной партии как сильную опасность больше всего для самого верховного командования. Ибо, чего бы последнее ни добилось, но, если наиболее крайние надежды всех заинтересованных не будут осуществлены, то в народные массы будет внесён осадок разочарования, который окажет горькое воздействие в мирное время.

При настоящих обстоятельствах ни одному человеку в голову больше не придёт выступить в пользу умеренности»{70}.

Победа при Капоретто, затянувшаяся подготовка США к активному выступлению на Западном фронте и перспектива избавления от второго фронта оказывали воздействие в определённом направлении и на широкие круги германского народа. Германские крайние империалисты и верховное командование решили, что их прежние захватнические цели уже устарели и «занижены». В правительственных кругах, в пангерманских организациях и в верховной ставке приступили к составлению новых условий «мира», которые — в этом были одинаково уверены финансовые магнаты и юнкеры — «славный германский меч» обязательно завоюет в ближайшие месяцы. [50] Однако имелись налицо многие зловещие признаки, которые должны были бы заставить призадуматься военных и политических руководителей, более проницательных и менее склонных итти на авантюры, чем главнокомандующий Гинденбург и его помощник Людендорф.

Население Германии и союзных с ней стран голодало уже не один год и было крайне истощено. Силы Англии и Франции постоянно пополнялись за счёт собственных медленно мобилизуемых ресурсов и за счёт могущественного союзника — США. Это вызывало у стран Антанты надежду на конечную победу и предчувствие гибели германского империализма. Последний мог бы выйти победителем в Европе, если бы ему удалось окончательно разгромить своих противников в течение короткого срока — в 3–4 месяца. Но победа

Германии на полях сражения в Европе всё же не означала бы для неё победоносного конца войны. При отсутствии перевеса сил на море Германия лишалась возможности нанести смертельный удар Великобритании и США.

Германский империализм не хотел считаться с реальностью. Он сломя голову летел навстречу своей гибели. Правда, у него был и иной путь — заключение почётного и выгодного для него мира, — но на этот путь он вступить не хотел, рассчитывая использовать сложившуюся на Востоке обстановку с целью завоевания мирового господства. Германия и Австро-Венгрия считали, что для них настало давно желанное время осуществить все их захватнические вожделения на Востоке, что это облегчит окончательную победу на Западе и заключение «германского мира».

Исторические события в России были поняты и восприняты реакционной буржуазией и помещиками в Германии, Австрии и Венгрии в том смысле, что война ими выиграна, но что надо торопиться, чтобы добиться достижения всех поставленных империалистических целей, раньше чем армия и тыл, которые уже начали терять устойчивость, придут в состояние развала.

Напряжённое внутриполитическое положение и сильное экономическое истощение не позволяли Германии и Австро-Венгрии открыто отклонить советские мирные предложения. Они пошли поэтому на преднамеренный [51] обман, приняли на словах советское мирное предложение, успокоили этим путём народные массы, подали им обманчивую надежду на мир, но на самом деле и не думали вести искренние переговоры с советским правительством на основе его предложений.

Германия «приняла» советские мирные предложения только потому, что надеялась при создавшейся военно-политической обстановке закончить «победоносно» войну на Востоке. Но «мир» на Востоке она хотела использовать для такого же «победного» мира и на Западе.

Не обладая на четвёртом году войны достаточной материальной силой для победы над врагом, германский империализм возлагал надежды на ликвидацию второго фронта. Он также «уповал», что ему удастся использовать организационные неполадки своих противников — их медлительность — и добиться победы за четверть часа до того, как они закончат все свои приготовления для нанесения смертельного удара. Хотя та «победа», которую германский империализм спешил вырвать, не имела прочного фундамента, это нисколько не помешало ему с тупой педантичностью списывать старые пангерманские установления мирового господства, едва ли пригодные даже после одержанной уже победы.

4. Внутриполитическая обстановка в Германии и Австро-Венгрии в конце 1917 г.

События в России совпали с ухудшением внутриполитического положения в Германии, которое нашло своё внешнее выражение в канцлерском кризисе в октябре 1917 г., положившем начало эре «германского парламентаризма» в империи Гогенцоллернов. О глубине внутриполитического кризиса в столь устойчивой дотоле Пруссо-Германии говорят красноречиво следующие факты. Бисмарк был бессменным канцлером 20 лет. С марта 1890 по июль 1917 г. сменилось четыре канцлера. Пятый канцлер, Михаэлис, пробыл на этом посту всего 100 дней. Замена Бетман-Гольвега в июле 1917 г. прусским [52] чиновником-бюрократом и ставленником верховного командования Михаэлисом привела к усилению реакционных кругов и к фактическому переходу политической власти к Гинденбургу и Людендорфу. Прикрываясь именем канцлера, оба генерала управляли страной и определяли её политику и стратегию. Юнкерство и крайние группы финансового капитала в лице «Отечественной партии» («Vaterlandspartei») во главе с Тирпицем оказывали при Михаэлисе решающее влияние на внутреннюю и внешнюю политику Германии, что вызывало сильное недовольство во всех слоях народа: ничем неприкрытое продолжение реакционного

политического курса угрожало многими опасностями. Михаэлиса пришлось заменить на посту канцлера престарелым графом Гертлингом, к которому центр относился с доверием. Этим считали канцлерский кризис ликвидированным. Социал-демократы, католический центр, прогрессивная народная партия и национал-либералы по разным побуждениям требовали предоставления им двух руководящих постов в имперском и прусском правительствах в качестве гарантии, проведения внутренних реформ и в частности реформы прусского избирательного права. Они требовали отставки вдохновителя реакционного курса вице-канцлера Гельфериха и замещения «парламентариями», пользующимися их доверием, постов имперского вице-канцлера и вице-председателя прусского министерства. Юнкерство и верховное командование наотрез отказались удовлетворить эти требования. Замещение двух руководящих постов не чиновниками-бюрократами и не по выбору императора и короля, а по указанию хотя бы даже верноподданнических политических партий означало, по их понятиям, нанесение ущерба классовым интересам юнкеров и потрясение прусских государственных основ. Они рассматривали эти требования как попытку отнять у юнкерства монополию на управление государством и внести принципиальное изменение в прусский государственный строй, тщательно охранявшийся от проникновения в него всяких демократических новшеств и людей с «улицы».

Больше недели велась ожесточённая закулисная борьба и мышиная возня вокруг «парламентаризации». Обе стороны не уступали. 7 ноября Гертлинг объявил лидерам [53] партий рейхстага окончательное решение руководящих кругов: отставка Гельфериха невозможна, и если партии будут настаивать на его увольнении и замещении его постов парламентариями, то он, Гертлинг, сам откажется от канцлерского поста, но его уход откроет-де дорогу военной диктатуре. Гертлинг поручил поздно вечером передать Гельфериху, который уже несколько дней носил в. кармане прошение об отставке, что тот остаётся на занимаемых им постах{71}.

После ожесточённой закулисной борьбы оппозиция партий рейхстага была сломлена. Всё, казалось, кончилось «благополучно», как вдруг неожиданно ворвались известия о событиях в России. Гельферих был немедленно удалён. Заместителем канцлера был назначен лидер прогрессивной народной партии, депутат рейхстага фон Лайер, а вице-президентом прусского министерства — один из лидеров национал-либеральной партии, депутат прусской палаты депутатов, профессор Фридберг.

Назначение двух «парламентариев» сомнительного демократизма на ответственные посты не изменило политики по существу. Это была формальная уступка реакции буржуазному либерализму германской марки, не затрагивавшая основ политической системы.

Рабочие массы Германии не были удовлетворены «парламентаризацией». Вопреки всем правительственным запретам и моральному давлению руководства социал-демократической партии и профессиональных союзов, уверявших рабочие массы, будто ими одержана «бескровная» победа над реакцией, поднялась волна рабочих демонстраций по всей стране с требованием немедленного прекращения войны и заключения всеобщего мира на основе советских мирных предложений. Рабочие массы требовали немедленной и действительной демократизации государственного строя Германии. Они требовали на массовых собраниях, митингах и демонстрациях отмены военного положения и цензуры, введения всеобщего, прямого, равного и тайного голосования в Пруссии и в тех государствах, где оно ещё не было введено. Ввиду распространившихся слухов, что германское правительство намерено предпринять наступление на [54] Восточном фронте с целью подавления революции в России, рабочие требовали отказа правительства от этого плана и строгого невмешательства в русские дела.

Правительство было напугано массовым движением пролетариата и попыталось кое-какими показными мерами успокоить массы. Прусский ландтаг спешно приступил к обсуждению законопроекта об избирательном праве, а новый канцлер Гертлинг заявил в рейхстаге, что правительство намерено смягчить законы военного времени и сузить

гражданские функции военных властей. Маневрируя между напором масс и требованием верховного командования использовать благоприятно сложившуюся, по его мнению, военную обстановку для достижения аннексионистского мира на Востоке, канцлер остерегался давать определённые и связывающие его обещания по внешней политике. Он не хотел и не мог отказаться от утверждённой в сентябре 1917 г. программы захватов на Востоке. Такой отказ означал бы действительный поворот в политике, которого господствующие круги Германии вовсе не намерены были делать.

В начале ноября состоялось тайное соглашение между Австрией и Германией, по которому русская Польша должна была быть разделена на две части. Большая её часть отходила к Пруссии под видом «исправления» границы, а остальная часть должна была отойти к Австро-Венгрии. Литва возводилась в великое княжества, а Курляндия — в великое герцогство. Оба новоиспечённые «государства» присоединялись к той же Пруссии посредством персональной унии{72}.

Подготовляя общественное мнение к аннексии оккупированных областей России, пангерманская печать утверждала, что это и есть самое настоящее «самоопределение» поляков, литовцев и латышей. Центральный орган католического центра «Германия» считал такое решение вполне соответствующим резолюции рейхстага от 19 июля 1917 г. о мире «по соглашению». Газета «Германия» не признавала аннексией присоединение к Пруссии большей части Польши, Курляндии и Литвы. Это [55] было, по мнению газеты, настоящее «осуществление права наций на самоопределение»{73}.

Буржуазные партии отказались от вынужденного «миролюбия» и игры в «мир по соглашению», как только они заметили, что военно-политическая обстановка стала благоприятной для Германии.

Противоположную позицию занимал германский рабочий класс. Он решительно требовал от правительства невмешательства во внутренние дела России и немедленного заключения всеобщего мира на советской основе — «мир без аннексий и контрибуций». Массовые митинги, собрания и демонстрации рабочих и работниц заставили правительство Гертлинга заявить публично, что Германия не намерена оказывать помощь русским контрреволюционерам и что она готова начать мирные переговоры с советским правительством на предложенных им основах{74}.

Новый канцлер огласил 29 ноября в рейхстаге правительственную программу внутренних реформ и внешнеполитическую программу. Излагая принципы внешней политики, Гертлинг сказал:

«Что касается находившихся некогда под скипетром русского царя Польши, Курляндии, Литвы, то мы уважаем право их народов на самоопределение. Мы надеемся, что они сами себе дадут те государственные формы, которые соответствуют их отношениям и направлению их культуры» {75}.

Общие военные цели Германии Гертлинг определил следующим образом:

«Наша военная цель состоит с первого дня войны в защите отечества, неприкосновенности его территории, свободе и независимости его экономического развития» {76}.

В этих «миролюбивых» формулах была выражена старая захватническая военная программа германского [56] империализма. И Бетман-Гольвег, и Михаэлис, и все германские империалисты всегда утверждали, что они якобы воюют за сохранение целости и неприкосновенности Германии, но они так, истолковывали эту «неприкосновенность», что она включала присоединение к Германии оккупированных русских областей, Бельгии, северной Франции и т. д. Желая успокоить рабочий класс, германское правительство вынуждено было публично заявить, что оно будто бы признаёт право на самоопределение поляков, литовцев и латышей, однако последующим заявлением об общих военных целях Гертлинг свёл на нет своё согласие на заключение демократического мира.

Руководство германской социал-демократической партии было прекрасно осведомлено об истинных намерениях правительства и знало, что заявление Гертлинга было намеренным обманом, рассчитанным на успокоение народных масс. Это заявление ни в какой мере и ни к чему не обязывало истинных властителей Германии — Гинденбурга и Людендорфа — и даже самого Гертлинга. Несмотря на это, Шейдеман одобрил от имени социал-демократической партии программу нового правительства, которое он назвал «в основном парламентским правительством». Шейдеман похвально отозвался о внешнеполитической программе Гертлинга, сказав: «Германский народ воюет не ради польской королевской короны, и очень хорошо, что канцлер, говоря о русском предложении, встал на почву принципа самоопределения народов»{77}.

Шейдеман так же лгал и обманывал германский рабочий класс и мировое общественное мнение, как и Гертлинг.

Истинное толкование внешнеполитической программы Гертлинга дал лидер консервативной фракции в рейхстаге и будущий фашист граф Вестарп. Германская политика, сказал «чёрный граф», должна исходить в предстоящих мирных переговорах исключительно из жизненных интересов империи; она обязана закрепить за Германией «всё, что завоевал меч», и она не должна дать себя «ввести в заблуждение» никакими интернациональними [57] и идеологическими догматами; она должна полностью использовать все возможности военной обстановки для нанесения дальнейших ударов, для создания безопасности и укрепления мощи Германии. «Такое слово мы хотели бы слышать также и от имперского канцлера, такого слова требует наш народ».

Обращаясь к историческим событиям в России, рупор юнкерства и финансового капитала с циничной откровенностью заявил, что он и его политические друзья «оценивают события русской революции трезво и спокойно и в первую очередь с точки зрения тех преимуществ, которые извлечёт Германия из этих событий... Нашими победами достигнуто, что война с Россией в основном для нас закончена. Любая партия в России захочет теперь мира и обязана будет добиваться мира, она не сможет дальше вести войну. Мы поэтому в состоянии, не увеличивая этим ни в какой мере военной опасности, добиться тех требований, которые необходимы для германских интересов». Германское правительство должно добиться постоянной гарантии безопасности Восточной Пруссии, Силезии и Познани, что требует перенесения германских границ далеко на Восток. Оно должно отклонить всякие разговоры о праве наций на самоопределение, которое (право) несовместимо с интересами Германии{78}.

Эта речь заслуживает особого внимания потому, что «мирную» программу Гертлинга в истолковании Вестарпа германские империалисты положили в основу переговоров в Брест-Литовске.

Внутриполитическое положение Австро-Венгрии требовало неотложного прекращения войны. Об этом даёт яркое представление секретный доклад австро-венгерского министра иностранных дел графа Чернина императору Карлу от 12 апреля 1917 г. «Совершенно ясно, — писал Чернин, — что наша военная сила исчерпана... Я вполне убеждён, что новая зимняя кампания совершенно невозможна; другими словами, что в конце лета или осенью нужно заключить мир какой угодно ценой... Ваше величество знаете, что тетива так натянута, что может [58] порваться каждый день. Я твёрдо убеждён, что силы Германии, как и наши, пришли к концу, чего не отрицают и ответственные политики в Берлине. Если монархи центральных держав не сумеют в ближайшие месяцы заключить мир, то народы заключат его через их головы, и тогда волны революции снесут всё, за что сегодня сражаются и умирают наши братья и сыновья». Чернин далее писал, что объявление войны Америкой обострило положение, Германия возлагает большие надежды на подводную войну, которые он считал обманчивыми. «Ваше величество поручило мне сказать государственным деятелям союзной Германии, что наши силы исчерпаны и что дальше этого лета Германия не может рассчитывать на нас. Я исполнил это повеление, и германские политики не оставили во мне

никаких сомнений в том, что и для Германии новая зимняя кампания немыслима»{79}.

Убеждение Чернина и императора Карла в том, что положение Австро-Венгрии крайне тяжёлое и что необходимо было с войной кончать, не доводя дела до неминуемой катастрофы, не оказывало, однако, влияния на определение военных целей. Едва державшаяся на ногах габсбургская монархия попрежнему выдвигала свою захватническую программу, которую Чернин сформулировал между апрелем и июлем: 1917 г. в особом «мемуаре», представляющем замечательный исторический документ. Что Австро-Венгрия не должна ничего потерять в результате войны, это было для Чернина аксиомой. Территориальное увеличение Германии и Болгарии для него было такой же неоспоримой истиной. Но в этом случае Чернин считал абсолютно необходимым, чтобы и Австро-Венгрия расширила свои довоенные владения, ибо в противном случае народы империи скажут, что они потеряли миллионы людей и миллиарды достояния с единственной целью помочь Германии и Болгарии округлить свои территории. Поэтому Австро-Венгрия должна получить территориальные приращения на юге и на востоке. Но так как Германия не допустит распространения союзницы на восток, то нужно ей «уступить», а за «добровольное» согласие на передачу всей или части русской Польши Австро-Венгрия должна получить согласие Берлина [59] на территориальные захваты на юге{80}. Военные цели Австро-Венгрии были следующим образом сформулированы Черниным:

«От Черногории мы должны получить по военным соображениям Ловчен, уменьшенная Сербия должна быть включена в наше таможенное и торговое содружество и принуждена искать своё будущее спасение и благополучие в тесном присоединении к монархии. Наконец, Румыния. Мы должны получить Румынию; мы должны получить Валахию и всю Молдавию до Серета». Остаток Молдавии составит собственно Румынию, которая должна будет выполнять двоякую служебную роль для Австро-Венгрии: «она будет служить буфером между Болгарией и Россией и обладать устьем Дуная, так как получить его себе (Австро-Венгрии. — Ф. Н.) представит большие трудности» {81}.

Чернин хорошо знал, что Германия не отдаст Австро-Венгрии такой лакомый кусок, но тем не менее он предлагал дерзать и предъявить ей такое требование, заявив при этом: «По собственному побуждению и добровольно мы не уйдём из занятой нами Польши до тех пор, пока она не будет у нас выкуплена». Конечно, писал он далее, Австро-Венгрия может быть вышвырнута оттуда силой, но это может произойти и в том случае, если она и помышлять не будет о Румынии.

Мирная программа Австро-Венгрии казалась Берлину и Вене «семейным делом» двух родственных немецких империй, которое лишь одни они компетентны разрешить. [60]

Все переговоры, которые велись весной и летом 1917 г. между Германией и Австро-Венгрией по разграничению «обоюдных» интересов двух союзников на Востоке, и решения, которые принимались на коронных советах по этому вопросу в германской верховной ставке, вертелись вокруг русской Польши, Румынии и Сербии, то приближаясь, то отклоняясь от военных целей Чернина, которые он отстаивал{82}.

Внутриполитический кризис, национальные распри, экономическая разруха, истощение и голод достигли к концу 1917 г. такой остроты и глубины в Австро-Венгрии, что дунайская монархия распалась бы на отдельные составные: части, если бы не смертельная боязнь, что Германия введёт свои войска и устроит жестокую экзекуцию над мятежными «союзниками».

Народные массы лоскутной империи с энтузиазмом встретили советские мирные предложения, но в руководящих немецких и мадьярских кругах события в России укрепляли уверенность в благоприятном для них исходе войны, и это усилило их настойчивое стремление к осуществлению своей «мирной» программы.

11 ноября 1917 г. венские рабочие устроили грандиозный митинг-демонстрацию в честь

Октябрьской революции и за всеобщий мир. «Тысячи и десятки тысяч пришли, — писала социал-демократическая венская «Arbeiter Zeitung», — на громадную площадь, которая ещё никогда не видела такой массовой картины». Та же газета писала 12 ноября в передовой статье «Великая мирная демонстрация»:

«Сами массы... представляли картину всех страданий, которые преступная война взвалила на людей. Надо их только видеть, чтобы понять, что им ничего не надо кроме мира, что ничего кроме мира не должно быть»{83}.

В принятой резолюции венские рабочие требовали от австро-венгерского правительства, чтобы оно не отталкивало протянутую Советской Россией руку мира и заключило всеобщий мир{84}. [61]

Невзирая на милитаризацию фабрик и заводов и закон о принудительной повинности, австрийские и венгерские рабочие устраивали митинги, собрания и демонстрации и требовали от правительства безоговорочного принятия советских мирных предложений{85}.

Угнетённые национальности Австро-Венгрии требовали признания за ними права на национальное самоопределение и на разрыв государственного объединения, бывшего для них в течение веков тюрьмой. Под давлением рабочего и национально-освободительного движения правительство вынуждено было подобно германскому правительству опубликовать официальное заявление, что оно принимает советские принципы мира и признаёт советские предложения подходящей основой для начала мирных переговоров{86}.

Согласие австрийского правительства было таким же вынужденным, неискренним и лживым, как и данное в тот же день согласие германского правительства вести мирные переговоры на основе советских предложений. Оба правительства обманывали своими официальными заявлениями общественное мнение, на деле же они и не думали отказаться от своих империалистических программ насильственного мира. Австрийское правительство сознательно исказило содержание советских мирных предложений и представило их в таком виде, что они якобы уже осуществлены в Австро-Венгрии, в тех «гарантиях» на виселицу, которые имели угнетённые славянские и румынские национальности в государственном строе двуединой монархии. Председатель австрийского совета министров Зайдлер заявил 30 ноября в австрийской палате депутатов, что Австро-Венгрия стремится заключить мир без аннексий и контрибуций, что она признаёт за всеми народами полную свободу решать самим вопрос об их будущей государственной организации. Из его заявления следовало, что право наций на самоопределение должно быть применено всюду, только [62] не в Австро-Венгрии, правительство которой не допустит вмешательства во внутренние дела. «Такое государство, как наше, — заявил Зайдлер, — которое имеет палату депутатов, избранную на основе всеобщего, прямого, ранного и тайного голосования, может по праву утверждать, что оно обладает народным представительством, которое едва ли может быть более демократическим, и что этим даны все предпосылки для собственного определения политической судьбы народов государства»{87}.

На политическом языке это означало, что австро-венгерские угнетённые народы уже «осуществили» своё право на самоопределение и что им нечего рассчитывать на какие-либо изменения в своей судьбе. Полную «готовность» заключить мир на советских условиях выразил император Карл в своей речи, обращённой к австрийской делегации 4 декабря, и призывал при этом к «благоразумному самоограничению». Солидаризуясь с заявлением Зайдлера и истолковывая, как и он, право на самоопределение в том смысле, что австро-венгерские народы уже «самоопределились», Карл сказал: «Мы хотим оставаться хозяевами в собственном доме»{88}. Развивая австро-венгерскую программу мира в том же духе, министр иностранных дел граф Чернин также заявил: «Мы не стремимся к насильственному приобретению территории и к экономическому угнетению, но мы, однако, требуем действительных гарантий для нашего свободного и беспрепятственного развития в будущем»{89}.

Ещё более откровенно разъяснил граф Тисса перед венгерской делегацией, как австро-венгерские империалисты понимают принцип права наций на самоопределение и какое они в него вкладывают содержание. Господствующие классы немцев и мадьяр были за применение этого неприятного для них принципа к народам России и к народам английских и французских колоний, но они были решительно против применения принципа права наций на самоопределение к народам Австро-Венгрии. Принцип самоопределения в применении к Австро-Венгрии, сказал граф Тисса, — это прямое «покушение на суверенитет собственного государства, на трон и на отечество, [63] которое... должно быть с презрением отвергнуто как предательство»{90}.

С толкованием графа Тиссы согласился и граф Чернин{91}.

Чернин выступил 6 декабря вторично перед венгерской делегацией с большой речью о толковании понятия «право наций на самоопределение» с точки зрения «международного права» и с точки зрения суверенных прав государства регулировать отношения между нациями на основе конституционного закона. Оспаривая то толкование, которое придают этому термину действительные демократы, Чернин заявил, что право наций на самоопределение является не чем иным, как неограниченным «правом государства распоряжаться его территориальным составом». Развивая эту мысль, Чернин устанавливал, что никакое чужое государство не может предъявлять притязаний «на право вмешательства во внутренние дела другого государства. Таковы границы для права на самоопределение государств с точки зрения между народного права». По толкованию Чернина, которое выражало официальную точку зрения австро-венгерской монархии, выходило, что все вопросы, касающиеся угнетённых наций в рамках угнетающего государства, являются не международными, а чисто внутренними вопросами, касающимися данного государства. Устройство Народов Австро-Венгрии основано на конституционных законах и может быть изменено законодательным путём. «Отдельные национальности внутри обоих государств, — сказал Чернин, — имеют все возможности для урегулирования их отношений через конституционные учреждения».

Это «толкование» означало полный отказ австро-венгерским национальностям требовать улучшения их политического и правового положения.

В ответ на наглые заявления Зайдлера, Чернина и Тиссы представители славянских угнетённых национальностей заявили в австрийской делегации, что их народы отныне ничего общего не имеют и впредь не хотят иметь с австро-венгерской монархией. Представители чехов, [64] словаков, югославов и украинцев заявили, что австро-венгерское правительство не имеет права заключать от их имени мира, и потребовали избрания делегации на мирную конференцию в составе 12 немцев, 10 мадьяр, 10 чехословаков, 7 югославян, 5 поляков, 4 украинцев, 3 румын и 1 итальянца. Они потребовали полного обеспечения национального самоопределения, т. е. признания за ними нрава на разрыв всех государственных связей с ненавистной монархией{92}.

Такова была внутриполитическая обстановка в Германии и Австро-Венгрии в конце 1917 г., и такую позицию занимали правительства и разные классы населения по отношению к вопросам войны и мира.

Когда стало выясняться, что советскому правительству придётся против своего желания пойти на сепаратный мир, германская буржуазия и юнкерство решили использовать целиком и полностью создавшееся для Советской России тяжёлое положение. Верховное командование предъявляло политическому руководству свои требования и настаивало на том, чтобы они были учтены при заключении мира. Верховное командование потребовало пересмотра военных целей в сторону их расширения на Западе и на Востоке. В письме от 11 декабря Гинденбург писал Гертлингу, что основой немецкой политики по отношению к Бельгии должны и впредь оставаться «крейцнахские решения от 23 апреля и 9 августа 1917 г., утверждённые императором»{93}. Гинденбург напоминал [65] канцлеру, что на совещании

11 сентября того же года в Берлине под председательством кайзера было принято «после тягостного раздумья» решение об отказе от фландрского побережья, если этой ценой будет достигнут мир в текущем году, а англичане уйдут из Франции.

Ввиду изменившейся военной обстановки в пользу Германии Гинденбург настаивал на отмене решения коронного совета от 11 сентября и восстановлении в полном объёме крейцнахских решений от 23 апреля и 9 августа, с каковой целью он потребовал созыва нового коронного совета для принятия соответствующего решения по бельгийскому вопросу. Возражения канцлера против пересмотра военных целей были сломлены после энергичного нажима Гинденбурга{94}.

На состоявшемся 18 декабря коронном совете в Крейцнахе (верховная ставка) была пересмотрена не только бельгийская, но и вся аннексионистская программа на Западе и на Востоке. Гинденбург потребовал «обеспечения восточной границы» и высказался за присоединение к Германии Литвы, Курляндии, Лифляндии и Эстляндии (последние две провинции не были заняты германскими войсками), включая Ригу и острова в Рижском заливе, на основе персональной унии.

Гертлинг и Кюльман выразили сомнения в политической целесообразности с точки зрения будущих взаимоотношений Германии с Россией расширения германской [66] сферы влияния на Лифляндию и Остляндию. Кайзер Вильгельм в свою очередь заявил, что стремления России к открытому морю имеют полное оправдание, но так как Балтийское море не является океаном, то лучше направить эти стремления на Персидский залив.

Коронный совет обязал германскую делегацию на мирной конференции в Брест-Литовске добиться у советской делегации отказа от Польши, Литвы, Курляндии, Лифляндии и Эстляндии и её согласия на присоединение этих территорий к Германии под разными видами подчинения. Курляндию и Литву коронный совет решил включить в состав Германской империи на основе персональной унии, а значительную часть Польши аннексировать под видом «исправления границ». Коронный совет далее решил оставить в силе свои старые решения об аннексии части Бельгии и подчинении остальной части страны германскому протекторату посредством «соглашения с Бельгией». Оставлены были в силе и решения об аннексии французских железорудных бассейнов Бриэ и Лонгви{95}.

Старое решение от 9 августа 1917 г. относительно использования украинского сепаратистско-националистического движения «для молчаливого дружественного присоединения» Украины к Германии{96} было заменено другим. Германскую делегацию в Брест-Литовске обязали добиться углубления противоречий между советской и украинской делегациями и заключения сепаратного мира с контрреволюционной Украинской радой.

Гинденбург и Людендорф требовали, чтобы переговоры с советским правительством велись ускоренным темпом. «Военное положение, — говорили они, — требует быстрой работы в Брест-Литовске», что вызывается необходимостью незамедлительной переброски войск с Восточного на Западный фронт. Отправка войск с одного фронта на другой находилась в прямом противоречии со второй статьёй договора о перемирии от 15 декабря, по которому Германия и Советская Россия обязались не усиливать находившиеся на фронтах войсковые части и «не производить оперативных передвижек войск с фронта [67] от Балтийского до Чёрного моря», т. е. не перевозить с Восточного на Западный фронт.

Гинденбург и Людендорф далее требовали, чтобы советскому правительству были навязаны такие условия мира, которые обессилили бы Россию на длительное время и не дали бы ей возможности освободиться от них даже в случае поражения Германии и её союзников на Западном фронте.

«Наконец, мир должен дать Германии обеспеченные границы на Востоке, сельскохозяйственные области, в особенности в Курляндии, и земли для поселения солдат»{97}.

20 декабря имперский канцлер созвал лидеров партийных фракций рейхстага якобы для «обсуждения», а в действительности для одобрения общей линии, какой должна придерживаться германская делегация на мирной конференции. Министр иностранных дел фон Кюльман изложил в завуалированном виде выработанную в Крейцнахе «мирную программу» и пояснил, что «мир» с Советской Россией послужит образцом для заключения мира с западными державами. Только один социал-демократ Шейдеман настаивал на том, чтобы германское правительство не срывало переговоров чрезмерными требованиями и добилось положительных результатов, так как Германия нуждается в мире больше, чем Россия. Срыв переговоров из-за чрезмерных аннексионистских требований, говорил Шейдеман, вызовет революцию в Германии и Австро-Венгрии. Желая предотвратить революцию, которая ускорила бы разгром германского империализма, лидер социал-демократов советовал правительству быть умеренным.

Фон Кюльман резюмировал итоги совещания в том смысле, что изложенные им военные цели, дух и методы переговоров, которые он намеревался применить на мирной конференции, нашли единогласное одобрение всех лидеров партийных фракций рейхстага, и с этим «напутствием» он уехал в Брест-Литовск{98}.

Таким образом, к началу мирных переговоров в Брест-Литовске Германия подготовила разработанную программу [68] удушения Советской республики. Аннексия всех захваченных германскими войсками территорий — Польши, Литвы и Курляндии — на основе персональной унии с династией Гогенцоллернов и присоединение к Германии под видом протектората «незавоёванных» Украины, Лифляндии, Эстляндии и Финляндии на основе германского толкования права наций на самоопределение — такова была выработанная 18 декабря 1918 г. в Крейцнахе «мирная» программа германского империализма. Это было черев 20 дней после того, как германское правительство публично заявило, что принимает советские условия и соглашается заключить мир «без аннексий и контрибуций». Следует подчеркнуть, что эта программа ограбления России, Франции и Бельгии составляла, как это было уже показано, лишь небольшую часть программы германских завоеваний, разработанной уже в конце XIX и в начале XX в. и подробно изложенной в десятках брошюр, сотнях статей и десятках «солидных» книг пангерманских писателей.

Германский империализм добивался не только завоевания господства в Европе — он мечтал о завоевании мирового господства. Но для этого нужно было, чтобы Советская Россия полностью покорилась той участи, которую ей приготовили немецкие империалисты. «Мирные» переговоры с большевиками, писал Людендорф, должны были разрешить всю восточную проблему «в интересах Германии и Пруссии»{99}.

5. Внутриполитическое положение Англии и Франции и отношение союзников к выходу России из войны

Несколько иная политическая обстановка создалась к концу 1917 г. в странах Антанты. Эти страны преодолели внутриполитический кризис лета 1917 г., который был неодинаковой глубины во Франции, Англии и Италии, но всюду оказал сильное влияние на формирование отношения [69] различных классов населения к вопросам войны и мира. Наиболее глубокие внутриполитические потрясения переживала летом 1917 г. Франция. Военная усталость в этой больше других обескровленной стране нашла своё выражение в многообразных формах. В мае — июле 1917 года, который Пуанкаре назвал «смутным годом», сотни тысяч рабочих бастовали, более ста полков на фронте отказались итти в наступление и были отведены в тыл на «отдых». Французская армия временно не представляла тогда боевой ценности. Буржуазный «пацифизм» и пораженчество, поддерживаемые германскими агентами и питаемые на немецкие деньги, а также разлагающая пропаганда роялистов, агитировавших за «мир по соглашению» с Германией, расшатывали военный и государственный аппарат республики. Однако к середине ноября внутриполитический кризис во Франции был

прёодолён. Образование правительства Клемансо, пришедшего на смену правительствам Рибо и Пенлеве, свидетельствовало о том, что Франция уже перешагнула опасную для буржуазии полосу внутриполитического кризиса. События, происшедшие после катастрофы у Капоретто, показали, что французская армия уже восстановила свою боевую мощь. Посланные на помощь Италии французские дивизии показали замечательные боевые качества и вместе с английскими дивизиями приостановили продвижение немцев и австрийцев в венецианской низменности. Этим Италия была спасена от полного разгрома.

В Англии к ноябрю 1917 г. было также в основном преодолено широкое народное движение за внутриполитические реформы и за «мир по соглашению», которое, благодаря своевременным уступкам, не приняло таких широких размеров, как во Франции. В Англии буржуазный пацифизм, существовавший как самобытное явление, был довольно широко распространён даже среди буржуазных и аристократических кругов. Для характеристики отношения пацифистских элементов к вопросам войны и мира представляет большой интерес одна запись в дневнике полковника Хауза, являвшегося доверенным лицом американского президента Вильсона. После беседы о бывшим министром в нескольких английских [70] кабинетах, консерватором лордом Ленсдауном{100}, 14 ноября 1917 г. Хауз занёс в свой дневник:

«Я нашёл Ленсдауна настроенным особенно миролюбиво... Он считает, что пришло время для англичан понять, что в грядущем договоре они не должны надеяться получить то, что он образно назвал «двадцать шиллингов на фунт». Он думает, что необходимо установить определённые цели войны, и притом достаточно умеренные, и апеллировать к умеренному общественному мнению во всех странах»{101}.

29 ноября было напечатано в «Дейли Телеграф» письмо лорда Ленсдауна, в котором он упрекал государственных деятелей в том, что они больше думают о войне, чем о подготовке приемлемого мира. Письмо Ленсдауна, содержавшее общие основы умеренной программы мира, нашло широкий отклик в Англии и за границей. Оно произвело настоящий переполох в руководящих кругах Антанты и вызвало большие надежды в правительственных кругах Германии.

Характеризуя политическую обстановку в Англии в ноябре — декабре 1917 г. в связи с резко изменившейся военной и международной обстановкой, Ллойд Джордж пишет в своих воспоминаниях:

«Внутри страны велась широкая пацифистская пропаганда, которая в условиях общей усталости от войны могла превратиться в опасные антивоенные настроения... когда исход войны зависел от выдержки... Стремление к миру распространялось всё более среди тех людей, которые, несмотря на свою убеждённость в правильности войны, чувствовали, что пришло время во имя гуманности положить конец ужасам войны на любых достойных условиях. Лорд Ленсдаун сделался рупором этого чувства. Он представлял влиятельную и всё более возрастающую часть населения не только в общественных, но и в промышленных кругах»{102}. [71]

Правительство Ллойд Джорджа кроме того было очень встревожено настроением английских народных масс, которые не были убеждены в необходимости продолжения империалистической войны. Эти массы оно постаралось морально разоружить ценой крупных политических уступок. Народные массы Англии добились демократизации избирательного права и распространения его на женщин. 7 декабря палата общин утвердила избирательный билль, внесённый ещё летом того же года и увеличивший количество избирателей с 8 до 20 млн. Защищая спешность рассмотрения билля палатой лордов, Бонар Лоу заявил от имени правительства, что теперь не время отстаивать устарелое социальное законодательство и что опасно становиться на пути демократическим требованиям. «Я знаю, что страна придаёт очень большое значение этому биллю... Если билль провалится, то это произведёт такое впечатление в стране, о котором мне и думать страшно».

Избирательная реформа 1917 г. была одним из наиболее крупных событий в политической

жизни Англии после реформы 1832 г.

Руководящие круги обеих воевавших группировок, и в особенности Англии и Франции, вначале не принимали всерьёз социалистического переворота в России, до того он им казался «фантастичным» и «недолговечным». Это убеждение в них усердно поддерживали заграничные агенты свергнутого Временного правительства. Мысли о «недолговечности» советского правительства внушали союзным послам в Петрограде лидеры всех контрреволюционных партий — октябристов, кадетов, меньшевиков, эсеров и других помещичье-буржуазных и мелкобуржуазных группировок.

Посол Временного правительства в Париже В. Маклаков уверял союзников, что победа большевиков — «явление преходящее», и предсказывал, что «через несколько дней, может быть, недель, самое большее месяцев, от него не останется и следа». Так говорили, как уверял Маклаков, «почти все русские». Это оказывало определённое влияние на союзников. «Французы были рады этой уверенности и поверили... Всё то, что мы говорили и предсказывали, жадно подхватывали союзники, [72] помещали в газетах... и так же немедленно заменялось горьким разочарованием»{103}.

Правительства стран Антанты, так же как и правительства противостоящей им вражеской коалиции, отнеслись одинаково враждебно к советским мирным предложениям. И те и другие хотели и добивались «победного» мира. Но, но вполне понятным причинам, по-разному отнеслись центральные державы и Антанта к самой возможности заключения мира. Первые «приняли» советские предложения на словах, но заранее решили с ними не считаться и вопреки им навязать Советской России свою аннексионистскую «мирную» программу, которая должна была послужить прообразом всеобщего мира. Антанта отвергла мирные предложения и начала сейчас же готовиться к борьбе с Советской республикой и оказывать помощь всем образовавшимся контрреволюционным «правительствам» в юго-восточных областях России и на русском Дальнем Востоке{104}. «Принятие» и отклонение мирных предложений и вытекавшая из них разная по форме политика имели в своей основе контрреволюционные цели, стремление буржуазии и правительств «раздавить в крови рабочую и крестьянскую революцию».

Противоречивые интересы буржуазии той и другой группировок воюющих держав вынуждали одну из них стремиться к быстрому окончанию войны, а другую — к её затягиванию. А разная степень воздействия Октябрьской социалистической революции на их армии и тылы определила разное по форме отношение Антанты и центральных держав к советским мирным предложениям. Внутриполитическое положение и крайняя истощённость не позволяли Германии и Австро-Венгрии [73] открыто отклонить советские мирные предложения. Господствующие классы этих государств видели в Октябрьской революции, которая, по их мнению, уже фактически ликвидировала Восточный фронт, «гарантию» их победы на Востоке и на Западе. Поэтому они и приняли на словах советское мирное предложение. По этой именно причине Антанта их отвергла.

Отношение Антанты и центральных держав к советским мирным предложениям было только по форме противоположным. По существу же оно было одинаковым. Германия их «приняла», так как надеялась при создавшейся военно-политической обстановке закончить «победоносно» войну на Востоке и использовать победу для «победоносного» мира на Западе. Антанта отклонила советское предложение и приступила к организации интервенции для того, чтобы не дать Германии использовать преимущества на Востоке и помешать наступлению на Западе. Октябрьская революция и её мирная политика определили на довольно длительный период военную и политическую стратегию и тактику, внутреннюю и внешнюю политику Антанты и центральных держав.

Руководящие круги Лондона, Парижа и Вашингтона, как теперь известно из опубликованных документов, были прекрасно информированы своими агентами, что ни большевистское, ни какое-либо иное правительство в России не в состоянии было бы

продолжать войну с Германией. Они вместе с тем считали, что «большевики создают германцам бóльшие затруднения, чем, например, эсеры»{105} и что «большевики представляли собой страшную угрозу для Австрии и Германии». В то же время они были уверены в том, что большевики не представляли «серьёзной угрозы для внутреннего мира» союзных стран{106}. Английский посол в Петрограде Бьюкенен, который сам признавал, что единственная цель его деятельности всегда состояла в том, чтобы «удержать Россию в войне», предостерегал своё правительство, что «требовать своего фунта мяса и настаивать на том, чтобы Россия исполнила свои обязательства, [74] вытекающие из соглашения 1914 г. (не заключать сепаратного мира), значит играть в руку Германии»{107}. Такую, же точно информацию получало от своих дипломатических представителей и уполномоченных Красного Креста в России и правительство США. Учитывая положение в России и не имея в наличии материальной силы для принуждения большевиков продолжать войну на стороне Антанты, руководящие круги Англии вначале решили попытаться «приручить» большевиков и «убедить петроградское правительство не заключать сепаратного мира с Германией»{108}. Ллойд Джордж предложил 30 ноября конференции союзных держав в Париже освободить Россию от обязательства не заключать сепаратного мира. Он требовал, чтобы союзные правительства «указали русскому народу, что, понимая, как русские утомлены войной и как Россия испытывает результаты дезорганизации, вызванной великой революцией, союзники предоставляют России самой решить вопрос о том, следует ли ей купить мир ценой уступок Германии в согласии с условиями, продиктованными последней, или продолжать борьбу вместе с союзниками, которые исполнены решимости не складывать оружия, пока не будут получены гарантии прочного мира для всего человечества»{109}.

Английское предложение было провалено, но словам полковника Хауза, «неистовой оппозицией Соннино (итальянского министра иностранных дел) и отчасти более умеренными возражениями Клемансо»{110}. Об «умеренности» Клемансо даёт представление запись Ллойд Джорджа: «Клемансо заявил, что заключением сепаратного мира Россия предаст союзников» и что если бы «все силы небесные просили его освободить Россию от данного ею слова, то и тогда он отказал бы в этом»{111}. [75]

Отвергнув английское предложение, межсоюзная конференция приняла антисоветское постановление, рекомендовавшее каждому союзному правительству дать отдельный ответ советскому правительству, сущность которого должна состоять в том, что союзные державы согласны на пересмотр целей войны и возможных условий справедливого и прочного мира «совместно с Россией, как только в России будет создано нормальное правительство, имеющее право говорить от имени русского народа»{112}.

В этом постановлении уже были заложены основы интервенции, к которой уже в то время реакционная капиталистическая печать в странах Антанты и США подготовляла общественное мнение. Американские руководящие круги, в частности Вильсон и Хауз, в то время считали, что союзники не должны проводить открытой политики отталкивания большевиков. Такал неумная политика, по их мнению, озлобит русский народ, что поможет усилению Германии. Хауз телеграфировал 28 ноября Вильсону, что необходимо прекратить враждебную и клеветническую кампанию американских газет против большевистского правительства. Хауз резко порицал печать, которая, плохо разбираясь в делах, поставила себе целью «доказать, что Россия должна рассматриваться как враг». Он требовал от собственного правительства и от союзников в их же интересах прекращения распространения подобных взглядов, так как в противном случае, пояснял он, «Россия будет брошена в объятия Германии» {113}.

Правительство США считало, что союзные правительства не могут игнорировать мирные предложения большевиков, что после опубликования тайных договоров и разоблачений военных целей Антанты нельзя отмалчиваться. Оно требовало публичного объявления военных целей, за которые союзники решили продолжать войну. Оно настаивало на том, что союзники обязаны сформулировать свои военные цели таким образом, чтобы они способствовали ослаблению антивоенного движения в странах Антанты и отвлекли [76]

симпатии народных масс от большевиков. Военные цели Антанты должны были убедить мировое общественное мнение в том, что центральные державы воюют за мировое господство, а союзники борются за справедливый мир в интересах всего человечества. «Подобный шаг, — доказывал Хауз на межсоюзной конференции, — особенно необходим ввиду большевистских мирных предложений и возрастающих со стороны либеральных и рабочих элементов союзных стран требований обеспечить, чтобы война во имя империалистических целей далее не продолжалась»{114}. Америка требовала от союзников провозглашения такой политики, которая «оправдала бы жертвы войны и поддержала бы энтузиазм либеральных и рабочих кругов Великобритании и Франции» и одновременно «потрясла бы германский тыл» {115}.

Американский главный делегат предложил союзной конференции на утверждение следующий текст общей союзной декларации о целях войны:

«Союзные державы и США заявляют, что они ведут войну не с целью агрессии или военной контрибуции. Жертвы, которые они приносят, приносятся ими для того, чтобы милитаризм не бросал в будущем на мир свою тень и чтобы нации имели право устраивать свою жизнь согласно тем принципам, которые кажутся им наилучшими для развития их общего благосостояния» {116}.

Совершенно независимо от искренности намерений составителей этой декларации необходимо констатировать, что на ней сильно отразилось влияние советской мирной программы. Она признаёт основные советские принципы: мир без аннексий и контрибуций и право наций на самоопределение.

Требуя от союзников принятия такой резолюции, полковник Хауз и Вильсон преследовали далеко идущие политические цели. Они считали, что, будучи опубликованной в качестве декларации межсоюзной конференции, резолюция должна была отклонить симпатии рабочих масс и демократических элементов во всех странах от советской программы мира и привлечь внимание к программе союзников, построенной «на почве [77] широких прогрессивных и созидательных заявлений». Американский империализм надеялся с помощью этой резолюции вбить клин между германским правительством и социал-демократической партией и всеми противниками германских аннексий. Однако даже это предложение, говорящее о мире лишь в общих выражениях, не нашло одобрения конференции. Итальянские делегаты считали это предложение «опасным», так как оно означало бы отказ союзников от Лондонского соглашения 1915 г. о передаче Италии частей Австро-Венгрии, населённых южными славянами. Ллойд Джордж пытался объединить текст полковника Хауза с предложениями «русского посла» Маклакова, но получил отпор со стороны Хауза. Вся конференция затем одобрила текст консервативной резолюции Соннино, но Хауз отверг её, заявив, «что США ни в каком случае не согласятся подписать подобной вещи, что члены конференции могут составить резолюцию, согласиться с ней и подписать её, но США должны остаться на той же точке зрения, на которой находятся сейчас, т. е. останутся на почве широких прогрессивных и созидательных заявлений, делаемых время от времени президентом»{117}. Оппозиция делегации США привела к тому, телеграфировал Хауз Вильсону, что «резолюция отправилась в «мусорную яму», так как каждый из присутствующих знал, что без поддержки США она была бы ничем»{118}. В результате разногласий было решено отказаться от общей декларации союзников о целях войны. Неспособность руководящих кругов Франции, Англии и Италии понять новую обстановку, созданную социалистической революцией в России; абсолютная невозможность после опубликования советских мирных предложений и тайных договоров союзников отстаивать империалистические цели войны в их старом виде; неумение и нежелание руководителей этих держав усвоить новую тактику и попытаться демократическими фразами о мире убедить массы в необходимости приносить дальнейшие жертвы — приводили в уныние полковника Хауза. Он писал по этому поводу: [78]

«Я чувствую глубокую симпатию к солдатам и матросам союзных наций, полагающимся на нас здесь, что мы дадим настоящее направленно делу, за которое они сражаются... Здесь мало думают о том, чтобы помочь военному положению мерами здравомыслящей и полезной

дипломатии»{119}.

Отвергнув английское предложение об освобождении советского правительства от принятых царём обязательств не заключать сепаратного мира, правительства Антанты этим самым потребовали, чтобы Россия продолжала войну или, в худшем для них случае, не заключала мира с Германией.

Отвергнув декларацию Хауза, союзники признали, что они не хотят демократического мира и отстаивают старые цели войны.

Реакционеры Франции, Англии и Италии уже тогда решили под видом «восстановления Восточного фронта» и воспрепятствования Германии завладеть военными, сырьевыми и продовольственными ресурсами России бросить против молодого социалистического государства Японию, которая охотно соглашалась на это, если ей будет выдан «мандат» от всех союзных держав, что она действует от их имени и во имя общих интересов. США отказывались дать свою подпись под таким документом. Клемансо настаивал перед Хаузом на частном совещании, состоявшемся l декабря, на желательности и полезности интервенции с помощью японских войск. «Россия, — говорил Клемансо, — вышла из игры. Для Японии настало время занять её место»{120}.

Руководящие круги США не были принципиальными противниками интервенции, но они были против японской интервенции. На данном этапе правительство США считало интервенцию преждевременной, опасаясь, что она вызовет озлобление русского народа против союзников и окажет отрицательное воздействие на общественное мнение союзных стран. Оно считало возможным и необходимым удержать большевиков в рядах [79] воюющих стран посредством «разумной» и «либеральной» политики, которая убедила бы весь мир в справедливости военных целей союзников. По этим соображениям американская делегация не дала согласия на приглашение Японии послать войска в Сибирь. Она. кроме того считала, что никакая посторонняя сила не может восстановить в России Восточный фронт. Хозяйственная жизнь страны вконец расстроена, народ жаждет мира, а интервенция укрепит большевиков, сила которых заключается в том, что они искренне хотят мира и удовлетворили «единственно актуальное требование русских крестьян: раздел земли»{121}. Невзирая на противодействие США, европейские союзники вошли уже в начале декабря 1917 г. в переговоры с японским правительством о высадке десанта во Владивостоке и установлении контроля над Сибирской магистралью {122}. В конце декабря микадо заявил в тронной речи в парламенте, что Япония «должна отныне действовать энергично на стороне союзников».

По возвращении из Парижа Бальфур представил 9 декабря английскому кабинету меморандум под заглавием «Заметки о положении в России», в котором он выступил против той части министров, которая настаивала на немедленном признании генерала Каледина «правителем» России и требовала от правительства, чтобы оно относилось к большевикам, «как к врагам».

Однако уже во вторую половину декабря одержала верх та группа реакционной английской буржуазии, которая требовала открытой борьбы с Советской Россией. 23 декабря 1917 г. английское и французское правительства установили единство действий «по отношению к России в связи с предложениями большевиков о мире»{123}; заключили конвенцию о «дальнейшей политике на юге России», предусматривавшей широкую помощь генералу Алексееву и «географическое разделение [80] сферы действий этих двух держав на всем том протяжении, какое они были в состоянии охватить»{124}.

В основу англо-французской конвенции был положен утверждённый 21 декабря английским кабинетом меморандум лордов Милнера и Роберта Сесиля, в котором доказывалась необходимость поддерживать связь с белогвардейскими самочинными правительствами на Украине, Северном Кавказе, Финляндии, Сибири и др.

Английский меморандум делил территорию Советской России на сферы деятельности Франции и Англии. «Полем деятельности Франции» предназначалась Украина, а «юго-восточные области» были предназначены Англии. Расходы по интервенции брали на себя Англия и Франция, но было решено пригласить США принять также участие в расходах{125}.

Исторические события 1917 г. в России коренным образом изменили точку зрения Ллойд Джорджа и Вильсона на вопросы войны и мира, что очень ярко выразилось в их отношении к австрийской проблеме.

Вильсон считал в феврале 1917 г., что необходимо через Австрию найти путь для заключения всеобщего мира, и поэтому США не объявили ей войны даже после объявления 6 апреля войны Германии. Теперь президент сам взял инициативу в свои руки и объявил 5 декабря войну двуединой империи. Защищая необходимость объявления войны Габсбургам, Вильсон мотивировал это следующим образом:

«Австро-венгерское правительство не действует согласно его собственной воле или соответственно желаниям и чувствам его собственных народов, но оно действует в качестве орудия другой нации. Мы должны выступить против него и рассматривать центральные державы как одно целое, иначе война не может быть успешно закончена».

Относительно будущей судьбы и устройства Австро-Венгрии в послании было сказано в очень примирительном духе: «Надо подчеркнуть, что мы ни в какой мере не хотим причинять ущерб Австро-Венгрии и что не наше дело заниматься устройством народов. Мы не [81] хотим ни в какой мере предписывать им их поведение, но мы желаем, чтобы они сами разрешили свои дела, малые и большие». Той же позиции придерживались США относительно судьбы народов Балканского полуострова и Турции. Вильсон отрицал какое бы то ни было намерение правительства США вмешиваться во внутренние дела Германии. Германские правители обманывают народ, утверждая, что немцы воюют, отстаивая право на существование своего государства.

Касаясь публично выраженного правительствами центральных держав согласия принять советские мирные предложения в качестве основы для переговоров, Вильсон заявил, что эти правительства обманывают русский народ, как они это всегда делали, когда им представлялась к этому малейшая возможность{126}.

В феврале 1917 г., как об этом свидетельствует дипломатическая переписка, союзники ничего больше не хотели от США, как «моральной поддержки». События в России коренным образом изменили положение. Теперь союзникам нужна была не «моральная поддержка», а миллионы американских солдат. Объявлением войны Австро-Венгрии Вильсон заявлял друзьям и врагам, что США доставят эти миллионы солдат в Европу и не положат оружия до тех пор, пока не добьются разгрома Германии и её союзников. В этом заключалось главное значение объявления США войны Австро-Венгрии.

Однако в послании Вильсона имелось и нечто другое. Руководящие крути союзных стран сейчас же после Февральской революции в России были убеждены в том, что Россия как великая держава распалась и не воскреснет вновь. Она больше не принималась ими в расчёт как фактор устойчивой международной политики и как равнодействующая сила в Европе. Из факта крушения царской России они поспешно заключали, что в Восточной Европе образуется множество слабых и враждующих между собой государств, чем будет [82] нарушено политическое равновесие в Европе в пользу Германии, которая сделается её подлинным властителем. Эта мрачная перспектива заставила Англию и США уже в тот момент подыскивать среди тогдашних врагов будущих друзей в Центральной Европе, таких друзей, которые смогли бы хоть в некоторой степени выполнять роль России и держать в определённых рамках немецкую агрессию.

Объявляя Австро-Венгрии войну, Вильсон одновременно объявил и принципы, которые США намерены были положить в основу будущего мира, учитывая изменившуюся обстановку. Посланием Вильсона было положено начало пересмотра союзниками военных целей, которые были окончательно сформулированы в «мирной декларации» Ллойд Джорджа от 5 января и в «четырнадцати условиях» Вильсона от 8 января 1918 г. Вильсон подчёркивал, что он объявляет войну вассалу Германии, но не самостоятельному государству. Он этим как бы приглашал австро-венгерское правительство освободиться из-под опеки Германии, перейти на сторону Антанты, и тогда монархии будет обеспечено её существование. Стремлением оторвать Австро-Венгрию от её более могущественной союзницы были продиктованы, как мы увидим ниже, и дальнейшие выступления Вильсона и Ллойд Джорджа. То, чего нельзя было сказать публично, было сказано во время секретных переговоров в декабре 1917 г. между генералом Смэтсом и Менсдорфом, в феврале 1918 г. между Херроном и Ламмашем и в марте того же года между Смэтсом и Скшинским в Швейцарии.

Австро-венгерское правительство, однако, не поняло политического смысла объявления ему Вильсоном войны. Оно не воспользовалось брошенным ему спасательным поясом. Оно этого и не могло сделать, так как находилось в полной зависимости от Германии. Отвечая Вильсону, граф Чернин довольно легкомысленно заявил 6 декабря в венгерской делегации в Будапеште, что объявление Соединёнными Штатами Америки войны Австро-Венгрии «ни в малейшей степени не изменит военного результата». Ввиду того, что территориальной целостности Австро-Венгрии, заявил далее [83] Чернин, никто больше не угрожает с Востока, а Германии всё ещё угрожают вражеские армии, то Австро-Венгрия пошлёт свои войска на Западный фронт, где они будут драться за оборону Германии. «Если кто-либо спросит, воюем ли мы за Эльзас-Лотарингию, то я отвечаю: «Да, мы воюем за Эльзас-Лотарингию точно так же, как Германия воюет за нас и воевала за Львов и Триест»{127}.

Так ответили руководящие круги Австро-Венгрии на предложения Вильсона освободиться от германского вассалитета и этим путём обеспечить себе дальнейшее существование.

Германская и австро-венгерская буржуазная печать широко использовала объявление американским конгрессом войны габсбургской монархии для шовинистической и военной пропаганды. В этом она находила оправдание взятого правительствами центральных держав политического курса на обеспечение «победного» мира на Востоке и на Западе. В этом же духе писали также и социал-демократические газеты «Vorwärts» в Германии и «Arbeiter-Zeitung» в Австрии.

Анализируя послание Вильсона Конгрессу от 4 декабря 1917 г., «Vorwärts» писал: «Если не произойдёт какого-либо чрезвычайного события, которое прервёт логическое развитие, то германский народ вынужден будет считаться с тем, что окончательная борьба будет закончена на Западе».

Таким образом, по мнению «Vorwärts», не чрезмерные требования германского империализма и не его разбойнические военные цели, которые были ему хорошо известны, делают неизбежным продолжение войны на Западе. Оно, по «Vorwärts», было навязано германскому народу извне. Газета упрекала Вильсона в воинственности и возмущалась тем, что он проповедует борьбу против «германской автократии». Она демагогически утверждала, что нельзя обвинить германское правительство в особой реакционности и воинственности по той причине, что «современное русское правительство является безусловно наиболее демократическим из всех до сих пор существовавших правительств, [84] и оно все же ищет не войны с германской автократией, а мира»{128}.

Буржуазная печать превозносила Чернина за его отповедь Вильсону и за обещание отправить австрийские войска на Западный фронт, видя в этом залог «победного» мира. Тот же «Vorwärts» писал по этому же вопросу через день:

«Объявление, что Австро-Венгрия готова помочь Германии оружием на Западе, лишает

Антанту надежды на конечную победу, и оно способно служить миру. Но если Франция и Англия не хотят мира, то они должны будут считаться с усиленным военным давлением центральных держав на Западном фронте и со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Граф Чернин категорически заявил, говорилось далее в этой статье, что Австрия будет драться на Западном фронте лишь за оборону Германии. Утверждению, что там будут драться за германские захваты, Чернин противопоставил «категорическое нет». «Этим заявлением он дал достойный ответ Вильсону, который выставил Австрию как безвольное орудие германских планов о мировом господстве; из этого ответа он сможет, очевидно, узнать также общественное мнение страны по этому делу» {129}. Так писал «Vorwärts», поставивший себе задачу оправдать германских империалистов.

И Венская «Arbeiter-Zeitung» также недоумевала и считала политику Вильсона чуть ли не «губительной» для Антанты. Если Антанта до сих пор не смогла победить Германию, то сейчас, после выхода России из войны, ей и подавно не победить её. Америка, по мнению социал-демократической газеты, никогда не заменит русской армии. Освободившиеся австро-венгерские, турецкие и болгарские войска будут теперь брошены на Западный фронт. «Что у Антанты нет никакой перспективы уничтожить центральные державы, это, конечно, знают и её государственные деятели».

Послание Вильсона американскому конгрессу и ответ на него Чернина послужили своеобразным началом [85] целой серия публичных выступлений министров и общественных деятелей Антанты и центральных держав в защиту условий мира обеих группировок{130}.

В феврале 1917 г., как это известно из дипломатической переписки между Вашингтоном и Лондоном, английское правительство было заинтересовано в том, чтобы Австро-Венгрия оставалась верной своей союзнице и ослабляла Германию. Ллойд Джордж не соглашался рассматривать её возможное мирное предложение, если она его даже сделала бы через Вильсона. Такая позиция диктовалась наличием Восточного фронта и боязнью, что Италия — всё равно, получит ли она удовлетворение за счёт Австрии или нет, — не будет продолжать войну против Германии после сепаратного мира с Австро-Венгрией. Англия, как и США, намеревалась предложить габсбургской монархии, если бы она обратилась с мирным предложением, очень суровые условия. В декабре 1917 г., когда США показали, что они будут воевать по-настоящему, а опасения отпадения Италии исчезли, так как после разгрома у Капоретто она держалась на ногах исключительно при помощи союзников, Англия не только добивалась сепаратного мира с Австрией, но была готова гарантировать её существование как великой державы. Английское правительство охотно приняло предложение Чернина устроить свидание английского и австрийского представителей в Швейцарии для выяснения предварительных условий. С этой целью был послан со стороны Англии член военного кабинета генерал Смэтс, а со стороны Австрии — бывший посол в Лондоне граф Менсдорф. Первая встреча Смэтса и Менсдорфа в Женеве произошла 18 декабря 1918 г., в тот самый день, когда коронный совет в Крейцнахе формулировал свою разбойничью «мирную» программу. Оба посланца составили подробные записки о результатах переговоров, которые раскрывают цели, и намерения обеих сторон, [86] какими они вырисовывались в той конкретной обстановке, и позволяют сделать очень важные выводы.

Перед отъездом в Женеву Смэтс имел свидание с Ллойд Джорджем и министром иностранных дел Бальфуром. На этом свидании было решено, что цель встречи с Менсдорфом должна состоять в обсуждении вопроса о сепаратном мире с Австрией. Смэтс не должен был входить в обсуждение условий всеобщего мира. Он должен был: 1) внушить Менсдорфу, что после разрыва и освобождения от Германии Австрия может рассчитывать на помощь Англии; 2) собрать побольше информации, но решительно избегать говорить о возможности мира с Германией; 3) убедить Австрию в выгодности для неё заключить сепаратный мир.

Задача, возложенная на генерала Смэтса, была исключительно трудной, однако Менсдорф облегчил ему её выполнение. Австрийский дипломат предупредил Смэтса при первой же встрече 18 декабря, что о сепаратном мире не может быть и речи. Австрия, сказал он, не совершит предательства подобно Италии и Румынии.

Смэтс подчеркнул в беседе, что в Англии относились до войны дружественно к австрийской монархии, что её и теперь считают орудием в руках Германии. Руководящие круги Англии полагают, что новая Россия не сможет преградить путь германской агрессии, и считают необходимым создать вместо России противовес чрезмерному усилению Германии. Важно, чтобы Австрия освободилась от влияния Германии, перестала быть орудием её политики и с помощью Антанты, в частности Англии, вступила на новый путь. В этом случае она получит полную поддержку и помощь для экономического восстановления.

Смэтс развил Менсдорфу лондонский план реорганизации Австро-Венгрии наподобие Британской империи с её самоуправляющимися доминионами и старался внушить ему, что предоставление широкой автономии отдельным национальностям Австро-Венгрии — лучшее средство завоевания симпатий у народов Великобритании. Смэтс убеждал Менсдорфа в том, что Австрию ждёт великое будущее, если она порвёт с Германией, [87] преобразуется на началах федерализма и составит в Европе своего рода свободный союз народов, не имея больше перед собой угрозы в лице России. Непременными условиями нового политического порядка в Европе должны быть разрушение германского милитаризма и гарантии против восстановления военного господства Германии.

При обсуждении территориального и политического статуса «увеличенной» Австро-Венгрии выяснилось, что в Лондоне хотели бы, чтобы она была реорганизована на принципе предоставления автономного управления всем славянским землям и чтобы немцам не принадлежала в будущем гегемония в федеративной империи. Англия, заявил Смэтс при второй встрече, вечером 18 декабря, симпатизирует «большой» Австро-Венгрии, которая может сделаться притягательным центром для других наций, а именно для славян и румын. Англия не будет возражать против сближения монархии с Сербией, если она передаст ей Боснию и Герцеговину и даст выход к морю через Далмацию. Для Румынии Смэтс требовал Буковину и часть Трансильвании. Менсдорф, наоборот, требовал улучшения австро-венгерских стратегических границ за счёт Румынии. Что касается Италии, сказал Смэтс, Англия будет настаивать лишь на уступке ей Трентино, которое является чисто итальянской областью. Менсдорф возражал против каких бы то ни было территориальных уступок Италии и Румынии. Менсдорф по-своему понял своего собеседника. Он старался внушить Смэтсу, что центральные державы уже преобразовались во время войны в демократические государства и поэтому англичанам нечего бояться немецкого милитаризма.

Менсдорф убеждал Смэтса в невозможности победить Германию и бесполезности продолжать войну. Он пытался склонить своего собеседника к выяснению общих условий мира с Германией, предлагал Австрию в качестве посредника в переговорах между Берлином и Лондоном и обещал, что Австрия поддержит требования Англии относительно разоружения, арбитража и по другим вопросам{131}. Но Смэтс категорически отказался [88] даже говорить на эту тему. Смэтс заявил австро-германскому посланцу, что Антанта будет продолжать войну до полного разгрома германского милитаризма, «разрушительной мощи которого раньше не подозревали». Смэтс при этом указал, что беседы между ним и представителем Австрии должны установить только одно — как Англия может выступить посредником между точкой зрения Австрии и точкой зрения английских союзников. Смэтс старался выведать у Менсдорфа что-нибудь об аннексионистских планах Германии в отношении русских областей. Менсдорф ответил, что он ничего не знает об этих планах.

Менсдорф так резюмировал вторую встречу с генералом Смэтсом: «Следует приветствовать то обстоятельство, что ищут с нами контакта, что хотят иметь в будущем сильную Австро-Венгрию в качестве миролюбивого противовеса Германской империи,

сильную Австро-Венгрию, которую, конечно, считают способной к дальнейшему развитию, — империю, состоящую из автономных областей и национальностей, объединённую с Польшей, с эвентуальным присоединением Сербии, возможно даже Румынии»{132}.

Менсдорф был так приятно поражён желанием Англии сохранить Австро-Венгрию в списке живых государств после войны, что он решил проверить это во время третьей, и последней, встречи 19 декабря. Менсдорф начал беседу с сетования насчёт январской ноты союзников, в которой говорилось о расчленении Австро-Венгрии и об образовании на её развалинах независимых государств. Смэтс заверил Менсдорфа в том, что в Лондоне теперь жалеют о неудачной редакции этого документа, что о плане раздробления Австро-Венгрии не может быть и речи. «Напротив, сильная Австро-Венгрия является единственно возможным миролюбивым противовесом против чрезмерно сильной Германии, которая иначе подчинит себе весь европейский континент».

Смэтс. ещё раз повторил, что Англия имеет обязательства по отношению к своим союзникам за счёт [89] Австро-Венгрия, которая, однако, получит компенсацию за небольшие уступки Италии, Сербии и Румынии. Он подтвердил также сказанное им раньше о персональной унии Австрии с Польшей, о будущей политической связи с Сербией, возможно и с Румынией, и он в общем не возражал против увеличения Болгарии за счёт Румынии и Сербии. От Австро-Венгрии требовалось одно непременное условие: она должна была сделаться «независимой» от Германии и перестать быть её орудием.

Поскольку Менсдорф и говорить не хотел о сепаратном мире, а вместо этого настойчиво рекомендовал использовать Австро-Венгрию в качестве моста для сближения с Германией, дальнейшие переговоры сделались бесцельными. Менсдорф, однако, пытался на последнем свидании, утром 19 декабря, ещё раз заинтересовать Смэтса перспективой переговоров Англии с Германией. Он заявил Смэтсу: 1) Австрия готова «оказать давление на Германию», с тем чтобы побудить её согласиться на политику разоружения (включая подводные лодки и другие виды оружия) и политику арбитража; 2) Австрия благодарит за симпатию по её адресу и надеется, что во время мирных переговоров Англия окажет влияние на её друзей с целью сокращения их требований; 3) в этом случае и Австрия сделает всё от неё зависящее для удовлетворения требований Англии. Смэтс опять отклонил всякую мысль о переговорах с Германией. Лишь разгром германского милитаризма, сказал он, даст мир Германии.

Смэтс категорически заявил, что Австрии дана последняя возможность показать свою «политическую зрелость» и пойти по пути, который ей указывает Англия. В этом случае, и только в этом случае, она может рассчитывать на английскую поддержку{133}.

На этом переговоры Смэтса с Менсдорфом прекратились.

Хотя свидание Менсдорфа со Смэтсом закончилось безрезультатно, оно, тем не менее, выяснило очень [90] важные для обеих сторон вопросы. Переговоры показали, во-первых, что ни объективная, ни субъективная (психологическая) обстановка ещё не созрела для сепаратного мира, который Англия хотела заключить с Австрией; во-вторых, что Англия весьма своеобразно понимает взятые на себя обязательства по отношению к своим союзникам и если бы Австрия пошла на сепаратный мир, то Англия готова была бы нарушить свои обязательства по отношению к Италии и Румынии и вознаградить Австрию за отход от Германии передачей ей Сербии и Румынии; в-третьих, что Англия при всех условиях будет драться до полного разгрома Германии и что лишь отказ теперешних союзников Германии отойти от неё побуждает Англию добиваться полного разгрома Четверного союза; в-четвёртых, что Австрия всё ещё верит в непобедимость Германии, что она не считает возможным предать свою союзницу, но она вместе с тем склонна была оказать давление на Германию в сторону сокращения её военных целей при условии, что Англия умерит аппетиты своих союзников, жаждавших разорвать Австрию на куски; в-пятых, что военные цели Антанты, в которых провозглашалось расчленение Германии, Австро-Венгрии и Турции, задерживали распространение мирных настроений в этих странах и помогали

правительствам подчинить народные массы своей политике.

Правительства Антанты и США сделали нужные выводы.

19 декабря в палате общин происходили прения по внешней политике, во время которых Ллойд Джордж заявил, что Англия и её союзники согласятся заключить мир лишь на следующих условиях: 1) возвращение насильственно захваченных Германией у Франции Эльзаса и Лотарингии; 2) восстановление Бельгии, Сербии, Румынии, Черногории, эвакуация всех занятых Германией областей и возмещение причинённых им убытков; 3) освобождение из-под власти турок Месопотамии, Армении, Сирии, Палестины, Аравии и т. д.; 4) передача германских колоний в руки других держав, «в более мягкие руки», сообразно с желанием местного населения. Что же касается России, то она сама за себя отвечает. [91]

Вопрос о судьбе Австро-Венгрии. Ллойд Джордж целиком обошёл. То, чего не сказал Ллойд Джордж палате общин, Смэтс передал в тот же день в Женеве графу Менсдорфу{134}.

6. Советские условия всеобщего демократического мира и германский империализм

22 декабря 1917 г. советская делегация огласила на открывшейся мирной конференции в Брест-Литовске декларацию с шестью ленинскими условиями, на которых большевики предлагали всем воюющим государствам заключить мир. Сущность ленинских условий мира состояла в следующем:

1. Недопустимость насильственного присоединения захваченных во время этой войны территорий и эвакуация войск оттуда в кратчайший срок, 2. Восстановление полной самостоятельности тех народов, которые её лишились во время войны. 3. Национальным группам, не пользовавшимся до войны самостоятельностью, предоставляется самим решить путём референдума (свободного волеизъявления) об их государственной принадлежности или же о полной их самостоятельности. Обеспечение полной свободы голосования при референдуме. 4. Обеспечение национальным меньшинствам «культурно-национальной самостоятельности» или административной автономии. 5. Отказ всех воюющих стран от «военных издержек» и возвращение всех уже взысканных контрибуций; образование особого фонда из пропорциональных взносов воюющих стран для возмещения убытков частных лиц. 6. Разрешение всех колониальных вопросов на основе принципов, изложенных в первых четырёх пунктах данной декларации{135}. [92]

Советская республика предложила кроме того всем воюющим странам отказаться от всякого политического и экономического угнетения слабых наций, от экономического бойкота, от таможенных соглашений, стесняющих свободу торговли других стран, от морской блокады, не преследующей непосредственные военные цели, и т. д. Без признания перечисленных выше принципов, говорилось в заключении декларации, советское правительство «не представляет себе возможности заключения всеобщего мира».

Едва сделавшись известными, шесть ленинских условий мира завоевали симпатии трудящихся всех стран. Они вызвали крайнее недовольство и крупные разногласия между делегациями германского блока, собравшимися по поводу мирных переговоров в Брест-Литовске... Австро-Венгрии нужен был мир на всех фронтах. Она хотела закончить войну без собственных территориальных потерь, что же касается облюбованных ею территорий в Румынии и Сербии, то их получение могло бы быть обеспечено заключением мира с Советской Россией. Не в интересах Австро-Венгрии было добиваться чрезмерных аннексий русских территорий в пользу Германии. Чернин был поэтому за принятие в принципе шести советских условий мира. Германия находилась в другом положении. Германские империалисты не хотели всеобщего мира, они добивались лишь сепаратного мира с Советской республикой. Фон Кюльман, по словам Чернина, лично ничего не имел против

всеобщего мира, но он «боялся возражений военщины, которая хотела мира лишь после окончательной победы». Когда были устранены разногласия между германской и австрийской делегациями, то обнаружились острые противоречия между ними и турками и болгарами. Турция выставляла требование о немедленной эвакуации русскими войсками турецких областей Армении. Немцы по тактическим соображениям выступили против этого требования, так как оно обратилось бы в конечном счёте против них. Оно указывало на то, что и сами немцы должны эвакуировать все оккупированные ими области России, чего они не намеревались делать. Болгары, жаждавшие присоединения уже захваченных у Сербии и Румынии областей, требовали, [93] чтобы для их страны было сделано исключение я разрешено ей аннексировать сербскую и румынскую территории. Кюльман и Чернин отказались включить требования турок и болгар в ответную декларацию Четверного союза. Болгары угрожали отъездом, но должны были вместе с турками покориться, когда убедились, что никто их не удерживает в Брест-Литовске. Вновь возникшие разногласия между немцами и австрийцами о разделе польских земель закончились уступкой австрийцев. «Германская военщина, — записал в своём дневнике 24 декабря Чернин, — боится, что Антанта может пойти на всеобщий мир, тогда она (Германия) не сможет закончить войну «с прибылью». Трудно слушать это пустословие. Если наступят с такой определённостью ожидаемые германскими генералами большие победы на Западном фронте, то их претензии не будут иметь границ, и они ещё больше затруднят всякие переговоры»{136}.

Германские империалисты охотно запретили бы опубликование ленинских условий мира, но радио уже разнесло их содержание во все уголки земного шара. Сорвать мирные переговоры в самом их начале перед лицом жаждущих мира народных масс из-за того, что одна сто дона хотела всеобщего демократического, а другая сторона хотела сепаратного и насильственного мира, — на это они не решались пойти. Германские империалисты кроме того прекрасно знали, что правительства стран Антанты не будут вести мирные переговоры до тех пор, пока не наступит полный разгром Германии. Им поэтому ничего не стоило принять советские предложения о приглашении на конференцию правительств всех воюющих держав.

Гораздо сложнее была попытка согласовать германские захватнические планы с советскими предложениями по существу. Немцы были против мира на основе самоопределения наций, без аннексий и контрибуций, но по тактическим соображениям не решались отвергнуть шесть ленинских условий мира. Фон Кюльман и Чершш, будучи реальными политиками, сформулировали ответ советской делегации таким образом, что он мог [94] удовлетворить последнюю и оставлял место для любого толкования советских принципов в пользу германского империализма.

В декларации Четверного союза, зачитанной 25 декабря графом Черниным, говорилось, что четыре союзных правительства принимают советскую декларацию за основу переговоров о всеобщем мире при условии, что все без исключения воюющие державы согласятся начать в определённый срок мирные переговоры.

Германия и её союзники принимали в принципе шесть советских условий, но делали к некоторым из них такие оговорки, которые их по существу аннулировали. По поводу третьего условия декларация Четверного союза заявляла, что судьба народов, не имеющих политической самостоятельности, не может быть разрешена международным путём. Этот вопрос «должен быть решён в каждом отдельном случае государством вместе с его народом путём, предусмотренным данной конституцией». Это означало, что чехи, словаки, сербы, хорваты, украинцы, поляки и другие угнетённые народы Австро-Венгрии должны и впредь оставаться в старом положении и что только австрийские немцы и мадьяры должны и впредь решать их судьбу.

Оговорка к пятому условию позволяла получить контрибуцию под видом возмещения расходов за содержание пленных, «а также за убытки, причинённые на собственной территории частным лицам, подданным противника». Это означало, что Германия

намеревалась предъявить требование возмещения убытков за национализированную у немецких баронов — помещиков и фабрикантов — собственность.

Делегация Четверного союза принимала шестое условие о колониях, но сделала оговорку, что «Германия ни в коем случае не может отказаться» от требования возврата ей колоний, народы которых уже якобы в достаточной степени выразили своё желание оставаться под германской властью{137}.

Эта оговорки означали, что угнетённым народам Австро-Венгрии, Германии и Турции нечего ожидать облегчения их участи и после войны. Ни одна буржуазная [95] конституция, и в частности конституции Австро-Венгрии и Турции, не давала возможности угнетённым народам облегчить их тяжёлую участь законными средствами. Этот порядок Четверной союз пытался оставить неприкосновенным и увековечить.

Советская делегация вскрыла империалистический смысл этих оговорок и значение разногласий между обеими сторонами, но тем не менее, не желая срывать переговоров, заявила, что, несмотря на разногласия, она всё же полагает, что заключающееся в декларации держав Четверного союза заявление об отсутствии с их стороны агрессивных планов даёт возможность немедленно приступить к переговорам о всеобщем мире между всеми воюющими державами.

Было решено дать правительствам Антанты десять дней для ознакомления с установленными принципами мира, и если они не изъявят до 4 января 1918 г. согласия примкнуть к переговорам, то продолжать таковые и без них.

Верховное командование заявило протест против поведения Чернина и фон Кюльмана в Брест-Литовске, обвинило их в том, что они якобы усвоили точку зрения большевиков, австрийских и германских социал-демократов по вопросам войны; что они приняли к исполнению лозунги «мир без аннексий и контрибуций» и «право наций на самоопределение» и действуют в направлении достижения всеобщего мира, в то время как интересы Германии требуют лишь заключения мира с одной Россией. Позиция фон Кюльмана, заявляло верховное командование, внушает ему сомнение в получении Германией такой границы на Востоке, которая ей нужна как великой державе{138}. Гинденбург телеграфировал 26 декабря кайзеру Вильгельму: «Генерал Гофман мне прислал заявление, которое сделал граф Чернин от имени союзных правительств. Я должен выразить мои серьёзные возражения против того, что мы отказались от насильственных приобретений территорий без всяких ограничений. Если признание самого [96] принципа нельзя было, к сожалению, обойти после многократных правительственных заявлений, то я всё же ожидал, что будут сделаны ограничения»{139}.

Лидеры юнкерско-консервативной и национал-либеральной партий, граф Вестарп и Штреземан немедленно потребовали от правительства отказа от декларации Чернина — Кюльмана, которую они назвали «новым мирным предложением». Они настаивали на том, чтобы правительство ни в коем случае не соглашалось на всеобщий мир. Гертлинг успокоил Вестарпа, заявив ему, что германская делегация должна была считаться с русским правительством, которое не хотело вести переговоров о сепаратном мире и настаивает на всеобщем мире на всех фронтах. Однако он, канцлер, не верит в то, что правительства Антанты примут приглашение и этим будет предотвращена опасная сторона декларации{140}. Штреземан назвал декларацию «опасной игрой и притом нечестной игрой». Представители юнкерства и финансового капитала считали наиболее опасным принципиальное согласие Германии вести переговоры о всеобщем мире на основе советских мирных предложений. Что Германия навяжет аннексионистский мир Советской России, в этом не было никакого сомнения ни у правительства, ни у верховного командования, ни у лидеров юнкерско-капиталистических партий. Вестарп писал в поданной им правительству записке, что незачем было принимать, даже с оговорками, шесть советских условий, ибо они означают «отказ от положительных военных целей на Западе». И в этом вредность

декларации. Незачем было принимать эти условия и потому, что любое правительство в России, которое может притти на смену большевикам, принимая во внимание военное положение, вынуждено будет вести переговоры об аннексионистском мире. Декларация вредна, продолжал Вестарп, и потому, что Англия и Франция не верят в идеальные побуждения германского правительства. Они ужа начали свыкаться с мыслью, что Германия может, принимая во внимание общее военное положение, добиться значительных достижении [97] также и на Западе. «Новое предложение, как я опасаюсь, вызовет в этом процессе очень значительную реакцию, и вследствие этого понадобятся новые военные успехи наших сухопутных армий и подводных лодок лишь для того, чтобы исправить попятный шаг, сделанный новым предложением»{141}.

Было условлено поднять в печати шум против декларации Чернина и требовать от правительства отказа вести переговоры на основе «мира без аннексий и контрибуций».

В результате протеста Гинденбурга, Вестарпа, Штреземана и целой сети закулисных махинаций представитель германского верховного командования в Брест-Литовске генерал Гофман сделал 26 декабря «поправку» к декларации Чернина в духе принятого 18 декабря решения на коронном совете в Крейцнахе и в духе спешных переговоров и переписки между верховным командованием, рейхсканцлером и лидерами юнкерско-капиталистических партий. Гофман заявил, что выраженное в принципе согласие на заключение мира без аннексий вовсе не влечёт за собой эвакуации Германией оккупированных ею русских областей, так как население последних якобы уже решило по собственному побуждению отделиться от России и присоединиться к Германии. «Поправка» Гофмана в свою очередь вызвала сильную реакцию в Вене. Австрия не могла рисковать из-за германских требований аннексий на Западе, в которых она не была заинтересована, срывом мирных переговоров. Для неё это был вопрос жизни и смерти. Австрия угрожала нарушить «единство» в ансамбле. Чернин писал 27 декабря фон Кюльману: «В добавление ко вчерашней беседе я обязан вам сообщить, что имею положительный приказ моего императора не допустить разрыва переговоров с русскими из-за наших требований. Я должен буду, поэтому в случае неудачи ваших стараний вступить в сепаратные переговоры с русскими уполномоченными»{142}.

Поведение фон Кюльмана и Чернина в Брест-Литовске вызвало настоящую бурю в аннексионистских [98] кругах Германии. Их обвинили в предательстве немецких интересов и требовали замены фон Кюльмана другим дипломатом, который будет всецело подчиняться директивам Людендорфа и Гинденбурга.

Крупнокапиталистическая и юнкерская пангерманская печать утверждала, что заявление Кюльмана и Чернина о согласии Германии на всеобщие мирные переговоры является «величайшей победой Антанты в этой войне». Так, например, «Deutsche Zeitung» писала: «То, что достигнуто немецкой кровью в течение почти трёх с половиной лет, то потеряли дипломаты одним росчерком пера в Брест-Литовске в первый день рождества 1917 г.». Этот день газета называла «чёрным днём в германской истории» и требовала отозвания фон Кюльмана. Подобные же взгляды высказывали юнкерско-консервативные «Berliner Neueste Nachrichten» и «Reichsbote», национально-либеральная «Tägliche Rundschau» и другие органы печати.

«Deutsche Tageszeitung» писала, что счастье Германии состоит в непримиримости Англии, что до сих пор «миролюбивую» Германию «спасало от добровольного отказа от побед английское высокомерие». Германская дипломатия завела страну в брест-литовский тупик, откуда её может вывести лишь Великобритания, отказавшись в своей чрезмерной гордыне принять мирное предложение.

«Berliner Neueste Nachrichten» писала в тон предыдущему пангерманскому органу:

«И сейчас надежда друзей отечества цепляется, как это уже часто бывало в прошлом, не за действия наших дипломатов, но за большую вероятность, что Англия никогда добровольно не выпустит из своих рук то, что она уже имеет, и что тогда, согласно слову кайзера, наш

немецкий народ всем равнодушным дипломатам наперекор всё же получит тот мир, который ему нужен»{143}.

Штреземан от имени национал-либералов и граф Вестарп от консерваторов и всего блока пангерманцев требовали от Гертлинга отказа от каких бы то ни было переговоров о всеобщем мире и публичного заявления, что Кюльман не был уполномочен давать согласие на [99] переговоры о мире со всеми воюющими государствами. Канцлер защищался, говоря, что Кюльман и Чернин должны были считаться с образом мыслей русской делегации, которая настаивала на приглашении правительств Антанты и которая не хочет вести переговоры о сепаратном мире. Согласие Германии ограничено определённым сроком, говорил Гертлинг, и кроме того не она одна отказывается от завоеваний. «И враги должны будут отказаться от всего, а также Япония от Киао-Чао; наоборот, тут представятся возможные случаи для обменов». Канцлер просил не принимать данное Германией согласие на всеобщие переговоры очень трагически, заверив депутатов, что он сам не верит тому, чтобы Антанта приняла приглашение{144}.

Штреземан и Вестарп, которые поддерживали постоянную телефонную связь с верховным командованием, вполне разделяли его мнение, которое состояло в том, что заявление Кюльмана представляет собой «чудовищно опасную игру». Вестарп представил Гинденбургу и Людендорфу записку, в которой «доказывалось», что причинённый декларацией от 25 декабря ущерб Германии так велик, что для его исправления потребуется величайшее напряжение армии и подводного флота. Записка выражала недовольство пангерманских кругов мнимым отказом германского правительства «от положительных военных целей на Западе»{145}.

В германской буржуазной печати и в политических кругах почти не раздавалось других голосов, не слышно было иных оценок шести советских условий мира и ответа на них Чернина и Кюльмана, если не считать единичных выступлений.

Социал-демократическая «Vorwärts» писала 27 декабря:
«Русская мирная программа, конечно, так теоретична и абстрактна, что она не может сразу разрешить целое множество конкретных спорных вопросов. Но, с другой стороны, её основные принципы те же, которые признало публично и большинство германского народа, а также и германское правительство. [100]
В ответе на русское предложение германское правительство высказалось честно и с такой определённостью и ясностью, как ещё никогда, за принципы мира без аннексий и контрибуций. Признание большевистских уполномоченных опровергает всякое сомнение в двусмысленности его заявлений. Двери мира ещё раз открыты для всех»{146}.

И центральный орган социал-демократической партии и лидеры этой партии и католического центра одобряли на словах советскую мирную программу, на деле же в рейхстаге и перед рабочими и мелкобуржуазными массами поддерживали германскую декларацию фон Кюльмана. Социал-демократическая партия, подобно Эрцбергеру, выдала свидетельство честности правительству Гертлинга, которое проводило захватническую политику финансового капитала и юнкерства. В тот момент, когда Эрцбергер говорил о решимости и единодушии партий большинства, отстаивать мир без аннексий и контрибуций, его собственная партия уже перешла целиком на аннексионистскую платформу и истолковывала самоопределение таким образом, что, прикрываясь им, можно было аннексировать всю Европу, значительную часть Азии и всю Африку и всё же утверждать, что это есть мир без аннексий.

Учитывая постоянно убывающие силы Германии и Четверного союза в целом и регулярное пополнение сил стран Антанты за счёт США, руководство социал-демократической партии в этот период укрепилось в убеждении, что при сложившихся обстоятельствах абсолютно невозможно добиться «германского мира». Мир без аннексий и контрибуций означал бы при таких условиях реальную победу Германии. И социал-демократическая партия, желая спасти

германский империализм от катастрофы, хотела мира по соглашению, но у неё не находилось решимости бороться за него. Она действовала как раз наоборот. Своими положительными оценками неискренней и вероломной политики правительства Гертлинга и утверждением, что оно якобы честно желает демократического мира с Советской республикой, социал-демократическая партия [101] подкалывала основы движений за мир и причиняла ему большой вред. Она сеяла иллюзии в народных и рабочих массах, укрепляла авторитет правительства и вселяла уверенность в возможность и близость «демократического» мира и без натиска этих масс, демобилизовала и успокаивала их, что по сути дела означало передачу заботы о мире Вестарпу, Штреземану, Тирпицу, Гинденбургу и Людендорфу, т. е. тем лицам, которые добивались мира, обеспечивающего мировое господство Германии.

По вопросу о мире в Германии боролись в конце 1917 г. и в первые месяцы 1918 г. три основные политические группировки: 1) аннексионисты, которые утверждали, что через несколько месяцев война должна закончиться на Востоке и Западе «германским миром:»; 2) противники аннексий и 3) сторонники мира «по соглашению». Последнее направление было довольно пёстрым по своему классовому составу. В нём были представлены и сторонники мира «без аннексий и контрибуций», и сторонники «умеренных» аннексий «по соглашению», и защитники «Срединной Европы» и т. д.

Аннексионистское направление, немногочисленное по своему составу, но могущественное своими политическими связями и материальными ресурсами, держало в своих руках судьбы страны, объединяло юнкерство, магнатов промышленности и банковского капитала, прусских милитаристов и высшую бюрократию. Оно считало, что признание в принципе советских мирных условий в качестве основы для переговоров было «ошибкой» и требовало её «исправления». Оно выступало за аннексии на Востоке, за присоединение к Германии Курляндии и Литвы, за отрыв от России Лифляндии, Эстляндии, Финляндии и Украины и подчинение их Германской империи под той или иной формой вассалитета. Оно требовало кроме того стратегического «исправления» границы за счёт русской Польши, которая должна была после оккупации перейти к Австрии. Под «исправлением» границы понималось присоединение к Пруссии Домбровского угольного бассейна, и всех территорий, в недрах которых имеются залежи железа, цинка и олова, а именно: округа Велюнь, Ченстохов, [102] Одькинц и Бендзин и территорий на Висле от Вацлавска до Лодзи с населением в три с лишним миллиона человек. Аннексии на Востоке являлись лишь частью программы этого направления. Такой «мир» на Востоке должен был служить лишь началом для «победного мира» на Западе. Эту «мирную» программу поддерживали юнкерство и финансовый капитал, все пангерманцы, отечественная партия Тирпица, консервативная партия, национал-либералы, значительная часть «католического центра», отщепенцы от всех партий и верховное командование в лице Гинденбурга и Людендорфа, кронпринц Вильгельм, владетельные князья и многие другие.

Второе направление — антианнексионисты. Его основное ядро составляли рабочий класс, спартаковцы, независимые социал-демократы и радикально настроенные группы интеллигенции. Оно выступало словом и делом против всяких аннексий на Востоке и Западе, под каким бы видом они ни скрывались. Это были принципиальные противники аннексий и контрибуций и защитники принципа права наций на самоопределение.

Третье направление — сторонники мира «по соглашению» — не было принципиальным противником аннексий. Если можно добиться в процессе переговоров аннексий «по соглашению», без длительной затяжки войны, которая могла поставить, по их мнению, Германию на край гибели, то это направление ничего не имело и против аннексий. Наиболее крупное ядро этого направления представляли: привилегированная верхушка рабочего класса, возглавляемая правительственными социал-демократами, часть народно-прогрессивной партии, небольшая часть центра и отдельные группы буржуазии разных политических взглядов. Партии и группы этого направления были против аннексионистского мира лишь на словах. Они не были принципиальными противниками насильственного мира — это были антианнексионисты по нужде, по политическому расчёту. Они были убеждены в

том, что Германия не в состоянии навязать всему миру свои условия, что в случае длительного продолжения войны её ждёт неминуемый разгром и что поэтому мир «по соглашению» является для неё наиболее мыслимым выигрышем и [103] победой. Это политическое направление составляло большинство рейхстага и состояло из части членов партии и групп, объединившихся в своё время вокруг мирной резолюции рейхстага от 19 июля 1917 г. Антианнексионисты не по убеждениям, а по политической целесообразности, они критиковали на словах политику аннексий и приверженцев «германского мира», а на деле поддерживали нечестную и двусмысленную политику правительства Гертлинга, создавая впечатление в массах, что политика эта стремится к миру на основе отказа от аннексий и контрибуций.

Другое течение того же направления, разношёрстное по своему социальному составу, объединяло отдельных политических деятелей и журналистов разных политических тенденций, как, например, профессора Отто Гетча, Георга Бернгарда, группу социал-демократов, уже давно переродившихся в национал-либералов, из редакции «Sozialistische Monatshefte» и других отщепенцев от разных партий. Это течение не одобряло чрезмерные аннексии на Востоке. Оно было против раздробления России и за установление дружеских отношений с сильно ослабленной и территориально уменьшенной Россией, завершением чего должно быть заключение германо-русского союза против Англии, который даст Германии в будущем обеспеченный тыл против её наиболее опасного врага. «Свобода рук» против Англии — эта цель должна быть достигнута в данной войне. Но для её обеспечения «нужна единая Россия в качестве контрагента».

К этому направлению следует отнести также пёстрое по своему политическому составу течение, которое выступало за создание объединённого комплекса стран «Срединной Европы» под руководством Германии. Оно предостерегало от излишнего перенапряжения сил, не советовало «зарываться» и подрывать военные и экономические силы, необходимые для защиты и освоения «Срединной Европы», в которую включались, помимо Германии и Австро-Венгрии, захваченные русские области, весь Балканский полуостров с Румынией и Турция часть Африки — территория в 13 млн. кв. км с населением в 200 млн. человек. Эту группу политических деятелей возглавлял сам автор теории пресловутой [104] «Срединной Европы» Фридрих Науман, профессор Жек и др. Она опасалась, что затягивание войны приведёт к революции и потере всего достигнутого уже до сих пор{147}.

Было также довольно сплочённое ядро литераторов и журналистов, группировавшихся вокруг редакции «Frankfurter Zeitung», которое выступало за мир «по соглашению».

Наконец, были и такие политические деятели, как, например, Вальтер Ратенау или Альберт Баллин, которых нельзя было причислить к тому или другому направлению. Эти люди были за аннексии. Одни из них хотели гибели России, другие — Англии, и все они были аннексионистами, но их почти страшили дальнейшие победы, которые отдаляли мир и ставили под сомнение всё достигнутое за три с половиной года «побед». Люди этого сорта опасались, что осуществление всех захватнических требований на Востоке послужит поощрением к таким же захватам на Западе, хотя войну с западными державами нельзя решить на суше, как войну с Россией. Ратенау писал 30 ноября 1917 г. профессору Герману Онкену, что он не разделяет его мнения относительно возлагаемых им надежд на подводную войну. Подводная война хотя и является средством сильного давления на Англию, но это давление не имеет решающего значения для исхода войны. Оно угрожает сделаться чем-то стационарным и устойчивым, что способствует сплочению заморских держав для обороны против Германии и на послевоенное время. Победный мир на Востоке не гарантирует мира на Западе на выгодных для Германии условиях. «Мир или перемирие с западными державами на условиях удержания в своих руках залогов (Бельгии и Северной Франции. — Ф. Н.) возможны только в том случае, если мы будем в состоянии занять по крайней мере одну из западных столиц и удержать её длительное время в наших руках»{148}. [105]

Через несколько дней Ратенау писал другому своему корреспонденту: «Всё равно, как бы

ни расценивать события на Востоке, они означают освобождение от бремени наших сил, которое пойдёт на пользу всем маленьким государствам... В быстрое окончание войны я всё же ещё не осмеливаюсь верить, так как ареной борьбы против англо-саксонских народов не является европейский континент»{149}.

Этот и ему подобные аннексионисты, которых было немало, разъедаемые «философским» скептицизмом, сознавали, что захваты на Востоке ничем не обеспечены и являются в известной мере азартной игрой, так как силы Англии ещё не надломлены, а США по-настоящему ещё не вступили в войну. Исходя из таких важных соображений, они хотели бы видеть германскую политику более эластичной и склонной к пониманию реальной международной обстановки и не переоценивающей свои собственные силы.

7. Мир без аннексий и контрибуций и право наций на самоопределение — в толковании германских империалистов за кулисами переговоров в Брест-Литовске

На германскую делегацию в Брест-Литовске оказывали сильное давление со всех сторон: из Крейцнаха (местопребывание верховной ставки), юнкерские круги из Берлина, всевозможные организации монополистического капитала и др. В этой атмосфере угроз, неуверенности и заботы о сохранении за собой местечка Кюльман вырабатывал с Черниным прелиминарные (предварительные) условия мира для вручения советской делегации.

Опираясь на заявления обеих сторон в публичных выступлениях и в парламентах об отказе от аннексий [106] оккупированных в ходе войны областей, советская делегация заявила 27 декабря, что её правительство очистит занимаемые русскими войсками австро-венгерские области, турецкую Армению и Персию, и потребовала, чтобы центральные державы также очистили русскую Польшу, Волынь, Курляндию и Литву. Она, далее, заявила, что на основании советского принципа, признающего за каждым народом России право на самоопределение вплоть до отделения, народам освобождённых областей будет предоставлено право решить вопрос об их государственной принадлежности посредством референдума (всеобщего голосования). Немцы и австрийцы отвергли эти предложения и вручили советской делегации свой проект прелиминарного мира. Этот документ является историческим памятником дипломатической наглости, юнкерско-империалистического вероломства и изуверства. Сущность этих «мирных» прелиминарии заключалась в следующем:

1. Признание окончания состояния войны между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Россией, с другой стороны. Центральные державы согласны при условии полной взаимности эвакуировать после окончания войны и демобилизации русской армии оккупированные русские области, если не будет достигнуто иное соглашение.

2. Ввиду того что русское правительство признало за всеми народами России право на самоопределение вплоть до выхода из состава государства, то оно принимает к сведению решения, в которых была выражена воля народов Польши, Литвы, Курляндии и частей Эстляндии и Лифляндии выйти из состава Российского государства и объявить свою полную государственную независимость. Русское правительство признает эти заявления за волеизъявление этих народов и сделает из этого соответствующие выводы.

Из вышеизложенного следует, что оккупированные Германией области России не подлежат эвакуации{150}.

Первый пункт германских мирных условий признаёт в принципе эвакуацию германской армией русских территорий, [107] но лишь «после окончания войны», т. е. после окончания войны не только на Востоке, но и на Западе. Практически это означало, что германское правительство их никогда не очистит, поскольку оно верило в свою победу над Антантой. А

победителей не судят за невыполнение взятых ими на себя обязательств! Второй пункт «мирных» условий шёл гораздо дальше. Германское правительство требовало от советского правительства признания разбойничьего захвата, признания за немецкими баронами в Прибалтике, за немецко-литовскими помещиками в Литве и Курляндии, за назначенным Германией и Австро-Венгрией Регентским советом в Польше и за назначенными немцами всевозможными организациями в оккупированных областях права «представлять» интересы русского, белорусского, польского, литовского, латвийского и эстонского народов. Оно требовало признания «постановлений», продиктованных оккупационными властями и выражавших волю захватчиков, об отделении этих областей от России народным волеизъявлением, освобождающим Германию от обязательств первого пункта. Такова была та «честная» политика германского правительства, которую руководство германской социал-демократической партии защищало перед рабочими массами. Советская делегация отвергла такое бесстыдное толкование права наций на самоопределение и заявила, что её правительство не признаёт за частью определённого класса общества в оккупированных областях, действовавшего по указаниям оккупационных властей и под давлением германских штыков, права выражать волю всего населения, и потребовала эвакуации всех занятых территорий. Признавая, однако, затруднительность, разрешения на пленарном заседании деталей проведения референдума в оккупированных областях, советская делегация согласилась поручить разработку этих деталей специальной комиссии, Кюльман тогда поставил с «информационной целью» следующий вопрос: «Не согласилось ли бы российское правительство, при известных, ещё подлежащих ближайшему обсуждению, условиях вывести свои оккупационные войска из Лифляндии и Эстляндии, чтобы дать местному населению возможность, без давления, со стороны военной силы [108] и на широких демократических началах, — изъявить своё неоднократно выраженное желание соединиться со своими одноплеменниками, ныне живущими в занятых областях?»{151}

Из этого вопроса следовало, что германский империализм уже на данной стадии переговоров имел намерение не только аннексировать под видом «самоопределения» все захваченные им русские территории, но также и Лифляндию и Эстляндию, которых он не завоевал, но которые он квалифицировал как «оккупированные» русскими войсками.

Такое политическое и юридическое толкование дали центральные державы принципам: «мир без аннексий» и «право наций на самоопределение», которые они торжественно обязались перед всем миром положить в основу мирных переговоров и мирного договора. Таков был австро-германский ответ на шесть советских условий мира, которые также были в принципе приняты и признаны ими 25 декабря за приемлемую основу для переговоров.

Если Людендорф считал, что 8 августа 1918 г. — начало разгрома германской армии — было чёрным днём в истории германских вооружённых сил, то 27 декабря 1917 г. было несомненно чёрным днём в истории германского империализма. Германский ответ на советские шесть условий мира, являвшийся издевательством над демократическими принципами и над торжественно взятыми правительствами центральных держав обязательствами, способствовал поражению германских армий. Этот ответ разоблачил перед всем миром вероломство и захватнические планы германского империализма и помог правительствам Антанты убедить народные массы продолжать борьбу до разгрома Германии и её союзников.

Переговоры в Брест-Литовске были прерваны до 5 января 1918 г.

Посмотрим теперь, что делалось за кулисами, в правящих кругах руководящей державы Четверного союза; как отразилась неожиданно представившаяся возможность заключить мир на выгодных условиях на политических [109] планах войны в связи о фактическим прекращением войны на Восточном фронте.

В Брест-Литовске фон Кюльман и Чернин договорились принципиально по ряду спорных вопросов, касавшихся Польши и будущих австро-германских взаимоотношений. В частности,

пограничная полоса Польши в районе Сувалкской и Ломжинской губерний, которая должна была отойти по решению от 18 декабря в Крейцнахе к Пруссии, была несколько уменьшена с согласия представителя верховного командования генерала Гофмана. Сделанная Австро-Венгрии уступка должна была быть компенсирована в новом договоре об австро-германском союзе. Германское правительство уже давно добивалось срастания габсбургской монархии с Германией в политическом, военном и экономическом отношениях, что находило поддержку в пангерманских и промышленных кругах Германии, у венгерских земельных магнатов и у австрийских немцев и, наоборот, встречало сильное сопротивление у всех угнетённых национальностей Австро-Венгрии. Изменение австро-германского союза в эту сторону должно было явиться первым крупным шагом по пути полного подчинения Австро-Венгрии Германии и постепенного стирания таможенных и политических границ между обеими империями. Австро-венгерское правительство, возражая против захвата Пруссией большей части Польши под видом «укрепления границ», заявляло, что более тесное сплочение обеих монархий является наилучшей гарантией границ после войны и поэтому полоса польской территории, отходящей к Пруссии, может быть уменьшена до минимума.

Переговоры в Брест-Литовске выдвинули на первый план ещё неразрешённую союзниками польскую проблему. Переговоры между австро-венгерским и немецким правительствами и генеральными штабами по польскому вопросу вскрыли не только острые противоречия между руководящими кругами обоих союзных государств, но и обнаружили очень любопытную деталь. Немецкие империалисты были убеждены, что они достаточно сильны, чтобы аннексировать любую территорию, и заявляли свои притязания на аннексию территории, отошедшей к австрийскому союзнику. [110]

Австро-венгерские и германские захватчики объявили ещё в ноябре 1915 г. бывшую русскую Польшу «независимым» королевством под протекторатом Германии и Австро-Венгрии. Был образован польский Регентский совет, составленный из крупных помещиков и представителей аристократических родов и высшего духовенства — креатур Германии и Австро-Венгрии. Оба «освободителя» Польши разделили её на части. В одной части, со столицей в Люблине, господствовали австро-венгерцы; другой частью, с Варшавой в качестве административного центра, управляли немцы. Этот произвольный акт вызвал недовольство даже в некоторых кругах Германии и Австро-Венгрии, так как он закрывал все пути для мирных переговоров и, в частности, для переговоров о сепаратном мире с царизмом. Новый австро-венгерский император Карл именно по этим соображениям относился отрицательно к провозглашению «независимости» Польши во время войны, а также и потому, что не верил в такую победу центральных держав, которая позволила бы совсем устранить державы Антанты от разрешения польского вопроса. По этой причине австро-венгерское и германское правительства не приступали к окончательному разрешению польской проблемы.

Положение изменилось после Февральской революции в России и её перерастания в социалистическую революцию. Австро-венгерские и германские империалисты на сей раз уверовали в свою полную победу и готовились к окончательному разрешению польского вопроса сообразно своим интересам. Выдвигались три решения: 1) германо-польское, т. е. присоединение Польши к Германии; 2) австро-польское — присоединение Польши к Австро-Венгрии и 3) раздел Польши между двумя победителями.

Первый вариант имел противников среди прусских юнкеров и высшего чиновничества. Против германо-польского решения выставляли главным образом возражения такого порядка: 1) Пруссия не может справиться с познанскими поляками; присоединение ещё нескольких миллионов поляков усилит польский элемент в стране, обострит национальную борьбу и относительно ослабит немецкий элемент; 2) поляки умножат количество католиков в Германии, увеличат удельный вес католического [111] центра, после чего в прусском ландтаге и в рейхстаге положение ещё более осложнится. Граф Гертлинг и фон Кюльман склонялись к австро-польскому решению при условии, что Австро-Венгрия согласится: 1) на изменение австро-германского союза 1879 г. в сторону более тесного политического,

военного и экономического сближения обеих немецких империй и 2) на исправление границы в пользу Германии за счёт Польши. Кайзер Вильгельм и верховное командование, напротив, были за присоединение Польши к Германии.

Австро-польское решение имело в Австро-Венгрии приверженцев и противников. В Австрии хотели присоединения Польши, так как это не только усилило бы монархию в целом, но и укрепило бы положение немцев в самой Австрии. Слияние Галиции с русской Польшей изменило бы национальный состав австрийского рейхсрата, в котором немцы оказались бы в большинстве и могли бы без труда подавлять парламентскими методами южных славян. Слияние мыслилось в виде персональной унии между Польшей и Габсбургом, который прибавит к своим титулам ещё титул короля польского.

Если приходилось выбирать между Германией и Австрией, то сами поляки были склонны выбрать меньшее зло, т. е. Австрию.

Мадьярские руководящие круги относились недружелюбно к австро-польскому варианту. Они опасались ослабления политического веса Венгрии в монархии и ожидали при осуществлении этого варианта политических изменений, могущих ущемить интересы мадьярских магнатов. Главным противником присоединения Польши к Австро-Венгрии был всемогущий граф Тисса.

Третий вариант имел очень мало сторонников.

В начале сентября 1917 г. происходили в Берлине и в Вене переговоры между Черниным и Кюльманом, во время которых последний по собственной инициативе высказал готовность снять возражение против открытия в печати кампании в пользу австро-польского решения польской проблемы, при условии, если Австро-Венгрия: 1) согласится углубить союз с Германией путём заключения военной конвенции и более тесного экономического сближения между обеими империями; 2) сделает некоторые территориальные уступки в виде исправления [112] границы в пользу Германии за счёт Польши и 3) обеспечит германские финансовые и экономические интересы Польши.

Чернин согласился вести переговоры на этой основе, но выставил контртребования: 1) исправление границы должно быть сведено к минимуму; 2) Польша получит территориальную компенсацию на Востоке и 3) власть «польского короля» (императора Австрии) не должна, быть ничем ограничена на территории Польши.

Началась подготовка к австро-польскому разрешению польского вопроса.

Чернин договорился с руководящими кругами польских шляхтичей, что после заключения мира с Россией Регентский совет, опираясь на «полученный мандат от нации», передаст корону Карлу, который через 6 месяцев после этого будет короноваться польским королём.

Кюльман в свою очередь склонил кайзера Вильгельма во время его поездки осенью в Константинополь к австро-польскому варианту. Кайзер согласился лишь после того, как его убедили, что этим путём Германия фактически получит не только Польшу, но также Австро-Венгрию. 14 декабря Чернин заявил, ссылаясь на мнение австро-венгерского верховного командования, что он считает требование Германии на исправление границы в северной Польше оправданным, и предложил передать союзнице половину Сувалкской губернии и большую часть Ломжинской губернии, всего 9 000 кв. км с населением в 500 000 человек. Чернин при этом сделал следующее заявление:

«Чтобы быть справедливым к столь энергично выставленному генералом Людендорфом требованию безопасной границы, я не хотел высказываться против этих уступок, которые далеко выходят за рамки исправления границы, хотя для меня ясно, что уступка области с многими сотнями тысяч населения чисто польского происхождения и языка, особенно такой области, какой являются северные уезды Ломжинской губернии, будет очень болезненно

воспринята поляками. Я, конечно, не могу взять на себя по этому вопросу какое-либо твёрдое обязательство, но я в подходящий момент свяжусь с польскими руководителями и попытаюсь им разъяснить, что они должны принести эту жертву. Однако я уже теперь [113] знаю, что поляки ожидают присоединения если не всей Литвы, то подавляющей польской части этой страны, включая Вильно; что они выставляют в качестве непременного предварительного условия любого приемлемого решения полную неприкосновенность королевства и что выдвинутое теперь австро-венгерским командованием предложение подвергается сильной критике.

Если мои сношения со всеми соответствующими инстанциями дадут желаемые результаты, то я во всяком случае буду стремиться к получению согласия его величества на всё соглашение, частью которого является эта уступка»{152}.

Австрия кроме того требовала присоединения к Польше Белостокской области.

Австрийское предложение не удовлетворяло германского союзника, который потребовал Сувалкской и Ломжинской губерний и передачи территории южнее Торуня до высот Влацлавска и Домбровского угольного бассейна. Немцы мотивировали последнее требование стратегическими соображениями. Богатейший угольный бассейн нужен был Германии, объясняли они, для обороны Верхне-Силезского угольного бассейна, Австрийцы возражали, что 90 с лишним процентов добываемого угля потребляется в самой Польше и что отделение Домбровского бассейна обречёт её на экономическое прозябание. Австрия ввозила до войны ежегодно от 10,5 до 13 млн. т угля из Германии. Домбровским бассейном австрийцы надеялись улучшить торговый баланс и хотя бы частично освободиться от германской угольной зависимости. Переход бассейна к Германии ещё больше увеличил бы зависимость Австрии от первой, так как пришлось бы ввозить уголь для покрытия потребностей Австрии и Польши.

Кюльман объявил 28 декабря, во время переговоров в Брест-Литовске, неприемлемым австрийское предложение провести границу в Домбровском бассейне по разграничительной линии, которую занимали четыре года назад австро-венгерские и германские войска. По этому предложению наиболее важный стратегический пункт в [114] бассейне — Гродзицкий холм — должен был перейти к Германии. Немцы потребовали перенесения границы между Германией и Польшей на линию железной дорога Граница — Стремишчичи и заявили, что нельзя допустить в будущем такого положения, как, в 1914 г., когда перед угрозой русского вторжения пришлось взорвать угольные шахты в Верхней Силезии. Если Польша перейдёт к Австро-Венгрии, то положение Германии, конечно, улучшится, но всецело на это полагаться не следует, принимая во внимание бурное прошлое Польши. Поэтому надо иметь стратегические гарантии. Немцы объявили все угольные шахты германской собственностью и, ссылаясь на то, что шахты «немецкие», этим обосновывали своё «право» на Домбровский бассейн. Немцы выражали лицемерное «сожаление», что нужная Германии для стратегической обороны местность не представляет собой болота, а является ценным угольным месторождением, где кроме того имеется металлургическая промышленность, но это, говорили они, не может быть причиной для отказа Германии от необходимого ей обеспечения стратегической обороны Верхней Силезии.

Напрасно австрийцы указывали на неосновательность «стратегической границы», ибо если будет проведена предложенная немцами граница, то позже в районе железной дороги Граница — Стремишчичи немцы могут построить шахты и тогда будут вновь требовать перенесения границы «для обороны» построенных новых шахт... Как теперь Верхне-Силезский бассейн нуждается в обороне, также и Домбровский бассейн будет нуждаться в обороне, и потребуется новое перенесение границы, и т. д. и т. д.{153}

Главная причина, из-за которой оба союзника не смогли договориться о разграничении Домбровского угольного бассейна, состояла в том, что немцы предлагали австрийцам часть угольных месторождений, где добывалось в 1913 г. всего 14% угля, а себе требовали месторождения угля с добычей в 86% и всю металлургическую промышленность.

Австрийцы предлагали немцам другую разграничительную линию, оставляя им 32% добычи угля. Переговоры зашли втупик. Было решено [115] послать смешанную комиссию из представителей верховного командования союзных армий для изучения вопроса на месте и представления предложения правительствам. В результате переговоров в Брест-Литовске было достигнуто соглашение о польско-германском разграничении на севере и принципиальная договорённость о методах разрешения пограничного спора в Домбровском бассейне.

Гертлинг и Кюльман, зная, что присоединение нескольких миллионов поляков вызовет большие возражения в прусском ландтаге и в рейхстаге по соображениям внутренней и национальной политики, предпочитали «обменять» кусок чужой территории на большие политические выгоды, которые сулило использование в интересах германского империализма около 30 млн. славян и румын Австро-Венгрии. Принципиальная договорённость между Кюльманом и Черниным за счёт Польши, уменьшая трения и разногласия между немцами и австрийцами, обеспечивала поддержку австрийцами требований Германии перед советской делегацией, но зато вызвала резкое недовольство Гинденбурга и Людендорфа и крупное разногласие между ставкой и политическим руководством. На состоявшемся 2 января 1918 г. коронном совете во дворце Бельвю кайзер Вильгельм одобрил соглашение Кюльмапа — Чернина и согласился с точкой зрения генерала Гофмана, доказывавшего, вопреки своим начальникам, что отходящая к Германии уменьшенная полоса польской территории в Сувалкской и Ломжинской губерниях вполне гарантирует устойчивость её северо-восточных границ.

Верховное командование использовало возникшие разногласия с политическим руководством по этому сравнительно мелкому вопросу для того, чтобы потребовать своего формального участия в руководстве государственной политикой. В записке от 7 января 1913 г. Гинденбург напоминал Вильгельму II о том, что в своё время кайзер возложил на него и Людендорфа обязанность «содействовать» и иметь «попечение» о том, чтобы плоды мира вполне отвечали принесённым германским народом жертвам. Кайзер обязал их следить за тем, чтобы мир настолько укрепил Германию и её границы, чтобы «наши противники не так [116] скоро осмелились начать новую войну против нас». Записка подвергала резкой критике политическое руководство (т. е. Гертлинга и фон Кюльмана), обвиняя его в том, что оно холодно относится к планам и требованиям верховного командования в бельгийском, польском, литовском и курляндском вопросах и по сути дела саботирует их. Гинденбург выражал своё несогласие с таким «самоотречением» германской политики, которое не оправдывается военной обстановкой. Такая политика, утверждал Гинденбург, вызвала неуверенность среди населения оккупированных областей, где уже началась агитация против Германии.

Верховное командование порицало методы переговоров в Брест-Литовске и поведение главы германской делегации. «Я и Людендорф были совершенно ошеломлены заявлениями от 25 декабря, хотя позднейшие заявления несколько улучшили положение Германии, но всё же они создали то положение, которое я выше обрисовал».

Верховное командование порицало также ход и результаты экономических переговоров в Брест-Литовске и указывало, что ими недоволен также целый ряд государственных деятелей, в частности Гельферих, фон Штейн и «вся промышленность».

Оно, далее, обращало внимание на то, что методы ведения переговоров в Брест-Литовске подрывают влияние Гинденбурга и Людендорфа в армии, которая их во всём обвиняет, и что они при таких условиях не могут помешать недовольству в армии, «так как длительная окопная война и разнузданные отношения внутри страны увеличили также и здесь охоту к критике». Гинденбург далее писал: «Я не могу подавить опасения, что методы переговоров в Бресте и их результат окажут неблагоприятное влияние на настроение армии... Чтобы обеспечить политическое и экономическое положение во всём мире, какое нам нужно, мы должны разбить западные державы. С этой целью ваше величество приказало начать

наступление на Западе». Это наступление потребует наибольшего напряжения сил. Добьётся ли германская дипломатия после этого в мирных переговорах той выгоды, которая соответствовала бы «нашему могущественному положению [117] и стоили бы принесённых нами жертв», — он, Гинденбург, учитывая уроки Бреста, в этом сомневается. Промахи дипломатии приведут к «колоссальному разочарованию вернувшейся домой армии и народа, который должен будет нести невозможное налоговое бремя».

Разногласия между верховным командованием и министерством иностранных дел по всем внешнеполитическим вопросам и по вопросам мира, продолжал Гинденбург, вытекают из «различия взглядов на наше теперешнее и будущее военно-политическое положение». Фельдмаршал выражал твёрдое убеждение в том, что защищаемая верховным командованием политика направлена на укрепление основ монархии и на усиление могущества Германии, противоположная же политика ведёт к низвержению Пруссии и Германии с той высоты, на которую её подняли Гогенцоллерны.

Людендорф и Гинденбург не хотели нести ответственность за такую политику и просили кайзера освободить их от занимаемых должностей{154}.

Разногласия верховного командования с ответственным политическим руководством по всем основным вопросам внешней политики и по вопросу о мире, отказ нести ответственность за политику канцлера, который один отвечал за политику перед кайзером, и угроза отставкой в такой ответственный момент поднимали сажный вопрос о компетенции военной и политической власти. Мы рассмотрим это лишь в той части, которая имеет непосредственное отношение к нашей теме и затрагивает вопросы всеобщего мира и мирных переговоров в Брест-Литовске.

Защищаясь против нападок на его образ действий в Брест-Литовске, фон Кюльман подверг критике записку Гинденбурга с политической и принципиальной точек зрения и старался укрепить сопротивление Гертлинга верховному командованию. «Замечания фон Кюльмана от 10 января имеют большое значение для оценки германской внешней политики и вскрывают суть разногласий между ответственным руководством германской политики и верховным командованием. Германская конституция, писал фон Кюльман, признаёт [118] имперского канцлера единственно ответственным за политику Германской империи, и притязания верховного командования на «ответственное содействие» в мирных переговорах, как и критика таковых, «несовместимы с конституционными основами политической жизни Германии». Забота об обеспеченных границах также входит в компетенцию имперского канцлера. Военное командование может представлять свои соображения по данному вопросу до и во время принятия определённых решений, которые должны учитываться, однако «степень их учёта может решить исключительно формально и по существу ответственный канцлер в согласии с короной». Бельгийский вопрос, продолжал фон Кюльман, основательно обсуждался в сентябре 1917 г. на коронном совете, и в декабре того же года он опять подвергся рассмотрению в Крейцнахе в присутствии императора. «Нет никакого повода к изменению занятой господином имперским канцлером позиции». «Ввиду колоссального влияния решения бельгийского вопроса на вопрос о мире следует проявлять крайнюю осторожность при высказывании официальной точки зрения». Разногласия по бельгийскому вопросу сводятся, таким образом, к тому, что верховное командование добивалось публичного заявления, которое отняло бы у германской политики возможность отступать и маневрировать. Кюльман же хотел сохранять осторожность, отмалчиваться и оставить за собой открытыми пути отступления, если германский меч не добьётся полной победы на Западе.

Касаясь польского и связанного с ним вопроса о будущих австро-германских отношениях, фон Кюльман напоминал, что одним из условий согласия Германии на связь Польши с Австрией была «аннексия Пруссией определённых пограничных полос с целью получения лучшей стратегической гарантии границы». На достигнутое Австрией в Брест-Литовске соглашение по польскому вопросу нелегко будет получить согласие Польши. Его трудно

будет провести также через прусский ландтаг и германский рейхстаг, принимая во внимание, что аннексия польских территорий увеличивает состав польского населения и количество католиков в Пруссии. Эти и многие другие соображения диктуют [119] необходимость ограничения аннексии польской территории минимальными размерами. Фон Кюльман считал, что незначительное расширение присоединяемой территории за счёт Польши не стоит того, чтобы ссориться с Австро-Венгрией и изменять основы германской политики. Центральным вопросом общей послевоенной политики Германии, по мнению фон Кюльмана, является её отношение к Австро-Венгрии. Все стремления должны быть направлены для достижения политического, военного и экономического укрепления, улучшения австро-германских отношений и постепенного слияния и срастания многообразных интересов обеих союзниц. Однако для проведения этой политики в жизнь нужно такое разрешение польского вопроса, которое отвечало бы жизненным интересам Австрии.

Германскую делегацию в Брест-Литовске, писал далее фон Кюльман, не в чем упрекнуть. Она действовала в полном соответствии с полученными ею от канцлера директивами, а «декларацию от 25 декабря не следует принимать столь трагически. Она была составлена совместно с генералом Гофманом и была необходима, чтобы побудить русских отказаться от принципиальной основы всеобщего мира и согласиться на переговоры о сепаратном мире»{155}.

И по этому коренному вопросу о переговорах в Брест-Литовске, от которых в известной мере зависел исход всей войны, принципиальные расхождения между Гинденбургом и Людендорфом, с одной стороны, и Гертлингом и фон Кюльманом, с другой, касались не существа дела, а формы. Одни хотели проводить насильственную политику грубыми методами, другие предпочитали её проводить методами дипломатических дискуссий и лишь в крайнем случае прибегать к угрозе насилием.

Обе записки — Гинденбурга и Кюльмана — отразили начальный период борьбы верховного командования за непосредственное участие в определении политики государства. Цель, которую фон Кюльман преследовал своими «замечаниями», не была достигнута. Уже 7 января Гертлинг известил Гинденбурга, что он дал [120] Кюльману директиву не возобновлять больше переговоров с Черниным по поводу польской границы. Он, далее, указывал, что решение кайзера от 2 января о границе не является «окончательным» и что поэтому повод к отставке отпадает, почему канцлер настойчиво просил обоих генералов оставаться «в интересах счастливого окончания войны» во главе вооружённых сил.

Касаясь возобновившихся в Брест-Литовске переговоров, канцлер продолжал: «Необходимо будет занять по отношению к (русским) господам очень твёрдую позицию и заранее им разъяснить, что отступление с нашей стороны от сделанных нами контрпредложений — и в установленном в переговорах 2-го числа сего месяца толковании — исключено».

Извещая Гинденбурга о прибытии в Брест-Литовск делегации Украинской центральной рады для сепаратных переговоров, Гертлинг продолжал, что «это означает значительное наше усиление».

Имперский канцлер выражал свою глубокую радость по поводу истечения десятидневного срока, данного правительствам Антанты для принятия участия в переговорах о всеобщем мире. Их отказ, продолжал Гертлинг, «принять участие в мирных переговорах на основе русских предложений» означает, что германское правительство теперь не связано по отношению к западным державам никакими обязательствами. Это позволит после одержанной на Западе победы поставить западным державам такие условия, которые обеспечат границы, экономические интересы и международное положение Германии на послевоенное время. «Я надеюсь, что в этом удастся убедить также рейхстаг, за исключением социал-демократии. В стараниях в этом направлении недостатка не будет»{156}.

В результате одержанной верховным командованием победы Гельфериху было получено руководство экономическими переговорами в Брест-Литовске.

Гинденбург выразил 9 января своё одобрение канцлеру по поводу того, что отныне с русскими будут разговаривать в Брест-Литовске «как победители, так как иначе не добьёшься от них хорошего мира». Под «хорошим [121] миром» Гинденбург погашал помимо территориальных аннексий экономическое порабощение Советской республики и наложение на неё финансовых тягот.

«Благодаря отказу западных держав Германия имела великое счастье вновь освободиться от деклараций графа Чернина о всеобщем мире. Ваше превосходительство должно будет со мной согласиться, что это была игра нашей дипломатии ва-банк, которая не должна ни при каких обстоятельствах повториться».

Гинденбург выражал уверенность в полной победе на обоих фронтах и заключении такого мира на Востоке и на Западе, который обеспечит надолго неприкосновенность германских границ и настолько укрепит экономически Германию, что «позволит ей снова начать состязание с другими великими народами»{157}.

Таким образом, юнкерство, военщина и финансовый капитал рассматривали первую мировую войну как подготовку к еще более грандиозной войне в недалёком будущем.

14 января верховное командование потребовало от канцлера капитуляции и по другим вопросам, по которым ещё оставались разногласия. Оно потребовало в первую очередь отказа от мирной резолюции рейхстага от 19 июля 1917 г., «так как предположения, на которых она была основана, не сбылись» {158}.

Верховное командование, Вильгельм II, кронпринц Вильгельм, юнкерство и финансовый капитал не удовлетворились фактической капитуляцией политического руководства. Они потребовали от него принципиальной капитуляции, публичного заявления канцлера в рейхстаге, что мирная резолюция больше не связывает свободу действий Германии. Гертлинг был одного с ними мнения. Он также считал, что эта резолюция потеряла своё значение, тем не менее это требование поставило его в тяжёлое положение. Имперский канцлер должен был учитывать настроение народных масс и политических партий. Публичный отказ от резолюций 19 июля должен был иметь своим последствием потерю [122] социал-демократами влияния на рабочие массы, укрепление влияния независимых социал-демократов и спартаковцев, вынужденный переход правительственных социал-демократов в оппозицию, перегруппировку в правительственном большинстве рейхстага и т. д. Это должно было ещё более обострить политический кризис в стране, чего канцлер хотел избежать.

Консервативная партия и так называемые «независимые» консерваторы, или немецкая партия, тесно связанные с Людендорфом и Гинденбургом, делали нажим на Гертлинга в этом направлении. Лидеры этих партий — Гейдебранд, граф Вестарп, барон Цедлиц и др. — потребовали 17 января от канцлера публичного отказа от мирной резолюции рейхстага, чтобы иметь возможность продиктовать на Западе такой же победный мир, как и на Востоке. Гертлинг ответил интерпелянтам, что новая политическая обстановка — имелись в виду переговоры в Брест-Литовске — уже развязала Германии руки на Западе и с резолюцией рейхстага жизнь уже покончила. Он, однако, отказался сделать об этом публичное заявление из-за опасения, что это вызовет разрыв с социал-демократией и лишит правительство нужной ему поддержки{159}.

Отвечая Гинденбургу на его письмо от 14 января, Гертлинг писал ему через три дня, что он во всём согласен с ним, с кайзером и кронпринцем, но что он не может по тактическим соображениям сейчас публично отречься от мирной резолюции рейхстага: «Заявление в желательном смысле сделает невозможным для социал-демократии сохранение её лица перед её собственными членами (людьми). Заявление сразу же раскололо бы нынешнее

большинство рейхстага и отбросило бы всю социал-демократию, большую часть прогрессистов, и, возможно, часть центра в оппозицию правительству, что сделало бы невозможным дальнейшее управление страной».

Гертлинг хотел применить такую тактику, которая позволила бы партиям рейхстага самим убедиться в невозможности впредь отстаивать «мир по соглашению» на основе резолюции от 19 июля, и что поэтому «должно [123] наступить освобождение Германии от оков, ею самой наложенных на себя». Если это удастся сделать, то социал-демократия будет и впредь сотрудничать с правительством. «В этом сотрудничестве мы нуждаемся до тех пор, пока война продолжается, так как социал-демократия, с которой правительство грубо обходится и которая отказывается от сотрудничества, теряет в этот момент также охоту защищать интересы правительства перед её избирателями и особенно перед профессиональными союзами. Эти тогда целиком попадут в руки независимых, и опасность, что тогда действительно возникнут стачки и т. п., станет неизбежной».

Оспаривая точку зрения верховного командования, будто опасность возникновения стачек отсутствует, Гертлинг продолжал: «Опасности в действительности нет, пока существуют противоречия между социал-демократами и независимыми. Но она тотчас наступит, когда социал-демократы и независимые будут выступать совместно». Агитация против войны и за избирательное право, с одной стороны, голод и холод — с другой, писал рейхсканцлер, окажут революционизирующее влияние на массы.

Гертлинг обещал сделать заявление в рейхстаге, что мирная резолюция от 19 июля вовсе не означает, что Германия будет стоять за «мир по соглашению» независимо от того, сколько бы вражеские державы ни продолжали войну. Но он хотел предварительно договориться в этом духе с партиями, чтобы помочь и социал-демократии вступить на этот путь. Он выступил также против предложения опираться в рейхстаге на консерваторов вместо социал-демократии, так как первые желают использовать внешнеполитические моменты для внутреннего переворота, чтобы затормозить реформу избирательного права, что означало бы, по мнению Гертлинга, «бедствие как для ведения войны, так и для трона». «Корона обязана себе сказать, — продолжал он, — что она не должна себя противопоставлять, опираясь на маленькую группу властелинов, развитию демократических идей, она должна руководить и в этом движении, так как будущее принадлежит демократической монархии... Всякий иной путь ведёт рано или поздно к бездне». [124]

Канцлер в заключение писал, что подготовка социал-демократии и других партий к «самоотказу» от резолюции 19 июля уже начата, и просил не торопить его и не создавать ему затруднений в столь важном для родины вопросе. «Если правительство в данный момент разорвёт с социал-демократией, то достойное стремление преобразования правого крыла социал-демократии в национальную рабочую партию сделается навсегда невозможным».

Канцлер считал, что в данный момент нет надобности в подобных декларациях и что верховное командование слишком часто злоупотребляет ссылками на настроение армии с целью оказать давление на политику правительства{160}.

Письмо Гертлинга является очень важным историческим документом. Оно показывает, в какое резкое столкновение пришли империалистические интересы фактических господ Германии с теми конституционными формами, которые должны были прикрывать их звериную сущность. Оно даёт замечательную характеристику взаимоотношений между социал-демократическим руководством и правительством в юнкерско-буржуазном государстве. Опытный парламентский тактик — этим он был обязан призыву на пост имперского канцлера в такой ответственный момент — Гертлинг не хотел и не мог отталкивать от себя социал-демократию, от поддержки которой перед массами правительство больше зависело, чем от всех пангерманцев вместе взятых, о чём он даёт понять наседавшему на него Гинденбургу. Этот документ является вместе с тем незаменимой характеристикой предательства германских социал-шовинистов, переродившихся уже в годы

первой войны в левое крыло буржуазной оппозиции, лучше умевшей обслуживать интересы буржуазии, чем правобуржуазные партии.

24 января Гинденбург и Людендорф приехали в Берлин и лично посетили канцлера. Они заявили, что военные соображения требуют «быстрого создания ясности на Востоке». Чтобы иметь возможность располагать находящимися там войсками, «желательно скорее заключение [125] мира с Россией». Если бы, однако, переговоры с Россией ни к чему не привели, то желательно быстрое заключение мира с Украиной. Оба генерала передали канцлеру проект польско-германского разграничения и просили «уполномочить Кюльмана вести переговоры на этой основе». В качестве гарантии выполнения их требований к германской мирной делегации был прикомандирован генерал фон Бартенверфер{161}. Верховное командование и, по его требованию, правительство приняли уже в конце января 1918 г. твёрдое решение заключить сепаратный мир с контрреволюционной украинской буржуазной радой, расторгнуть соглашение с советским правительством о перемирии и возобновить войну, т. е. начать интервенцию в Советской республике.

Что же делала другая, враждебная ей группировка держав, какие планы она вырабатывала, как она готовилась встретить грядущие грозные для неё события — столкновения впервые за три с половиной года войны один на один с объединёнными силами Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии?

Мы не имеем возможности заняться изучением и анализом решений Верховного военного совета союзников в Версале, совещаний премьер-министров и министров иностранных дел союзных стран в Париже, которые занимались тогда этими вопросами, ибо это нас завело бы слишком далеко от темы. Мы поэтому остановимся здесь лишь на тех политических мероприятиях, которые имели непосредственное отношение к вопросам войны и мира, к тому комплексу вопросов, которые затрагивали шесть советских условий мира.

8. Мирная программа союзников

Шесть советских условий мира вызвали такой глубокий интерес и симпатию в рабочих и демократических слоях населения всего мира., что ни одно правительство воюющих стран не могло просто отмахнуться от этих условий. Мы уже знаем, какой ответ дали на [126] них немецкие империалисты. Совсем иначе поступили правительства Антанты и США, на что у них были свои особые причины.

В начале 1918 г. война полностью захватила Англию, Францию и Италию. Германия имела 250 дивизий, большинство которых она сосредоточила на Западном фронте. Англия, Франция и Бельгия не могли противопоставить немцам равную по количеству бойцов армию. Американские дивизии находились за Атлантическим океаном и проходили в то время лишь боевое обучение. Необходимо было по крайней мере полгода продержаться собственными силами и устоять. Франция уже была в значительной степени истощена. Италия с трудом держалась на ногах. Одна Англия могла ещё мобилизовать значительные контингенты солдат, но правительство дало тред-юнионам обещание не брать с производства определённые возрасты рабочих и это обещание не могло нарушить, так как боялось сорвать сотрудничество с тред-юнионами. Народные массы Англии требовали от правительства публичного объявления целей войны. Насколько остро стоял этот вопрос в Англии, видно из того, что английские тред-юнионы и Рабочая партия созвали специальную конференцию для обсуждения военных целей, которая продолжалась около двух недель. В опубликованном 28 декабря 1917 г. меморандуме английские организованные рабочие изложили свои военные цели, которые во многом приближались к советской мирной программе.

Сотрудничество тред-юнионов с правительством всё больше затруднялось. «Среди рабочих росло волнение, — свидетельствует Ллойд Джордж, — носившее тревожный характер; оно в любой момент могло стать опасным. Наши усилия набрать для армии

побольше людей были встречены сопротивлением среди тред-юнионов». «Необходимо было убедить народ, — пишет далее Ллойд Джордж, — что мы продолжаем войну не во имя одного лишь мстительного или грабительского триумфа, но имеем определённые цели мира и что эти цели справедливы и вполне достижимы»{162}. [127]

В результате целого ряда переговоров с лидерами тред-юнионов и Рабочей партии были сформулированы официальные военные цели английского правительства, которые Ллойд Джордж огласил 5 января 1918 г. на совещании тред-юнионов в Кэкстон-холле под названием «Мирная декларация».

Англия и её союзники, утверждалось в «Мирной декларации», не ведут агрессивной войны против Германии. Союзники не стремятся к разрушению Австро-Венгрии, и раздел монархии не является их целью. Они не хотят отнять у Турции её столицу и лишить её богатых владений в Малой Азии и во Фракии, населённых преимущественно турками. Они также не намерены продолжать войну с целью установления в Германии демократического режима, хотя это было бы лучшим залогом прочного мира. Союзники ведут войну, говорилось в вводной части декларации, «в целях самозащиты, в целях защиты нарушенного международного права в Европе и за восстановление самых торжественных договорных обязательств, на которых покоится вся общественная система Европы и которые Германия грубо попрала своим вторжением в Бельгию». Союзники воюют, говорилось далее в «Мирной декларации», за восстановление и утверждение равенства между малыми и большими нациями, за взыскание с Германии убытков за совершённые ею насилия и разрушения в Бельгии.

Конкретные военные цели Англии и её союзников были сформулированы следующим образом:

1) Установление такого порядка мироустройства, который обеспечит малым и великим, слабым и сильным нациям одинаковые права; 2) в основу управления народами должно быть положено согласие самих управляемых; 3) восстановление полной политической, экономической и территориальной независимости Бельгии и возмещение причинённых ей убытков; 4) восстановление Сербии, Черногории и всех занятых областей Италии, Франции и Румынии и уплата репараций за причинённые разрушения; 5) возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии («пересмотр великой несправедливости 1871 г.»); 6) создание независимой Польши, включающей в себя «истинно польские элементы»; [128] 7) предоставление народам Австро-Венгрии гарантии «подлинного самоуправления на истинно демократических принципах», воссоединение австрийских итальянцев с Италией и удовлетворение законных стремлений «населения, родственного румынам по крови и языку»; 8) сохранение суверенных прав Турции «на её внутренние владения с турецким населением и на её столицу Константинополь»; нейтрализация и интернационализация Босфора и Дарданелл; признание особых национальных условий Армении, Аравии, Сирии и Палестины («восстановление прежнего суверенитета Турции над упомянутыми территориями невозможно»); 9) судьба германских колоний будет разрешена на мирной конференции, «которая должна исходить из желаний и интересов туземного населения этих колоний»; 10) создание такой международной организации, которая сделает «великую попытку создать средство против войны, средство улаживать международные конфликты мирным путём».

Но, прежде чем можно будет установить такой мир, говорилось в «Мирной декларации», необходимо выполнение трёх предварительных условий, а именно:

«Во-первых, должна быть восстановлена святость договоров, во-вторых, должно быть обеспечено территориальное переустройство на основе самоопределения народов или согласия управляемых; наконец, мы должны путём создания определённой международной организации добиваться ограничения бремени вооружений и уменьшения вероятности войны».

«Мирная декларация» не требовала эвакуации русских областей, но она выражала

«огорчение» по поводу перспективы «полного экономического и политического порабощения России Германией» и возлагала за это ответственность... на советское правительство{163}.

«Мирная декларация» Ллойд Джорджа отличалась от всех предыдущих английских мирных программ и даже от провозглашённых Ллойд Джорджем 20 декабря в палате общин военных целей особенной умеренностью. Она не требовала разрушения Австро-Венгрии и Турции, довольствовалась предоставлением автономии [129] угнетённым национальностям этих империй и была рассчитана на усиление мирных настроений у народов центральных держав.

«Мирную декларацию» одобрили тред-юнионы и Рабочая партия, и она сыграла большую роль в деле оказания поддержки со стороны рабочих военным мероприятиям правительства.

Независимо от английского правительства Вильсон был также занят в начале января составлением «Мирной программы», которой суждено было сделаться программой всей буржуазной демократии воевавших и нейтральных стран. Объясняя поспешное опубликование «Мирной декларации» Ллойд Джорджа, министр иностранных дел Бальфур сообщил 5 января полковнику Хаузу, что сохранение сотрудничества английского рабочего класса с правительством зависело «главным образом от немедленного опубликования британским правительством заявления, излагающего его военные цели. Принимая во внимание крайнюю поспешность, английское правительство не могло согласовать со своими союзниками условий «Мирной декларации», которая одобрена тред-юнионами, Рабочей партией и лидерами парламентской оппозиции.
«Если бы президент, — продолжал Бальфур, — нашёл нужным сделать заявление, выражающее его собственные взгляды на призыв, обращённый большевиками к народам мира... то премьер-министр уверен, что подобное заявление согласовалось бы в общем с линией, которой президент придерживался в своих предшествующих речах, столь тепло встреченных общественным мнением как в Англии, так и в других странах» {164}.

Вильсона, конечно, не надо было упрашивать. 8 января президент обратился с посланием к американскому конгрессу, в котором были сформулированы знаменитые «четырнадцать пунктов» демократического мира, сущность которых заключалась в следующем:

1. Открытые мирные договоры, запрещение впредь заключать тайные международные соглашения, уничтожение тайной дипломатии. [130]

2. Абсолютная свобода судоходства на морях вне территориальных вод в мирное и в военное время, за исключением тех случаев, «когда некоторые моря будут частью или полностью закрыты в международном порядке для исполнения международных договоров».

3. Устранение экономических барьеров и равенство условий торговли всех народов, стоящих за мир и поддерживающих таковой совместно с другими народами.

4. Сокращение вооружений до минимума, совместимого с государственной безопасностью.

5. Беспристрастное разрешение всех колониальных конфликтов, касающихся суверенитета, на основе соблюдения принципа, согласно которому «интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению с справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены».

6. «Очищение всей занятой русской территории и такое разрешение всех затрагивающих Россию вопросов, которое гарантирует ей самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения ею полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно её собственного политического развития и её национальной политики; обеспечение ей искреннего и радушного приёма в сообщество свободных наций при условии установления её формы правления по собственному выбору»;

оказание любой помощи России, «в которой она может нуждаться и которой она сама пожелает».

7. Эвакуация и восстановление Бельгии без какого-либо ограничения её суверенитета. «Без этого целительного акта целостность структуры международного права и его действенность окажутся навсегда разрушенными».

8. «Вся французская территория должна быть очищена и подвергшаяся вторжению территория восстановлена, а несправедливость, причинённая Франции Пруссией в 1871 г. в вопросе об Эльзасе и Лотарингии, несправедливость, нарушавшая покой всего мира в течение почти пятидесяти лет, должна быть исправлена, чтобы мир раз навсегда был обеспечен в интересах человечества». [131]

9. Исправление границ Италии «на основе ясно различимых национальных границ».

10. «Народам Австро-Венгрии, место которых среди других наций мы желаем видеть сохранённым и обеспеченным, должна быть предоставлена наиболее свободная и благоприятная возможность автономного развития».

И. Освобождение и восстановление Сербии, Румынии, Черногории и предоставление Сербии свободного выхода к морю.

12. Гарантия обеспеченного суверенитета турецким частям Оттоманской империи. Все же нетурецкие народы империи «должны получить гарантию полной обеспеченности жизни и абсолютно нерушимые условия автономного развития». Дарданеллы должны быть постоянно открыты для свободного прохода военных и торговых судов всех народов и для торговли под охраной международных гарантий.

13. Образование независимого польского государства из территорий «с неоспоримо польским населением» и с обеспеченным свободным и надёжным доступом к морю. Международная гарантия политической, территориальной и экономической независимости этого государство.

14. Образование Лиги наций для гарантии политической независимости и территориальной целости больших и малых государств{165}.

«Четырнадцать пунктов» Вильсона включают все требования «Мирной декларации» Ллойд Джорджа, и кроме того Вильсон требовал эвакуации Германией всех русских территорий и свободы судоходства на морях.

«Четырнадцать пунктов» Вильсона были крупным шагом вперёд по сравнению со старой программой Антанты. Они сближали во многом выраженную в них мирную программу с программой, содержавшейся в шести советских мирных условиях. Именно поэтому они нашли, с одной стороны, горячих сторонников в среде трудящихся, а с другой — озлобленных противников в лице аннексионистов всех стран. Искренних демократов мирная программа Вильсона привлекала тем, что [132] за ней стояла реальная мощь армий Антанты и ещё не вступившие в бой силы могущественных Соединённых Штатов Америки. Они рассуждали так: шесть советских условий мира лучше «четырнадцати пунктов» Вильсона, но за ними пока нет реальной силы. Поэтому их топчут ногами германские империалисты в Брест-Литовске.

Приверженцы «германского мира» категорически выступили против «четырнадцати пунктов» Вильсона и повели ожесточённую травлю их автора. Были и в странах Антанты противники мирной программы Вильсона, но это не могло, по понятным причинам, быть выражено открыто. Государственные деятели Франции и Англии также не совсем одобряли некоторые пункты программы Вильсона, например пункт о «свободе морей», однако, не

желая обнаруживать разногласий в среде союзников по такому коренному вопросу, они публично одобрили вильсоновскую программу мира целиком. Ознакомившись с ней, Клемансо заявил 9 января генералу Мордаку: «Очевидно, что они (пункты Вильсона. — Ф. Н.) не являются идеалом. Наряду с предложениями, не вызывающими возражений, имеются также и утопические предложения, но Франция может быть довольна, и она постарается приспособиться к ним». Вильсон, сказал «тигр», человек упрямый, и он заявил, что не позволит сделать никаких изменений в его программе. «Надо ли нам заводить торг с Америкой, которая так мало скупится на людей, материалы и золото? (Etait-ce à nous de marehander avec Amérique qui elle nous marchandait si peu ses hommes, son matérial et son or?) На столь хороший жест мы можем ответить таким же жестом. Надо предоставить дискутировать дипломатии Германии и Австрии»{166}.

Старый «тигр» считал за благо не вступать в споры по тем пунктам, которые ему не нравились, К ним он надеялся позже «приспособиться». Гораздо важнее было для него то, что США признали французскую точку зрения на Эльзас-Лотарингию.

11 февраля министр иностранных дел Пишон заявил [133] во французской палате депутатов от имени правительства, что оно целиком согласно с «Мирной декларацией» Ллойд Джорджа и с программой Вильсона. Франция борется за «справедливый и прочный мир» и она согласна с Ллойд Джорджем, что предпосылкой для такого мира должны быть: 1) восстановление священного характера договоров; 2) ограничение вооружений и 3) заключение соглашения о территориальных перегруппировках, основанное на праве народов располагать собой.

Полное согласие между Францией и США констатировал также сам Вильсон. Франция полностью принимает условия мира, сформулированные президентом США{167}.

Изменение в военной обстановке и демократические настроения, которые усилила Октябрьская социалистическая революция, побуждали руководящие круги союзных стран не только менять тактику, но и быть сговорчивее по существу.

Совсем другие настроения господствовали среди правящих кругов центральных держав. Аннексионистская печать этих стран, воздерживавшаяся по тактическим соображениям от критики советских условий мира и занимавшаяся лишь их «истолкованием», так как иная тактика могла выдать истинные планы и намерения верховного командования и правительства и подтвердить опасения друзей мира, что германские империалисты разыгрывают комедию в Брест-Литовске, набросилась с остервенением на «четырнадцать пунктов» Вильсона.

Из всех германских буржуазных газет лишь «Frankfurter Zeitung» отозвалась одобрительно о мирной программе Вильсона. Официоз австрийского министерства иностранных дел «Fremdenblatt» злобно писал о мирных программах Ллойд Джорджа и Вильсона, что в них-де с такой циничной и грубой откровенностью высказаны разрушительные цели войны Антанты, что они никого даже обмануть не могут. «Если раньше намерения враждебных нам государственных руководителей были [134] облечены в неопределённые, всё и ничего не говорящие фразы, до полной неясности, то сейчас их цели выступают в резко очерченном конкретном образе, даже в сформулированных пунктах, подобно драконовскому полицейскому распоряжению или подобно категорическому военному артикулу».

«Fremdenblatt» считал, что теперь, когда Антанта оказалась в затруднительном положении, она выставляет свою «минимальную программу» и отказывается от своей старой программы, требовавшей полного разгрома центральных держав и Четверного союза. Новая мирная программа Антанты является вынужденным манёвром. Миролюбивые речи и мирные программы Вильсона и Ллойд Джорджа — «это агитационная мишура, в которую они обволакивают их волю к властвованию и желание продолжать войну»{168}.

Это, как увидим ниже, были, официальные точки зрения австрийскоto и германского правительств, которые не считали «четырнадцать пунктов» Вильсона приемлемой основой для переговоров. Германские империалисты и аннексионисты не хотели всеобщего мира. Они хотели полной победы, так как лишь разгром Антанты мог им обеспечить «германский мир» на Востоке и на Западе. О другом мире они и слышать не хотели. Революция в России «работала», по их понятиям, на них.

Демократические же элементы во всех странах связывали с мирной программой Вильсона надежду на мир и на лучшее устройство Европы после войны. И германская и австрийская социал-демократические партии считали предложения Вильсона и Ллойд Джорджа приемлемой основой для мирных переговоров, хотя с некоторыми пунктами они не соглашались. Но и по этим пунктам, по её мнению, можно было договориться.

Большой интерес представляет в этом отношении помещённая в «Arbeiter Zeitung» статья под характерным заголовком: «Мирное послание и военная травля». После выхода России из войны, писала газета, единственная надежда Антанты — это США. В тот день, когда Вильсон будет готов к заключению мира, за ним должны будут последовать Ллойд Джордж, Клемансо и [135] Орландо. Уже это одно должно, казалось бы, заставить руководящие круги центральных держав отнестись с величайшим вниманием к мирному посланию Вильсона. Однако вместо этого «буржуазная пресса в Германии и в Австрии набросилась, как по команде, на Вильсона и без всякого разбора осудила его программу, не ознакомившись даже с её подробностями». Это тем более странно, что пресса нейтральных стран, и как раз та печать, которая до сих пор воздерживалась нападать на центральные державы, приветствует мирную программу Вильсона «в качестве подходящей основы для переговоров о всеобщем мире».

Анализируя все «четырнадцать пунктов» Вильсона, газета приходила к выводу, что лишь восьмой и десятый пункты могут вызвать возражения в Австро-Венгрии. Она находила непонятным травлю буржуазной печатью Вильсона потому лишь, что два из четырнадцати пунктов ей не нравятся. Но и эти два пункта не являются новостью. Точно такие же требования имелись и в папской ноте: «Если Германия хочет иметь мир в духе резолюции рейхстага от 19 июля 1917 г., то она его может получить». Газета подчёркивала, что в таком примирительном тоне государственные деятели Антанты говорят впервые. Газетная кампания против Вильсона вызывает во всём мире впечатление, что центральные державы не хотят всеобщего мира на приемлемых для всех народов условиях. Это укрепляет военное настроение в странах Антанты. «Если правительства Германии и Австрии хотят мира, тогда ложное толкование послания Вильсона является безответственной глупостью. Если они хотят мира, тогда они должны публично заявить, что они рассматривают «четырнадцать пунктов» Вильсона, не принимая, конечно, целиком каждый из них в отдельности, подходящей основой для мирных переговоров и готовы безотлагательно вступить в переговоры на этой основе. Если правительства центральных держав этого не сделают, то они сами дадут пищу недоверию против их собственных намерений»{169}. [136]

9. Борьба народных масс Австро-Венгрии за мир

Октябрьская революция и последовавшая затем активная мирная политика советского правительства способствовали усилению демократического национально-освободительного движения во всех странах. Подводя итоги мощному движению за мир в Австро-Венгрии, центрист Макс Адлер писал 8 декабря 1917 г. в статье «Значение движения за мир»:

«В течение недель могущественное движение охватило массы. Не проходит и одного дня в этой обширной империи, чтобы народ не собирался на многочисленных собраниях для того, чтобы поднять свой голос за мир и выразить страстный протест против продолжения войны». На этих собраниях, продолжал Макс Адлер, рабочие протестуют не только против продолжения войны, но и против лживой демократии и против тайной дипломатии, против

капитализма, порождающего войну. Рабочие требуют на собраниях и митингах всеобщего мира и проведения такой политики, которая исключила бы подозрения, что «перемирие с Россией может быть использовано для победного мира на западной границе!» {170}

Австро-венгерские аннексионисты подобно их германским собратьям яростно выступали в печати и на специально организованных собраниях за захватнические цели войны. Австрийские рабочие посещали все такие собрания, не давали принимать на них аннексионистских резолюций и проводили подавляющим большинством голосов антивоенные резолюции в защиту советской мирной программы. Характерно, что в этой борьбе рабочих против аннексионистов принимали участие интеллигенция и мелкобуржуазные элементы {171}. [137]

Национальные меньшинства Австро-Венгрии уже не удовлетворялись требованием внутренней автономии, как это было до тех пор. Они начали более настойчиво и открыто требовать самоопределения в том духе, как оно было проведено в Советской республике. В ответ на австро-германскую оговорку (к третьему пункту советских шести условий мира), лишавшую австрийские угнетённые национальности всякой надежды на удовлетворение их национальных чаяний, был созван 6 января 1918 г. в Праге Генеральный ландтаг чешских депутатов рейхсрата и ландтагов Чехии, Моравии и Силезии, который принял резолюцию с требованием полного отделения от Австро-Венгрии и создания независимого государства «в исторических границах земель чешской короны, так же как и земель словацкой ветви».

Генеральный ландтаг приветствовал: «новую Россию», которая поставила принцип самоопределения наций среди главных условий мира и протестовала против заявления Чернина и Кюлъмана в Брест-Литовске, искажающего истинный смысл русских мирных условий. В резолюции ландтага было сказано, что чешский народ лишён государственной самостоятельности и права на самоопределение насильственными мероприятиями и подчинён господству немецкого меньшинства и его омертвляющей бюрократии. «Так как дуалистическая монархия является исключительно средством подавления других народов в руках немцев и мадьяр и так как династия не выполнила неоднократно бравшихся ею по отношению к чехословацкой нации обязательств, то отныне чехословацкий народ считает себя свободным от всех обязательств по отношению к дуалистической монархии и к династии. Чехословацкий народ объявляет себя хозяином над своими собственными военными силами».

Генеральный ландтаг требовал справедливого мира, который положит конец грубой силе и даст гарантию самостоятельного развития всем большим и малым народам. Он вместе с тем заявлял, что мир, который не даст свободы и справедливости угнетенным народам, не будет настоящим миром и вызовет новую борьбу за «государственную самостоятельность», борьбу, «которой [138] наш народ отдаст без остатка все свои материальные и моральные силы»{172}.

Хотя правительство не разрешило опубликовать эту резолюцию, она тем не менее сделалась известной не только в Австро-Венгрии, но и за её пределами.

Австрия голодала в начале 1918 г. в буквальном смысле этого слова. Начальник генерального штаба фон Арц обрисовал продовольственное положение страны в следующих словах: «Нужда была так велика, что армия из её и без того минимальных наличных фронтовых запасов должна была ещё помогать отдельным городам и предприятиям в тылу». Для продовольственного состояния Австрии и фронтов очень характерно заявление одного высшего военачальника генералу фон Арцу: «Армия должна кушать, она должна получить то, что ей необходимо, независимо от того, умрёт ли в тылу ещё несколько стариков или нет». На это фон Арц ответил: «Бесспорно, что для армии необходимо всё сделать, что только возможно. Однако не безразлично, выдержит ли тыл. Если тыл не выдержит, то война проиграна. Я также убеждён, что война кончится «сзади»{173}.

Лидер австрийского профессионального движения Юлиус Дейч писал о положении австрийского пролетариата в начале 1918 г.: «Рабочие находились в это время в состоянии быстро нарастающего брожения. Всё безнадёжнее становился недостаток в белье, одежде и всех других потребных жизненных предметах. Это, а также пренебрежение комендантов военных милитаризованных предприятий ко всяким правам человека, создали настроение, которое ежечасно грозило разрядиться в переворот отчаяния»{174}.

При возобновлении 9 января заседаний мирной конференции в Брест-Литовске советская делегация предложила перевести работу конференции в столицу одной из нейтральных стран — в Стокгольм. Выполняя принятое в Берлине решение занять «твёрдую позицию» [139] по отношению к русской делегации{175}, фон Кюльман отказался от имени Четверного союза обсуждать вопрос о перенесении мирной конференции в нейтральную страну и, ссылаясь на враждебные высказывания советской печати и на якобы враждебные официальные, заявления, выразил «сомнение в искреннем намерении русского правительства добиться заключения мира с державами Четверного союза». Фон Кюльман имел бесстыдство обвинить советское правительство в стремлении представить общественному мнению искажённую картину событий, стремление, которое «подвергает опасности результат переговоров», и прибавил, что надежды на плодотворное продолжение работы конференции у него невелики, не скрыв того, что возможно «возобновление войны на Востоке с неподдающимися учёту последствиями». Кюльман далее заявил, что так как Антанта не приняла предложения начать переговоры о всеобщем мире, то его декларация Четверного союза от 25 декабря потеряла свою силу: «Документ сделался недействительным «.

Чернин поддержал Кюльмана и заявил со своей стороны: «Ваши союзники вам не ответили, и сейчас дело идёт не о переговорах с целью заключения всеобщего мира, а о сепаратном мире между Россией и Четверным союзом». Если русская делегация не согласится вести переговоры о сепаратном мире в Брест-Литовске, то будут возобновлены военные действия, и ответственность за это падёт на русское правительство. Генерал Гофман выразил протест против советских радиопередач, содержавших якобы призыв к неповиновению германских солдат своим начальникам {176}. При этом Гофман не удержался от угроз по адресу советского правительства.

Грубые выпады австро-германских империалистов и военщины поставили успех переговоров под угрозу. Едва об этом стало известно в Австро-Венгрии, как рабочие решили оказать воздействие на правительство и поставить переговоры о мире под своё наблюдение. Массы были озлоблены и готовы активно действовать в пользу мира. Руководство социал-демократической [140] партии увидело себя вынужденным направить возбуждение масс в «законное» русло. Оно призвало венских рабочих устроить 13 января массовые митинги в Маргаретен, Фаворитен, Оттакринге, Веринге и Флоридсдорфе «для выражения воли к миру».

На состоявшихся 13 января многолюдных митингах-демонстрациях была принята предложенная руководством социал-демократической партии резолюция, в которой рабочие протестовали против лишения правительством австрийских народов возможности оказывать влияние на ход мирных переговоров, против постоянного откладывания созыва палаты депутатов и делегаций и запрещения критиковать в печати германскую и австрийскую внешнюю политику. Рабочие требовали, чтобы правительство, вело переговоры в Брест-Литовске в «примирительном и дружественном духе». В резолюции говорилось: «Рабочий класс требует, чтобы правительство отклонило все стремления к открытым или прикрытым аннексиям; чтобы оно также отклонило требование фальсифицировать право наций на самоопределение пограничных народов России, как и намерения аннексировать отдельные части русских пограничных областей против воли их населения». Рабочие требовали предоставления народам Польши, Литвы и Курляндии возможности самим решать вопрос об их государственной принадлежности и предоставления полной гарантии невмешательства при решении ими самими этого вопроса.

«Рабочие требуют со страстной решительностью всеобщего мира», — говорилось далее в

резолюции, — и приветствуют усилия рабочих всех стран положить конец войне. Рабочие рассматривают речь Ллойд Джорджа и программу Вильсона как признак того, что «враждебные правительства начинают под давлением рабочих пересматривать военные цели и требуют от правительств центральных держав воспользоваться этим случаем для предложения всем правительствам демократического мира без аннексий и контрибуций»{177}.

Резолюция не отражала полностью настроения рабочих масс. В ней ничего не было сказано о предоставлении [141] самоопределения угнетенным национальностям даже в пределах Австрийской империи. Эта резолюция выражала стремления руководства социал-демократической партии, которое хотело побудить правительство заключить мир и этим путём спасти от гибели монархию, а также успокоить рабочие массы и оставить, как это было до сих пор, дело обеспечения мира в руках австрийских и мадьярских феодалов и буржуазии.

Политическая стачка в Нижне-австрийском промышленном районе совпала со снижением мучного рациона рабочим и городскому населению в Австрии с 200 до 105 г в день, но и этот голодный паёк нечем было обеспечить уже в двадцатых числах января. Совпадение политического подъёма рабочего и национально-освободительного движения с крайне обострившимся продовольственным кризисом создало тяжёлую обстановку, которая не могла не оказать своего влияния на происходившие в Брест-Литовске мирные переговоры. Она действительно оказала влияние на переговоры, но не такое, какого добивались австрийские и венгерские рабочие: продовольственный кризис в Австрии выявил политическую и экономическую слабость Австро-Венгрии, и она ещё больше подпала под влияние Германии, потеряв окончательно своё политическое лицо.

Что же происходило в Австрии в середине января 1918 г.? На этот вопрос дают исчерпывающий ответ официальные документы.

Граф Чернин телеграфировал 15 января из Брест-Литовска императору Карлу: «Я только что получил письмо штатгальтера графа Куденгофа, которое оправдало все постоянно повторявшиеся мною вам опасения и констатирует, что мы в продовольственном вопросе стоим непосредственно перед катастрофой.

Положение ужасно, и я опасаюсь, что уже слишком поздно предотвратить полный крах, который следует ожидать в ближайшие недели».

Граф Куденгоф пишет по этому поводу:
«Из Венгрии мы получаем лишь незначительное количество, из Румынии ещё 10 000 вагонов кукурузы, остаётся таким образом дефицит по крайней мере в 30 000 вагонов хлеба, без которого мы должны будем просто погибнуть. Я пошёл, когда узнал положение [142] вещей, к министр-президенту поговорить с ним об этом. Я заявил ему, что если положение не изменится, то через несколько недель прекратит работу наша военная промышленность, приостановится наша железнодорожная связь, невозможно будет снабжение армии, она должна будет развалиться, а эта катастрофа должна привести к распаду Австрии и, следовательно, к распаду Венгрии. Он отвечал на каждый поставленный мной вопрос: «Да, это так» и прибавил, — всё сделано, чтобы изменить положение, в особенности в отношении поставок из Венгрии, но никому, также и его величеству, не удалось чего-либо добиться. Надо только надеяться, что deus ex machina (вмешательство посторонней силы. — Ф. Н.) предохранит нас от наихудшего».

Во избежание катастрофы Чернин предлагал императору Карлу:

1) послать к кайзеру Вильгельму с собственноручным письмом главного интенданта армии генерала Ландвера для изложения положения;

2) начать реквизицию продовольственных запасов в Венгрии в ресторанах, в коммунах, у торговцев и у частных лиц;

3) сократить на длительное время мучной рацион;

4) выяснить, по прямому приказу императора, — нельзя ли что-либо получить «из нашей Польши».

Чернин далее сообщал императору, что он принимает все меры к тому, чтобы добыть хлеб на Украине, но это может случиться не раньше весны.

Чернин умолял императора действовать энергично, так как в противном случае «у нас будет крах и революция»{178}.

Информируя Чернина о продовольственных затруднениях в Австрии, Зайдлер телеграфировал ему 16 января, что в Триесте удалось устранить продовольственную нужду благодаря оказанной морским ведомством помощи, но всё же пришлось сократить хлебный паёк наполовину, в результате чего начались рабочие демонстрации. Наместник опасается расширения движения. В Кракове начались рабочие и голодные «бунты». Вблизи [143] Вены начались стачки, и есть опасность, что они охватят персонал южной железной дороги.

Вена, сообщал далее Зайдлер, обеспечена мукой только до понедельника. Помощь во-время может прибыть только из Германии, и необходимо, чтобы посольство в Берлине вмешалось в это дело. Зайдлер далее просил Чернина обратить внимание германской делегации в Брест-Литовске «на крайне критическое положение, которое может сделаться катастрофическим»{179}.

В тот же день телеграфировал Чернину австрийский министр продовольствия Хефер (Höfer), что «с момента сокращения мучного рациона возбуждение среди рабочих в Винер-Нейштадте приняло революционный характер». Уполномоченные рабочих прибыли к нему и требовали: 1) увеличения мучного рациона и 2) гарантии благоприятного исхода мирных переговоров.

Следует отметить, что и Зайдлер передал дополнительно Чернину по телефону 16 января, что «в настоящий момент ни один вопрос так не волнует население, как вопрос о ходе переговоров в Брест-Литовске, так как желание мира решительно преобладает над всем остальным» {180}.

Император Карл в свою очередь телеграфировал 17 января Чернину из своей резиденции Лаксенбург:

«Я обязан ещё раз убедительно заверить, что вся судьба монархии и династии зависит от возможно быстрого заключения мира в Брест-Литовске. Мы не можем здесь изменить положения ради Курляндии и Лифляндии и польских мечтаний. Если в Бресте не будет заключён мир, то здесь будет революция, если даже будет что кушать. Это серьёзное напоминание в серьёзный час» {181}.

Отчёт венского полицейпрезидента от 17 января о ходе стачки также подчёркивал, что рабочие требуют не только увеличения продовольственного пайка, но настаивают на быстром заключении мира. В докладе говорилось:

«Нижняя Австрия: общее число бастующих 95 600. В том числе в окрестности Гитцинг 10 000, в городе [144] Винер-Нейштадт 8 900, округ Винер-Нейштадт 43 000, в том числе все рабочие Веллерсдорфа в количестве 34 000, Баден 19000. Всюду требования повышения мучного пайка, ускорения мирных переговоров.

Вена. Со вчерашнего числа повысилось количество бастующих с 84 000 до 88 000, местами насильственное приостановление уличного транспорта было ликвидировано вмешательством полиции и доверенных лиц. Собрания стачечников в разных помещениях.

Штейермарк. Расширение стачки на Грац. 20 000 человек, Брик на Муре, Белерверке, Фельтен-Гильом»{182}.

Обращение Австрии к Германии и Болгарии за продовольственной помощью не имело успеха. Австро-венгерский посол в Берлине князь Гогенлое сообщил 16 января, что германское военное министерство и ведомство продовольствия отказали в предоставлении заимообразно 2 000 вагонов муки австро-венгерской армии. Послу заявили, что это невозможно, так как и в Германии предстоит сокращение мучного рациона.

Царь Фердинанд и Радославов заявили австро-венгерскому посланнику графу Тарновскому, что Болгария не может оказать продовольственной помощи. Она имеет абсолютное право на румынские запасы хлеба, но последние «сейчас находятся в немецкой сохранности». Они ничего не имели бы против уступки Австрии следуемого Болгарии из румынских запасов зерна, но сомневались, чтобы у немцев можно было что-либо получить. Что же касается посылки хлеба из Болгарии, то «это абсолютно исключено». О продовольственном положении самой Болгарии красноречиво говорили следующие факты: военным властям нужно было посылать ежедневно 40 вагонов продовольствия на фронт, но они были в состоянии реквизировать при помощи военных экзекуций только половину, а то и третью часть потребности. Вместо продовольственной помощи Радославов заявил Тарновскому, что «общее положение в Четверном союзе требует в первую очередь заключения мира с Россией, особенно с Украиной, для чего следует пойти даже на жертвы»{183}. [145]

Желая предотвратить катастрофу, германское правительство решило 18 января ссудить Австрии 4 500 т пшеничной муки при условии, что Венгрия даст обязательство возвратить эти 4 500 т в ближайшее, точно зафиксированное время.

Однако и этой помощи, если бы она была даже получена, не было достаточно. Телеграмма Зайдлера Чернину от 19 января даёт очень живое представление о продовольственном и политическом положении в Австрии, которые были тесно связаны друг с другом. Зайдлер писал:
«Возникшая по политическим мотивам три дня тому назад в окрестностях Вены среди неорганизованных рабочих забастовка-демонстрация за немедленное заключение мира вскоре охватила организованных рабочих и подобно огненной лавине настолько быстро расширилась во все стороны, что рабочие вожди, которые хотели приостановить движение, были бессильны это сделать»{184}.

Предложенных Германией 4 500 т, продолжал Зайдлер, хватит с 21 по 27 января, а после этого потребуется 1 300 т ежедневно, которых нечем покрыть. Австрийское правительство просило Германию передать заимообразно Австро-Венгрии находившиеся в Оршове и в Турн-Северине в баржах от 4 000 до 4 500 т зерна и дать распоряжение оккупационным властям в Румынии, чтобы они форсировали отгрузку ежедневно не меньше 1000 т зерна для Австрии. Только таким образом может быть покрыт сокращённый мучной рацион в крупных потребляющих центрах{185}.

Для собственной информации Чернина Зайдлер сообщал: «Имеется намерение, если с немецкой стороны не будет добровольно передано погруженное для Германии в Оршове и Турн-Северине зерно, его конфисковать» {186}.

Заслуживает быть отмеченным очень ценное признание Зайдлера о том, что вожди рабочих, руководители профессиональных союзов и социал-демократической партии, хотели, но бессильны были приостановить политическую стачку протеста против продолжения войны и империалистического мира. И баварские власти еще [146] летом 1917 г. также констатировали, что борьбу с антивоенными настроениями труднее всего вести среди «неорганизованных» рабочих и что, наоборот, рабочие массы, находившиеся под влиянием социал-демократической партии и профессиональных союзов, были менее доступны

антивоенной пропаганде.

В результате совещания между австрийским и венгерским премьер-министрами было решено усилить реквизиции хлеба в обеих частях империи, для каковой цели были отозваны с фронта в Австрию 12, а в Венгрию 21 батальон. Австрийские оккупационные власти обязали Польшу доставлять ежедневно 50 вагонов зерна{187}.

Безвыходное положение Австро-Венгрии толкало её руководящие круги не к честному миру (который они не могли заключить против воли своих немецких союзников), а к авантюре, к поддержке германских аннексионистских требований и к заключению «хлебного» мира с предателями украинского народа из буржуазной Украинской рады.

Что же творилось в январе 1918 г. в Австро-Венгрии не по полицейским донесениям, а по объективным и правдивым наблюдениям?

Утром 14 января рабочие крупного завода Даймлера в Винер-Нейштадт объявили стачку. «Весть об этой стачке, — пишет руководитель австрийского профессионального движения, — распространилась с быстротой молнии по всей промышленной области Винер-Нейштадт, всюду вызывая возбуждение и напряжённое ожидание»{188}. Вопреки запрещению властей и военному положению, стачка охватила 15 января, помимо Винер-Нейштадт, Вену, Терниц, Вимпасинг, Тристингаль, Нейкирхен. Рабочие всюду устраивали митинги и уличные демонстрации, сопровождавшиеся столкновениями с полицией{189}.

Рабочие по собственному почину избирали стачечные комитеты и создавали советы рабочих депутатов.

Рабочие говорили: «О возобновлении работы не может быть и речи до тех пор, пока рабочие не получат [147] гарантии заключения немедленного демократического мира». Рабочие Винер-Нейштадта послали делегацию к президиуму социал-демократической партии с требованием «пустить в ход все силы для достижения всеобщего мира»{190}.

К 18 января всеобщая стачка охватила все промышленные центры и города Нижней и Верхней Австрии, Штирии, Чехии и Венгрии и перебросилась даже по ту сторону Карпат, в Галицию. К стачке присоединились судостроительные рабочие Триеста и арсеналов в Пола, Теодо, Геновиче и Каттаро. Выход газет был прекращён. Венская «Arbeiter Zeitung» писала в статье «Возбуждение масс»: «Никто не советовал рабочим начинать стачку, никто их не организовал; она возникла со стихийной силой из возбуждения рабочих масс, и никакая сила не была бы в состоянии помешать её возникновению». Причина всеобщей стачки, продолжала газета, состоит в том, что надежда на мир обманута, что вместо мира рабочий класс услышал «угрожающую бронированным кулаком речь генерала Гофмана. Это создаёт впечатление у рабочих масс, что вопрос о мире решается только в Берлине, только под влиянием германского верховного командования. Надо себе только представить влияние этих событий на измученные массы и тогда понятно будет то возбуждение, из которого родилась стачка» {191}.

Выступая от имени австрийских рабочих, президиум социал-демократической партии опубликовал 17 января заявление, в котором говорилась, что успокоение рабочих масс возможно, если правительство даст заверение в том, что: 1) «оно не допустит разрыва мирных переговоров в Брест-Литовске ради каких бы то ни было территориальных требований; что оно устранит все препятствия на пути к заключению мира посредством безоговорочного признания нефальсифицированного демократического права на самоопределение оспариваемых областей»; 2) что оно произведёт реорганизацию продовольственного снабжения; 3) что оно реорганизует [148] местное самоуправление на демократических началах (проведёт немедленно всеобщее, равное и прямое избирательное право при общинных выборах); 4) что оно отменит милитаризацию промышленных предприятий.

Призывая рабочий класс к спокойствию и сохранению порядка, президиум социал-демократической партии заканчивал своё «заявление» следующими словами: «Вы демонстрируете путем стачки. Действенность такого демонстративного средства не может повыситься уличными эксцессами, наоборот, оно скорее будет подвергнуто опасности»{192}. 19 января забастовали все фабрики и заводы Будапешта, кроме предприятий общественного характера. На состоявшемся 20 января 50-тысячном митинге будапештские рабочие решили не возобновлять работы, пока правительство не гарантирует выполнения следующих трёх требований: 1) немедленное заключение мира без аннексий и контрибуций;

2) немедленное проведение через палату депутатов демократического избирательного закона; если же реакционные венгерские партии окажут сопротивление, то провести немедленный роспуск палаты депутатов; 3) немедленное принятие энергичных мероприятий, обеспечивающих справедливое распределение важнейших предметов потребления{193}.

Яркий свет пролили на события тех дней в Австро-Венгрии происходившие 17 января бурные дебаты в бюджетной комиссии австрийской палаты депутатов и в венгерской палате депутатов. Виктор Адлер заявил от имени социал-демократической партии, что народы России освободили Европу от кошмара царизма и что теперь имеется полная возможность заключить мир. Все убеждены в том, что нельзя откладывать заключение мира «из-за вопросов престижа, из-за вопросов будущих планов». Адлер требовал независимой от Германии политики в Брест-Литовске и чтобы там считались с желаниями австрийских народов. «Нельзя допускать, чтобы депутаты молчали и узнавали лишь из газет, как генерал стучит по столу, бряцает саблей, в результате чего мир в опасности». Он в заключение потребовал [149] невмешательства германского и австрийского верховного командования в происходящие мирные переговоры.

Речь Адлера представляет собой хорошо рассчитанный маневр. Выступая на словах против политики австро-венгерского правительства, за независимость внешней политики от Германии и за принятие советских условий мира, социал-демократия совсем иначе действовала в эти же дни во время всеобщей стачки.

В бюджетной комиссии рейхсрата выступил с правительственным заявлением председатель совета министров Зайдлер, который сказал, что «обеспечит в дальнейшем развитие дружественных добрососедских отношений с нашим восточным соседом». Выступление Зайдлера никого не удовлетворила, так как никто не верил в искренность правительства. Депутат Ценкер заявил от имени средних классов (Bürgertum), что они «желают так же, как и немецкие рабочие, мира без аннексий и контрибуций» и употребят все средства для предотвращения крушения мирных переговоров. Он предостерёг правительство от натравливания одного класса на другой и предупредил, что «немецкие средние классы не намерены продолжать войну хотя бы лишних полдня из-за получения Риги. Присоединение балтийских провинций к Пруссии не является военной целью немецких средних классов. Плачевно провалившиеся попытки устроить в Вене собрания в пользу «победного» мира уже доказали, как немецкие средние классы думают по этому вопросу». Ценкер протестовал против отказа допустить в Польше, Литве и Курляндии голосование об их государственной принадлежности и подчеркнул, что это является лучшим доказательством того, что Австрия и Германия «не могут пойти на риск такого голосования, хотя и хотели бы получить эти области». Он, далее, заявил, что немецкие средние классы считают «четырнадцать условий» Вильсона приемлемой базой для переговоров о всеобщем мире, и потребовал от правительства гарантии, что переговоры в Брест-Литовске не будут поставлены под угрозу неуместным тоном или бряцанием оружия.

Выступления представителей угнетённых наций явились показателем процесса растущего углубления противоречий между господствующими и зависимыми [150] народами на четвертом году войны. Словенец Бенкович потребовал от имени южных славян немедленного заключения мира и притом «хорошего мира» на основе советских шести условий.

«Господству больших народов над малыми должен быть положен конец». Поскольку данная война ведётся также и за югославские земли, говорил он, то в мирной конференции должны принять участие представители югославов. Чех Станек протестовал против немецко-мадьярской гегемонии в Австро-Венгрии и нежелания правительства признать за основу переговоров право наций на самоопределение. Немцы и мадьяры должны понять, что прошло то время, когда они были господами, и они должны желать другим народам то, чем они обладают сами. «Право наций на самоопределение является идеей, которая зажигает все народы, так как они видят, что только на этой основе может быть заключён длительный мир, который для всех удобен и всеми приемлем».

Чешский социал-демократ Томашек поддержал требования немецких социал-демократов и заявил от имени польских и чешских рабочих Моравской Остравы: «Конечно, необходимо пойти навстречу народу в продовольственном вопросе. Однако сокращение рациона муки было лишь последней каплей, которая переполнила чашу. Речь идёт не о том, что мир должен быть заключён, а о том, что он должен быть заключён как можно скорее».

Общее возмущение бюджетной комиссии вызвало выступление христианского социалиста Матайя за «победный» мир. Матайя высказался также против мирных программ Ллойд Джорджа и Вильсона, считая их неприемлемыми в качестве основы для переговоров о всеобщем мире. «Мы стоим на точке зрения суверенитета австрийского государства и отклоняем всякое вмешательство заграницы во внутренние дела монархии». Такова, как мы видели выше, была и точка зрения правительства. Ценкер взял вторично слово и заклеймил «победное» выступление Матайя, заявив, что тот не имеет права выступать от имени немецкого бюргерства. Ценкер протестовал против требований Матайя «победного» мира и против тона обсуждения «такого великого события, которым является русская революция». [151]

Итальянец Питтони вскрыл в своём выступлении причины ненависти угнетённых народов к немецкой буржуазии и помещикам. Немецкие буржуазные партии, говорил Питтони, должны себе задать вопрос: почему так ненавидят во всём мире трудолюбивый, талантливый и высокоразвитой немецкий народ? Они должны понять, что «если они солидаризируются с такими заявлениями, как заявление генерала Гофмана в Брест-Литовске, то они никогда не смогут завоевать симпатий других народов». Воинственные речи, по словам Питтони, заглушили все иные голоса и отодвинули на последнее место миролюбие немецкого народа. «Однако мир слышит сейчас только речи генерала Гофмана, который накликает ими хулу на целый народ и делает невозможным, чтобы вселенная заключила с ним мир»{194}.

Такие же настроения господствовали в широких кругах второй половины габсбургской монархии. В происходившем в тот же день заседании венгерской палаты депутатов Людвиг Галло заявил, что венгерский народ не пожертвует ни одной липшей капли крови ради аннексионистских стремлений, которые закрывают дорогу к всеобщему миру. Депутат потребовал от премьер-министра ответ на следующие два вопроса: 1) Согласно ли венгерское правительство и сейчас заключить мир без аннексий и контрибуций? 2) Действует ли министр иностранных дел в Брест-Литовске в интересах устранения препятствий с пути к всеобщему миру? Галло далее заявил под общий одобрительный шум почти всего зала, что Венгрия должна стремиться к всеобщему миру. «Нам не нужен победный мир, который отравит отношения с соседними народами. Нам нужен мир, который обеспечит господство права. В вопросе об Эльзас-Лотарингии мы хотим компромисса».

Премьер-министр Векерле лживо уверял палату, а через неё и весь мир, что правительство Австро-Венгрии ничего иного не желает, как мира без аннексий и контрибуций. Такова точка зрения правительства и короля. Однако помехой на пути к миру, сказал [152] Векерле, являются «безответственные и непризнанные элементы», т. е. рабочие, которые «нас постоянно подгоняют к скорейшему заключению мира, в то время когда наше самое большое стремление состоит в достижении этой цели»{195}.

Дебаты в австрийской бюджетной комиссии и в будапештском парламенте показали, что не только пролетариат, но и средние буржуазные классы и угнетённые национальности поддерживали советскую мирную программу и готовы были её отстаивать против влиятельной кучки аннексионистов и врагов национального самоопределения. Как показали дальнейшие события — восстание флота в Каттаро, о котором будет речь ниже, — Австро-Венгрия находилась на грани революции. Оппортунистические вожди социал-демократической партии и профессиональных союзов, выступая перед массами с радикальными речами, в действительности тушили массовый порыв и вводили его в русло «законных» требований, что делало его безопасным для буржуазии. Январская всеобщая стачка в Австрии выявила это в полной мере и разоблачила лживый «радикализм» вождей австрийской социал-демократии.

Каково было реальное соотношение сил в Вене и её окрестностях в момент возникновения всеобщей стачки? «Когда разразилась стачка, — писал Юлиус Дейч, — военное положение в Вене было крайне неблагоприятным для правительства». Оно имело в своём распоряжении всего 3 тыс. солдат, которые к тому же были рассеяны в разных местах и не представляли вполне боеспособной силы. Правительство боялось пустить их в дело, так как большинство из них было враждебно к нему настроено и сочувствовало забастовщикам{196}.

При таком положении вещей, когда правительству не на кого было опереться, да ещё при всенароднем недовольстве и отчаянии, охватившем все слои общества, венский пролетариат имел все возможности для совершения революционного переворота, который нашёл бы горячую поддержку во всей стране. И он это сделал бы, если б его не удержала австрийская социал-демократия [153] и находившиеся под ее руководством профсоюзные организации. Выступая на словах за требования рабочих и затянув на несколько дней закулисные переговоры с властями по поводу якобы удовлетворения этих требований, социал-демократические и профсоюзные вожди дали возможность правительству вызвать с фронта надёжные полки, на которые оно могло вполне положиться. Через 4–5 дней после начала стачки положение совершенно изменилось. Разместив войска в охваченных забастовочным движением рабочих центрах, правительство оказалось в состоянии подавить любое выступление стачечников.

Вожди австрийской социал-демократии приложили все усилия к тому, чтобы придать всеобщей стачке мирный характер протеста против чрезмерных аннексионистских требований германского империализма. С этой целью они её и возглавили. «Мы хотели стачки как великой революционной демонстрации, — писал Отто Бауэр, — но мы не могли хотеть подъёма стачки до революции. Поэтому мы должны были позаботиться о том, чтобы закончить стачку раньше, чем голод принудит бастующих к капитуляции, так закончить, чтобы усилить мощь и самосознание рабочих»{197}.

Стачечное движение в пользу мира во всей стране приняло, по признанию австрийского министра внутренних дел графа Тагенбурга, выступавшего в бюджетной комиссии 21 января, такие грандиозные и опасные для существования режима размеры, что правительство увидело себя вынужденным начать переговоры с представителями рабочего класса{198}.

19 января председатель австрийского совета министров Зайдлер принял делегацию венского совета рабочих депутатов, в которую входили также и вожди социал-демократической партии, и в ответ на её требование заключить мир на советских условиях зачитал ей присланную из Брест-Литовска телеграмму графа Чернина, в которой давалось заверение в том, что Австро-Венгрия стремится как можно скорее заключить «почётный мир» и делает всё от неё зависящее для того, [154] чтобы добиться в короткий срок заключения всеобщего мира. «Если в данный момент возможен лишь сепаратный мир с Россией, то ответственность за это падает на державы Антанты, которые отклоняли наши неоднократные мирные предложения». Австро-венгерское правительство не стремится к территориальным захватам за счёт России. «Мирные переговоры не могут и не будут прерваны из-за подобных планов». Правительство, нагло лгал граф Чернин, рассматривает

Польшу как самостоятельное государство, которое само решит, как ему урегулировать отношения с Австро-Венгрией. Оно отклоняет требование эвакуировать занятые русские области до тех пор, пока война будет продолжаться с другими государствами. Переговоры с Украиной зашли уже очень далеко и скоро приведут к счастливому исходу.

«Я придерживаюсь этой точки зрения, — писал Чернин, — и ручаюсь за то, что мир с нашей стороны не будет разбит о завоевательные намерения. Я не беру ни одного слова назад из мирной программы, которую я составил и защищал. Мы ничего не хотим от России — ни территориальных уступок, ни контрибуции. Мы хотим только добрососедских, на прочных основах покоящихся взаимоотношений, основанных на длительном и взаимном доверии».

Зайдлер заявил от имени правительства, что оно немедленно приступит к проведению реорганизации распределения продовольствия с целью улучшения снабжения рабочих.

Правительство торжественно обещало провести реформу избирательного закона в органы местного самоуправления, распространить избирательное право на женщин, учесть национальные особенности каждого района, отменить милитаризацию предприятий и заменить военные суды обычными{199}.

Правительственная декларация Зайдлера по внутренней политике и телеграмма Чернина были такой же нарочитой ложью, рассчитанной на обман народных масс, как и точно такие же заявления Гертлинга по внутренней и внешней политике в германском рейхстаге. Чернин заверял рабочих в том, что Австро-Венгрия [155] ничего не желает отнимать у России, но вместе с тем признавал, что оккупированные русские земли не будут очищены и после подписания мира. Он далее признавал, что Австро-Венгрия будет поддерживать отделение Украины от Советской России, о чём переговоры с контрреволюционными украинскими сепаратистами, всегда находившимися на жалованье венского правительства, «уже зашли очень далеко». Чернин заявлял, что у правительства якобы нет завоевательных намерений и что оно будет отстаивать выработанную им программу. А в эту программу, которая была предъявлена Черниным и фон Кюльманом советской делегации в Брест-Литовске, входила аннексия всех захваченных немцами русских областей. От этой «мирной программы», заверял Чернин, он не берёт «ни одного слова назад».

Передовых рабочих не удовлетворила правительственная декларация. Они правильно указывали на то, что правительство не выполнит обещаний, как только рабочие возобновят работу. Они заявили членам правительства, что рассматривают декларацию лишь как начало, за которым должна последовать полная реорганизация государственной машины на демократической основе.

Совсем иначе расценивали положение социал-демократические вожди. При обсуждении с рабочими представителями Виктор Адлер заявил, что правительственная декларация является документом первостепенной важности, выражающим искреннее стремление Чернина и императора к миру, и что брест-литовские переговоры являются лишь введением к всеобщему миру, что Австро-Венгрия готова признать принципы арбитража и разоружения и дала обязательства относительно Польши.

«Положение надо использовать до крайних пределов, — заявил Адлер, — но когда это уже сделано, то не надо дальше рисковать, но следует подождать до ближайшей новой возможности». Продолжать дальше борьбу — это значит кое-что потерять, т. е. потерять «доверие к нашему благоразумию, уму и ответственности. Мы можем сказать: за три дня борьбы мы кое-чего достигли». [156]

В этом же духе говорили Ренпер, Зейц и другие вожди социал-демократической партии{200}.

Рабочие выслушали доклады социал-демократических лидеров о результатах переговоров с правительством, как признаётся Юлиус Дейч, «с полным вниманием, но с ледяным

молчанием. Наоборот, выступления оппозиционных ораторов с предприятий вызвали бурные и страстные рукоплескания»{201}.

Социал-демократическому руководству всё же удалось провести подавляющим большинством голосов резолюцию о возобновлении работы 21 января (понедельник). Рабочие, однако, отказались приступить к работе, и в этот день имело место много бурных столкновений в городе. Они продолжали стачку ещё в течение нескольких дней.

И правительство Венгрии подобно австрийскому правительству пошло на уступки рабочим. Оно также обещало выполнить все их требования, в частности не затягивать мирных переговоров и заключить мир без аннексий и контрибуций. Оно обещало начать в феврале обсуждение нового избирательного закона. Если же палата не утвердит его, то правительство обязалось распустить палату и представить разрешение этого вопроса на суд избирателей. И требование об улучшении снабжения рабочих продовольствием было обещано также удовлетворить.

Руководство венгерской социал-демократической партии подобно руководству австрийской партии признало словесные обещания правительства удовлетворительными и призвало рабочих прекратить стачку. Возмущение венгерских рабочих было так велико, что центральный комитет партии был вынужден 22 января сложить свои полномочия.

Национально-освободительное движение среди угнетённых славянских народов Австро-Венгрии укреплялось. Югославский клуб вручил 31 января письменный протест министру-президенту Зайдлеру против отстранения югославских делегатов от участия в мирных переговорах в Брест-Литовске. Югославский клуб требовал [157] от имени всех сербов, хорватов и словенцев габсбургской монархии: 1) немедленного заключения всеобщего демократического мира и международной гарантии свободного развития всех малых и больших наций; 2) признания и гарантии неограниченного права народов самим решать вопрос об образовании своею собственного государства и об установлении формы его правления; 3) создания югославского государства из территорий, компактно населённых сербами, хорватами и словенцами, и имеющего свободный выход к Северной Адриатике{202}.

Желание мира в измученной и изголодавшейся двуединой монархии и стремление к национальному освобождению югославов нашло своё выражение в ряде солдатских бунтов и в грандиозном восстании моряков. Матросы крейсерской эскадры в бухте Каттаро подняли знамя восстания. Среди 40 боевых судов этой эскадры находились такие крупные единицы, как «Монарх» (5600 т) с экипажем в 441 человек; «Св. Георгий» (7800 т), 628 человек экипажа; «Император Карл VI» (6800 т), 546 человек экипажа; «Император Франц-Иосиф» (4000 т), 441 человек экипажа; «Кронпринц эрцгерцог Рудольф» (6900 т), 454 человека экипажа и др. По условленному заранее сигналу с флагманского судна «Св. Георгий» восстание началось l февраля в 12 часов дня. Все офицеры до единого, в том числе и командующий эскадрой адмирал Хорти, были обезоружены и арестованы. На всех судах были вывешены красные флаги — символ социальной революции. В восстании приняло участие больше 6000 матросов. На каждом восставшем судне был организован матросский комитет. Из представителей судовых комитетов был образован Совет матросских депутатов, который находился на флагманском крейсере «Св. Георгий». Председателем Совета был избран матрос Стоновский. Душой всего восстания был неустрашимый революционер унтер-офицер Франц Реш.

Среди политических требований, предъявленных восставшими матросами правительству, наиболее важными [158] были: немедленное вступление в мирные переговоры со всеми воюющими странами; принятие «четырнадцати пунктов» Вильсона; предоставление права на самоопределение всем народам Австро-Венгрии; образование демократического правительства в Австрии и Венгрии: установление полной независимости от других держав; заключение мира без аннексий и контрибуций.

Восстание продолжалось три дня и было подавлено 3 февраля при помощи береговой артиллерии и прибывшей из Полы эскадры дредноутов и германских подводных лодок. 800 матросов были арестованы, из них 40 были преданы военно-полевому суду. 11 февраля были расстреляны руководители восстания Франц Реш и его товарищи Антон Грабар, Иерко Сисгорич и Мате Верникович{203}. Сотни матросов подверглись разным суровым наказаниям.

Как известно, матросы в австро-венгерском военном флоте набирались преимущественно из хорватов, словенцев и далматинцев. Восстание крейсерской эскадры в Каттаро являлось не только антиимпериалистическим, но также национально-освободительным актом южных славян против немецкого и мадьярского национального угнетения.

Виктор Науман, приехавший по поручению Гертлинга в Австрию с осведомительной целью, писал канцлеру 22 февраля 1918 г.: «Бросается в глаза, что стачка только что закончилась, и мне кажется, что огонь более чем сильно тлеет под пеплом».

Такого же мнения придерживались и австрийские «левые» политические деятели. Вожди австрийской социал-демократической партии Виктор Адлер, Реннер, Зейц и Эленбоген заявили посланцу канцлера, что они «целиком одобряют политику графа Чернина» и хотят его поддерживать, «пока это будет возможно». Они ему признались, что «ненавидят всеобщую стачку или революцию уже по той причине, что таковая в Австрии должна принести пользу только одним чехам, а у них нет никакой причины итти из-за чехов в огонь». Лидеры социал-демократов клялись, что хотят «поддерживать [159] хорошие отношения с Германией, но настроение масс принимает опасный оборот».

Озлобление против войны и против тех, кто её затягивает, охватило не только широкие народные марсы. И в беседах с лидерами политических партий, с промышленниками и представителями высшей аристократии Науман натыкался на такое же отвращение к войне и ненависть к аннексионистам, которые выливались в очень своеобразную, но тем более показательную форму. Все в один голос твердили, пишет Науман, «что отношение к нам (Германии. — Ф. Н.) ухудшается с каждым днём, что генерал Людендорф является наиболее ненавистным человеком в монархии, что и император Вильгельм потерял всякую популярность и что возможен сепаратный мир».

Такую оценку положения давали и лидеры христианско-социалистической партии. «Из разговоров с парламентариями, — резюмировал свои впечатления Науман, — я вывел заключение, что в двуединой монархии всё идёт вверх дном и что, если не будет быстро заключён на Востоке мир и притом действительный мир, то произойдёт катастрофа или же Австро-Венгрия пойдёт на сепаратный мир»{204}.

Январская стачка и восстание в Каттаро потрясли габсбургскую монархию до основания. Начались непрерывные восстания войсковых частей. Правительство потребовало переезда двора из промышленного Лаксембурга в ставку верховного командования в Баден. Для восстановления порядка в тылу потребовалось отправить с фронта несколько дивизий под командованием генерала князя Шенбурга{205}. Это задержало, но не приостановило распада габсбургской монархии.

24 января венская «Arbeiter Zeitung» писала по поводу значения австрийской всеобщей стачки:

«Эта стачка является ударом в сердце германского империализма» и его завоевательных намерений. Положение на фронтах и в странах Антанты таково, что сейчас «германский империализм... является одним из самых сильных препятствий на пути к миру, если не [160] главным препятствием». Наличие «миролюбивого большинства в рейхстаге» ни в чём не меняет положения, так как германские генералы хотят «победного мира» и власть находится

в их руках. Считая такой мир «самоубийством» для самой Германии, так как он дал бы ей вместо мира вечную войну, «Arbeiter Zeitung» подчёркивала, что австрийская стачка показала германским аннексионистам, что им не добиться их целей и что она положила конец их притязаниям подчинить внешнюю политику Австро-Венгрии Берлину: «Этому могущественная стачка рабочих в Австрии положила конец: она убила империалистические завоевательные планы»{206}.

Политическое значение австрийской всеобщей стачки было громадно, и она нанесла действительно сильный удар немецкому империализму. Но Австрию она не освободила от германской опеки, хотя и в Германии понимали, что стачка была направлена больше против германских аннексионистов, чем против австрийского правительства. Германские империалисты даже распространили легенду о том, что сам Чернин будто бы поддерживал стачку и был доволен её возникновением, так как между его программой и рабочей мирной программой якобы нет никакой разницы.

Продовольственный кризис в Австрии поставил её правительство в ещё большую экономическую, военную и политическую зависимость от Германии, чем до январской стачки. Австрии нужно было продовольствие для предотвращения революции. Германия уделила ей некоторое количество из своих скудных запасов, но за это австрийское правительство должно было платить ещё большим подчинением Берлину и отказом от той доли независимости, которой оно ещё располагало в переговорах в Брест-Литовске. Это не уничтожало противоречий и разногласий между австрийской и германской «мирными» программами, но оно всё же создало впечатление «единства» между обоими правительствами. Германское правительство после этого уже не находило нужным скрывать перед общественностью свою грабительскую программу мира. [161]

10. Австро-германский империализм и англо-американская мирная программа

Напряжённое политическое, экономическое и продовольственное положение в Австро-Венгрии и в самой Германии, свидетельством чего явились январские стачки и восстания во флоте, постоянно обострялось. Негодование широких народных масс против аннексионистских требований германского и австро-венгерского правительств, которые ставили под угрозу заключение мира в Брест-Литовске, а следовательно и всеобщего мира, так как массы рассматривали мир с большевиками как начало всеобщего мира, расширялось и охватывало новые слои общества. Одновременно стали проявляться у руководящих кругов Антанты, как выше было показано, признаки сговорчивости и склонности пойти на определённые уступки при условии отказа центральных держав от их захватнических военных целей, доказательством чего являлись мирные программы Ллойд Джорджа и Вильсона и переговоры Смэтса — Менсдорфа в Женеве, Всё это создало благоприятную обстановку для «мирных» перекличек государственных деятелей обеих руководящих группировок. Очередь была за Германией и Австро-Венгрией. Весь мир с нетерпением ожидал давно возвещённых выступлений Гертлинга и Чернина. Социал-демократический «Vorwärts» меланхолически писал в ожидании речи Гертлинга:

«Принесёт ли нам весна новые бои или же всеобщие переговоры? Весеннее наступление или мирное выступление — какое из этих двух победит войну? Это великий мировой вопрос, на который мы ждём ответа от речей государственных деятелей».

24 января Гертлинг заявил в главной комиссии рейхстага, что Германия принимает условия Вильсона об уничтожении секретной дипломатии и тайных договоров, что она также стоит за «свободу морей» и против экономической войны, но требует уничтожения всех английских морских баз. Германия также согласна на уничтожение всех экономических барьеров между [162] государствами и на сокращение вооружений. Настаивая на безусловном возвращении Германии всех её колоний, Гертлинг требовал перераспределения всех остальных колониальных владений. Он потребовал, далее, отказа Антанты от вмешательства в дела

Востока. Антанта не захотела, говорил Гертлинг, принять участие в мирных переговорах с Россией, поэтому её не должно занимать разрешение восточных вопросов, которые касаются исключительно России и Четверного союза. Будущее устройство прибалтийских провинций затрагивает исключительно интересы Германии и России, и этот вопрос они сами разрешат один на один в Брест-Литовске. Балканские вопросы правомочен разрешать только Четверной союз. Турция сама решит по своему усмотрению все вопросы, связанные с нетурецкими народностями Оттоманской империи.

Устранив фактически и Советскую Россию от участия в определении будущей судьбы прибалтийских областей и Литвы, германские империалисты утверждали, что эти области уже «самоопределились» и «присоединились» к Германии. Гертлинг объявил, что о судьбе и политическом устройстве Польши позаботятся Германия и Австро-Венгрия.

Антанте, пояснял германский рейхсканцлер, нет никакого дела и до того, что Германия сделает на Западе. Подобно тому как она сейчас разрешает все территориальные и политические вопросы на Востоке, она их разрешит и на Западе путём частных соглашений с заинтересованными народами и государствами. «Оккупированные части Франции являются ценным залогом в наших руках. Условия и способ эвакуации этих территорий с учётом жизненных условий Германии должны быть согласованы между Германией и Францией». Но из того, что Гертлинг сказал о Бельгии, явствовало, что она должна была сделаться вассальным государством Германии или в лучшем случае служить разменной монетой при переговорах о всеобщем мире. «Бельгийский вопрос, — сказал рейхсканцлер, — относится к комплексу тех вопросов, детали которых будут урегулированы во время мирных переговоров». До наступления этого момента Германия отклоняла «всякое обсуждение бельгийского вопроса». [163]

Таков был «германский мир», который финансовый капитал и юнкерство считали себя в силах продиктовать всему человечеству. Об этом свидетельствует заключительная часть речи Гертлинга:

«Можете поверить мне, когда я утверждаю, что наше военное положение никогда не было столь благоприятным, как теперь. Высокоодарённые вожди нашей армии смотрят на будущее с нисколько не уменьшившейся уверенностью в победе. Во всей армии среди офицеров и среди солдат живёт ничем не сломленная радость битвы»{207}.

Речь Гертлинга, если не считать отдельных возражений представителей народно-прогрессивной партии и католического центра, удовлетворила все буржуазные партии. Прения показали, что опять наметилось, хотя и отрицаемое на словах, сближение между буржуазными партиями по вопросу о военных целях и стремление к единству, разорванному в июле 1917 г. Речью Гертлинга осталась, по тактическим мотивам, недовольна социал-демократическая партия, которая в общем поддерживала политику нового канцлера.

С критикой речи Гертлинга выступил от имени социал-демократической партии Шейдеман. Он требовал от государственных деятелей Германии не оставаться глухими и слепыми по отношению к мирным программам Ллойд Джорджа и Вильсона, которые, по его мнению, выражают «возрастающую склонность на Западе к миру». По 11 из 14 пунктов Вильсона легко достигнуть соглашения путём переговоров. Надо разъяснить Вильсону, продолжал Шейдеман, относительно Эльзас-Лотарингии, что здесь «исправлять нечего»: 1. «Эльзас-Лотарингия — немецкая земля и останется таковой». 2. Относительно Турции возможно добиться соглашения. 3. Надо сказать ясное слово о Бельгии. «Полное государственное восстановление Бельгии является нашим долгом чести».

Нельзя говорить, указывал Шейдеман, что все 14 пунктов Вильсона непригодны в качестве основы для переговоров, потому что некоторые из них [164] неприемлемы. В заключение социал-демократический лидер сказал:

«Я, к сожалению, должен сказать о речи имперского канцлера, что в ней говорит скорее учёный юрист государственного права и профессиональный дипломат, чем крупный

государственный деятель, который поставил себе задачу дать мир стосковавшейся и истекающей кровью вселенной».

Говоря о том, что надо спасти тех, которых уже предназначили принести в жертву в весеннем наступлении, Шейдеман сказал: «Не забывайте, что настроение масс очень серьёзное». Социал-демократы сделают всё от них зависящее для спасения народа и страны. «Но мы никогда и не подумаем пожертвовать собой за правительство... которое не выполнило своего долга перед народом»{208}.

«Пожертвовать собой» социал-патриотическое руководство партии, конечно, не собиралось, но оно ничего не намерено было сделать и для того, чтобы обеспечить проведение в жизнь намеченной в речи Шейдемана политики и действительно спасти германских солдат, обречённых на гибель в готовившихся наступлениях в Пикардии и Фландрии.

Фишбек от имени народно-прогрессивной партии выступил против аннексий, за подчинение военщины правительству, за самоопределение народов, против признания полуфеодальных немецких организаций в Курляндии и Лифляндии полномочными выражать «волеизъявление народа». Он требовал заключения мира на Востоке на основе резолюции рейхстага от 19 июля 1917 г. «Если правительство не хочет признать самоопределения наций и отказаться от аннексий, тогда правительству незачем было итти в Брест-Литовск».

Фишбек высказался, как и Шейдеман, против включения в мирные переговоры вопроса об Эльзас-Лотарингии, но за открытие переговоров с Антантой.

Несмотря на критику речи Гертлинга, Фшпбек, как и Шейдеман, противопоставлял полигику правительства [165] какой-то иной, не существовавшей в природе, политике и в общем одобрил политическую линию канцлера.

И Тримборн от имени центра одобрил внешнюю политику правительства{209}.

С резкой аннексионистской речью в защиту Гертлинга выступил лидер национал-либеральной партии Штреземан. Видеть в речи Ллойд Джорджа, как это делает Шейдеман, основу для мирных переговоров — это значит избрать неправильный путь. Программа Вильсона неприемлема. «Мы не думаем об аннексии Бельгии, но самостоятельность Фландрии является целью, от которой нельзя отказаться».

Штреземан решительно требовал аннексии Прибалтики и других русских областей. Он с удовлетворением заявил: «К аннексионистам сейчас принадлежат не только прогрессисты, но и социалисты». Штреземан одобрил политическую линию правительства и верховного командования и поведение Гофмана в Брест-Литовске {210}.

Ещё с более агрессивной и аннексионистской речью, чем Штреземан, выступил лидер юнкерско-консервативной партии граф Вестарп. Он требовал территориальных захватов во всём мире{211}.

Лидер независимой социал-демократической партии Ледебур имел полное основание заявить в. своей речи 25 января, что выступление Гертлинга является показателем приспособления правительства к требованиям верховного командования. Похвалы Вестарпа правительству являются приговором его политике и доказательством того, что «образовался новый блок от Фишбека до Вестарпа», т. е. блок прогрессистов, католического центра, национал-либералов и консерваторов. Высказываясь резко против политики правительства, Ледебур защищал мужественную и искреннюю политику советского правительства, которая, как он доказывал на основе фактического материала, была во всём последовательна и честна{212}. [166]

Комментируя речь Гертдинга, «Vorwärts» писал в передовой 25 января, что она могла быть деянием, освобождающим человечество от кошмара, «если бы в ней ясно было выражено, что под германскими желаниями мира не скрывается никаких насильственно эгоистических задних мыслей. Но она этого не сделала; она, к сожалению, скорее способствовала некоторыми своими частями тому, чтобы ещё больше укрепить недоверие у противников к искренности германских заявлений. Это относится особенно к тем частям, которые касаются Польши и Бельгии».

Газета считала, что взгляд, согласно которому урегулирование польского вопроса касается исключительно Германии, Австро-Венгрии и Польши, отвечает целиком насильственному миру, но не миру по соглашению. Занятая Гертлингом позиция в отношении Бельгии вызвала ещё больше сомнений у газеты. Канцлер даже не приблизился, сетовала она, к точке зрения наиболее радикальных английских пацифистов, которые требуют безусловного восстановления Бельгии.

Речь Гертлинга, указывал «Vorwärts», укрепляет у противной стороны подозрение, что Германия пытается повторить на Западе то, что она сделала на Востоке. «Вначале принципиальное признание: «никаких аннексий!», затем раздел Бельгии путём ложного истолкования «права наций на самоопределение» на фламандскую и валонскую половины и вовлечение фландрского побережья в германскую сферу властвования. Это такое разрешение вопроса, на которое Англия не согласится до тех пор, пока она не будет, по пангерманским пророчествам, «поставлена на колени и не будет умолять о мире».

«Vorwärts» сетовал и сокрушался о том, что и пацифисты и аннексионисты извлекут из речи Гертлинга то, что им нравится. Но за границей крепнет убеждение, что «Германия остаётся на своей старой милитаристской и аннексионистской точке зрения»{213}.

Положение это могло способствовать и действительно способствовало укреплению тыла в странах Антанты и [167] помогло руководящим кругам побудить народные массы к большей склонности нести жертвы до тех пор, пока германский империализм не откажется от посягательства на покорение себе независимых стран и народов. Этого больше всего боялись германские социал-патриоты, но этого нисколько не понимали руководящие круги Германии.

Шейдеман и его партия знали лучше правительства настроение масс и чувствовали их давление. Они знали, что на фабриках и заводах готовятся к политической стачке против захватнической программы империалистов и затягивания войны. Они знали также, что Германия не обладает теми силами, которые необходимы для победного мира одновременно и на Востоке и на Западе. Они также знали, что до тех пор, пока Германия может угрожать весенним наступлением на Западе, программа Вильсона является якорем спасения для германского империализма. Они поэтому хотели, чтобы правительство было благоразумным и использовало благоприятную обстановку, для того чтобы выговорить себе сносные условия мира. Они знали, что после поражения на Западе германский империализм будет раздавлен, и, желая предотвратить ту печальную участь, которую он сам себе готовил своей непримиримостью, социал-демократическая партия выдвигала программу, которая могла, по её мнению, служить основой для переговоров о всеобщем мире. Очень показательно для позиции социал-демократической партии, что Шейдеман почти не критиковал восточной программы Германии и по сути дела одобрил намеченные аннексии русских территорий.

Уступая сильному нажиму рабочих масс, выражавших своё возмущение «восточной» политикой правительства, не встречавшей противодействия со стороны социал-демократической партии, партийное руководство увидело себя вынужденным опубликовать 26 января три программных пункта внешней политики, которые гласили: «1. Честное право самоопределения восточных народов, включая право вновь присоединиться к России. 2. Полное восстановление Бельгии (не «валонов и фламандцев»). 3. Возвращение оккупированных областей под единственным условием, что Франция [168] откажется предъявлять претензии на немецкие области»{214}.

Социал-демократическая мирная программа не представляла ничего нового по сравнению о неоднократно уже провозглашавшимися этой партией во время войны требованиями. Для проведения первых двух пунктов в жизнь нужны были не слова, а действия. Свою искренность социал-демократическое руководство могло доказать выступлением не на словах, а на деле в пользу освобождения русских областей. Но оно этого не делало. Этот вопрос стоял в центре всех политических вопросов и волновал сотни миллионов людей во всём мире. Третий пункт «программы» мог быть только приятен правительству. И последнее заявляло, что оккупированные области являются в его руках «залогом», что оно их освободит, еслиполучит должное, вознаграждение. Возвращения Эльзас-Лотарингии требовала не одна Франция. Этого требовала демократия всего мира. Так ставить вопрос об Эльзас-Лотарингии, как это делало социал-демократическое руководство вместе со всеми буржуазными партиями, значило поддерживать политику продолжения войны.

В тот самый день, когда Гертлинг произносил свою речь в главной комиссии рейхстага, Чернин произнёс согласованную с Берлином речь в иностранной комиссии австрийской делегации. Ответ графа Чернина на «четырнадцать пунктов» Вильсона отличался по тону, но не по существу от ответа Гертлинга. Чернин заявил, что Австро-Венгрия не намерена аннексировать ни одного квадратного метра русской территории, но он ничего на сказал относительно восстановления Сербии, Черногории и Албании, урегулирования территориальных вопросов с Италией и Румынией. Он отказался дать обещание эвакуировать занятые австро-венгерскими войсками территории. По поводу Бельгии и Эльзас-Лотарингии Чернин заявил, что эти вопросы касаются исключительно Германии и что Австро-Венгрия будет защищать целость территорий своих союзников в довоенных границах, «как свою собственную». Она также [169] не допустит никаких посягательств на суверенные права своего «верного турецкого союзника». Вежливо, но решительно Чернин отклонил советы Вильсона о предоставлении внутренней автономии угнетённым габсбургской монархией славянским народам, говоря, что это внутренний вопрос, Америки не касающийся, и что австрийская конституция будто бы даёт достаточные гарантии свободы всем национальностям империи.

Вильсоновская мирная программа в целом неприемлема, но, разбирая её условия пункт за пунктом и вкладывая в них своё толкование, Чернин находил, что часть этих условий будто бы уже выполнена Австро-Венгрией, а по другой части можно договориться. Установив, таким образом, «единство» взглядов Австрии и США по основным вопросам, Чернин пришёл к выводу, что оба правительства могут выступить посредниками на основе «четырнадцати пунктов» Вильсона. Непосредственные переговоры представителей обоих правительств могли бы уменьшить имеющиеся ещё разногласия, После чего можно было бы начать мирные переговоры между всеми воюющими странами{215}.

Речь Чернина полна противоречий, как противоречива была сама австро-венгерская внешняя политика.

Признавая программу Вильсона в целом неприемлемой, он отклонил её существенную часть, чем сделал невозможными переговоры с США. Речь Чернина сделала невозможными переговоры и с Англией. Однако выступление Чернина показывает, что Австро-Венгрия нуждалась в мире, хотя не смела этого сказать вслух. Вынужденная итти за Германией, она искала, как это будет ниже показано, тайных путей для переговоров с Англией и США.

Тщательное распределение ролей между Гертлингом и Черниным всё же было вынужденным. Оба министра защищали единую «мирную» программу, но их единогласие было показным и предназначено было для прикрытия действительно существовавших разногласий и противоречий, которые обнаруживались при сравнении речей Гертлинга и Чернина. В то время как первый [170] защищал аннексии во всём мире, второй обязывался лишь отстаивать довоенную территориальную целость центральных держав. Австро-Венгрия едва держалась на ногах и не была в состоянии продолжать войну до тех пор, пока Германия

поставит на колени всех своих противников и добьётся мирового господства. Но сказать это публично она не смела.

Австро-германские противоречия достигли наибольшей остроты во время согласования единой линии поведения и тактики обоих союзников в Брест-Литовске при переговорах о сепаратном мире. Чернин защищал 5 февраля на совещании в Берлине ту точку зрения, что Австро-Венгрия обязана отстаивать лишь территориальную целость довоенной Германии, на что Людендорф возразил: «Мир, который обеспечит только территориальный Status quo, будет означать, что мы войну проиграли». Проведение всей аннексионистской программы на Востоке Людендорф и все германские министры считали вещью само собой понятной и не допускали никаких послаблений в Брест-Литовске. Верховное командование и часть министров настаивали на том, что Австро-Венгрия обязана поддерживать любые территориальные захваты Германии и на Западе, которые, по толкованию Людендорфа, необходимы для обеспечения безопасности индустриальных районов и «улучшения границы». А «лучшие западные границы имеют для Германии оборонительный характер»{216}.

Чернин не соглашался с таким толкованием обязанностей Австро-Венгрии. Дело дошло до резких столкновений между генералом и министром, но соглашения достигнуто не было.

Чернин упрекал своих германских союзников в том, что они не проявляют доброй воли в разрешении австро-польского вопроса, и сослался при этом на упоминавшуюся уже смешанную комиссию в Каттовицах, где немецкая делегация требовала не только присоединения к Германии всего Домбровского угольного бассейна, но также и части Галиции, что нельзя было согласовать с союзными отношениями. Людендорф возразил, что австрийское предложение, согласно которому к Германии [171] должна перейти узкая полоса в 2–3 км Домбровского бассейна, неосновательно. На поставленный в упор вопрос, какая военная граница нужна для обороны Каттовиц, Людендорф дал «теоретический ответ», сказав, что действительная оборона лишь тогда будет достигнута, «когда также и указанные части Галиции перейдут к Германии»{217}. «Когда спор становился все более горячим, — пишет Чернин, — меня толкнул Гертлинг и шепнул мне: «Оставьте его, мы оба устроим это без Людендорфа»{218}.

Разногласия между руководящими кругами центральных держав по поводу брестских переговоров не были тогда известны широкой общественности. Но весь мир знал о невероятно тяжёлых требованиях, предъявленных германскими империалистами Советской республике вопреки данным ими торжественным обещаниям заключить мир на основе отказа от аннексий и контрибуций.

Происходившая в Брест-Литовске неравная борьба политически укрепила Антанту. После того как германские империалисты растоптали солдатским сапогом шесть советских условий мира, «четырнадцать пунктов» Вильсона ещё больше выиграли в глазах рабочих и демократических элементов всего мира при сравнении их с грабительской брестской программой Людендорфа и Гинденбурга.

Клемансо и Ллойд Джордж использовали создавшееся политическое настроение для консолидации внутренних сил, для сплочения масс вокруг программы Вильсона, которую стали называть «мирной программой демократии и рабочего класса».

Убеждая конференцию тред-юнионов в Лондоне согласиться на повышение предельного возраста призываемых в армию, Ллойд Джордж заявил 18 января, указывая на «уроки Бреста», что лишь победа над Германией обеспечит достижение военных целей рабочего класса. Добиться же от Гинденбурга, Людендорфа и кайзера или от крупных магнатов германского [172] капитала удовлетворения этих требований можно только победив их. Войну можно кончить лишь в том случае, если «англичане и союзники будут хорошо драться». Мирным путём от Германии ничего нельзя добиться. Что касается восстановления

Бельгии, которое, сказал Ллойд Джордж, отстаивает английский рабочий класс, то Гинденбург не понимает иной аргументации, кроме силы. «Надо ему аргументировать тред-юнионистскими пушками, обслуживаемыми тред-юнионистами и с тред-юнионистами позади них». Это — война, продолжал Ллойд Джордж, между милитаризмом и демократией. У английской демократии имеются два выхода: продолжать борьбу или погибнуть. Желая заручиться поддержкой тред-юнионов в правительственной политике, Ллойд Джордж заявил, что переговоры с немцами будут начаты, как только те выразят готовность обсуждать вопросы мира на приемлемых условиях, принятых рабочей партией{219}.

Ход брестских переговоров оказал большое влияние на рабочие массы в странах Антанты и США и сделал их более склонными сносить все тяготы войны и верить своим правительствам, которые обещали избавить их от участи, подобной той, какую германский империализм навязывал Советской республике.

Нарушение публично взятых на себя обязательств закончить мир на основе самоопределения наций и без аннексий и контрибуций, предъявление советскому правительству чудовищных аннексионистских требований и намеренный отказ правительства сделать что-нибудь в пользу всеобщего мира, бешеное сопротивление юнкерства проведению демократического избирательного закона в Пруссии и безответственное отношение правительства к этому коренному политическому вопросу вопреки данному торжественно обещанию; всё усиливающийся голод; угроза активизации военных действий, с одной стороны, и покровительство правительства пангерманским аннексионистским планам — с другой стороны, — всё это вместе взятое, привело к крайнему недовольству германского рабочего класса и солдат. [173]

11. Германский тыл и фронт во время переговоров в Брест-Литовске. «Четыре принципа» Вильсона

События в Австро-Венгрии произвели удручающее действие на аннексионистские круги Германии и ободряюще повлияли на рабочих и на буржуазно-демократические элементы. Усилился разброд в политических партиях, увеличились шатания в правительственных кругах, углубились разногласия между правительством и ставкой. Взаимоотношения между канцлером, Гинденбургом и Людендорфом были натянуты. «Политика имперского руководства расплывчата, — писал прогрессист Конрад Гаусман в 20-х числах января, — отношения с верховным командованием неискренни. Последнее стоит на точке зрения необходимости передачи ему «руководства» и ожидает от этого большей твёрдости»{220}. В самом правительстве не было единогласия. Каждое министерство имело свою линию. Отношения между рейхстагом и правительством не наладились. Всё больше и больше становилось людей среди политических партий, которые начали сознавать, что продолжение реакционного и аннексионистского курса приведёт к проигрышу войны. Те политические круги, которые продолжали стоять на платформе резолюции рейхстага от 19 июля, были озлоблены постоянным давлением Гинденбурга и Людендорфа на правительство в пользу всё увеличивающихся аннексий. Речь Гертлинга подтвердила наихудшие опасения и явилась свидетельством: полного подчинения политической власти верховному командованию. Она была последней каплей, переполнившей чашу терпения германских рабочих.

Эта речь произвела тяжёлое впечатление на различные классы Германии. Тот же Гаусман писал несколько дней спустя после речи Гертлинга:

«В центре царит уклончивость, придавленность. Раздумывают о том, открыто или молчаливо поддерживать резолюцию от 19 июля... В социал-демократической партии царит сдержанное недовольство развитием событий. [174]

Шейдеман хочет сделаться «антигосударственником». Нужда населения оказывает сильное давление на партию. Зюдекум считает «большевистское» нашёптывание со стороны

немецких товарищей отдельным депутатам очень большой опасностью».

Народная партия была наполовину расколота. Она считала, что не следует «уступать врагам» и что пацифистской политикой ничего нельзя добиться. «Настроение в партии невесёлое». Не лучше обстояло и среди правых партий: «Консерваторы и национал-либералы жалуются на неуверенность. И в печати незаметно свежего тона в пользу правительства. Публика мало-помалу ждёт с нетерпением стачки»{221}.

В Брест-Литовске происходила в течение всего января неравная борьба между советской и германской делегациями, которая, однако, ни на шаг не приближала к миру. Обе делегации разделяла непроходимая принципиальная и политическая пропасть. Советское правительство понимало, что при существующем соотношении сил и отсутствии достаточной поддержки со стороны западноевропейского пролетариата ему придётся подписать германский грабительский мирный договор. Однако оно не намеревалось признавать, что аннексия Польши, Литвы и Курляндии не является аннексией и представляет собой осуществление права наций на самоопределение. Немецкая делегация в Брест-Литовске во главе с Кюльманом и Людендорфом требовала, чтобы в договоре была выражена мысль, что право нации, на самоопределение признаётся и никаких аннексий не производится, но это признание не должно было мешать Германии аннексировать всё, что она считает возможным и нужным. Немецкий империализм, таким образом, присваивая себе всё, что он захватил, добивался от советского правительства, чтобы оно ему выдало свидетельство о благородном поведении. По этим причинам на мирной конференции неделями спорили по следующим принципиальным вопросам: 1) выразило ли уже население Польши, Литвы и Курляндии своё право на самоопределение, как это утверждала немецкая сторона, или же должен ещё состояться опрос населения, как то требовала советская [175] сторона; 2) должен ли принять опрос форму плебисцита или же он должен быть произведён иным путём; должен ли опрос населения быть произведён во время оккупации или после эвакуации названных областей; 3) должен ли производиться опрос населения на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования или же по куриям. Помимо этих принципиальных споров относительно понимания и практического истолкования лозунга права наций на самоопределение имелись ещё и другие важные расхождения. Советская делегация считала неприемлемой предложенную германским верховным командованием линию границы, а именно:

1) Советская Россия не могла согласиться на уступку островов в Рижском заливе, так как они представляли в руках Германии угрозу Петрограду;

2) она не соглашалась на уступку Риги и

3) требовала перенесения границы за линию фронта в Литве.

Людендорф и слышать не хотел о каком бы то ни было компромиссе в территориальных вопросах, так как он уже тогда готовил наступление на Петроград.

Советская делегация, наконец, протестовала против переговоров Германии и Австро-Венгрии с Украинской радой, так, как ни Рады, ни правительства Винниченко уже фактически не существовало. Она предложила немцам послать офицера в Киев и убедиться в исчезновении правительства, с которым собираются заключить мир с целью получения предлога для интервенции во внутренние дела Советской России{222}.

Советское правительство понимало, что принципиальные и политические споры с германским империализмом в Брест-Литовске, не могут изменить в данный момент соотношения сил на фронте, но нельзя было молчаливо согласиться с попранием немецким сапогом права наций на самоопределение, согласиться на насильственный мир и признать, что он таковым не является.

Однако советская делегация в Брест-Литовске не могла и не должна была, отстаивая

правое дело, доводить спор до разрыва переговоров и возобновления войны, так как [176] это могло создать опасное положение для всей социалистической революции. Именно поэтому Ленин и Сталин дали советской делегации директиву не доводить дело в Брест-Литовске до разрыва.

За происходившей в Брест-Литовске неравной борьбой, как показали события в Австро-Венгрии, следили народные массы во всём мире и в первую очередь в центральных державах. Гласность переговоров давала возможность народным массам быть информированными о том, кто срывает мирные переговоры. Референт комиссии рейхстага по исследованию причин поражения Германии в 1918 г., социал-демократ и бывший приват-доцент Берлинского университета Артур Розенберг пишет: «Логика простого человека была на стороне русских: кто хочет мира по соглашению и презирает завоевания, тот должен в первую очередь очистить территории, которые он оккупировал на той стороне границы. Если он этого не желает, то он имеет задние мысли и завоевательные планы. Когда у немецкой делегации во время этого турнира не оставалось никакого выхода, тогда вынужден был вмешаться генерал Гофман. Он заявил 12 января русским, что Германия является победительницей и что необходимо исходить из этого факта»{223}.

Советское правительство нисколько не было удивлено выступлением Гофмана, оно, как показал весь ход переговоров в Брест-Литовске, не питало иллюзий насчёт возможности заключения с германскими империалистами мира по соглашению. Иначе восприняли выступление Гофмана германские рабочие, которых уверяли, что в Германии господствует парламентский режим и отныне нет препятствий на пути к миру. Ход переговоров в Брест-Литовске разоблачил весь этот обман. «Но выступление Гофмана в Брест-Литовске, — пишет тот же Артур Розенберг, — стало потому столь значительным, что оно сорвало завесу с иллюзий, которые народные массы себе создали после июля 1917 г. о военных целях правительства. После мирной резолюции и со времени немецкого ответа папе считали, что правительство, несмотря на агитацию пангерманцев, стоит за мир по соглашению. Теперь впервые все мирные формулы сразу поставлены [177] на испытание и обнаружилась воля к беспощадному победному миру. Рабочие убедились, что все старания в пользу мира по соглашению были напрасны и что пангерманцы всё же являются господами положения»{224}.

Партии большинства рейхстага не выступили в защиту мира по соглашению, который Людендорф топтал ногами в Брест-Литовске, не потому, что они были дряблы и бессильны действовать. Имелись более серьёзные причины: они заключались в том, что большинство рейхстага полностью одобряло политическую линию правительства и военщины. Нельзя согласиться с Артуром Розенбергом, что социал-демократы, католический центр и прогрессисты потому якобы не выступили против политики верховного командования в Брест-Литовске, что у них не было единой политической линии в вопросе о мире на Востоке. Как раз наоборот. Как известно, все три партии в прошлом одобряли восточную политику Бетман-Гольвега. Они все защищали требования отделения от царской России Польши и Курляндии и образования из них «независимых» государств. Ничего не изменилось и после гибели царизма и победы социалистической революции в России. Три партии большинства рейхстага попрежнему не допускали мысли о возвращении оккупированных трёх провинций Советской России. Они лицемерно заявляли, что в будущем, когда война окончится, они будут настаивать на праве поляков, литовцев, белоруссов и латышей самим решать вопрос о своей государственной принадлежности, но в данный момент они отстаивали вместе с Людендорфом общую задачу: отстранение Советской России от всякого участия в делах пограничных областей.

«Таким образом, — пишет далее Артур Розенберг, — рейхстаг мог в отдельных случаях критиковать методы, которые Кюльман и Гофман применяли в Брест-Литовске, но они принципиально ничего не могли возразить против линии немецкой восточной политики. Таким образом, верховное командование сумело добиться в Брест-Литовске цели без серьёзной помехи со стороны рейхстага» {225}. [178]

То, чего не могли сделать немецкие «оппозиционные» партии, и в том числе социал-демократическая партия, в силу своей связанности с правительством «круговой порукой», сделала рабочая масса.

28 января разразилась всеобщая стачка протеста в Берлине на заводах военного снаряжения, которая с быстротой молнии распространилась по всей Германии. К берлинцам примкнули рабочие Мюнхена, Нюрнберга, Маннтейма, Людвигсгафена, Киля, Гамбурга, Бреславля, Магдебурга, Данцига, Галле, Гота, Дортмунда, Бохума и других промышленных районов. В одном Берлине бастовало около 500 тыс. рабочих, а во всей Германии больше 1 млн. человек. Во главе стачки, так, же как и в Вене и Будапеште, стоял совет рабочих депутатов. Из предъявленных правительству семи требований, принятых на собрании рабочих депутатов, только одно касалось улучшения продовольственного снабжения. Остальные шесть пунктов были чисто политическими требованиями. Рабочие требовали немедленного заключения всеобщего мира на условиях, предложенных советским правительством, отмены осадного положения, введения всеобщего избирательного права в Пруссии, освобождения политических заключённых и т. п. Однако ни одно из семи требований не выходило за пределы программы большинства рейхстага и не содержало ничего социалистического.

Всеобщая стачка в Берлине, как и в Вене, возникла против желания руководства обеих социал-демократических партий и профессиональных союзов. Они были решительными противниками стачки и противниками воздействия на правительство «внепарламентскими» средствами.

Берлинская всеобщая стачка была направлена против войны. В листовке «Спартака», выпущенной перед началом всеобщей стачки и намечавшей основные политические цели забастовки, говорилось:

«Наша всеобщая забастовка должна быть не бессильным «протестом», не ограниченной заранее определённым сроком пустой демонстративной стачкой, а решительным боем». Завоевание минимальных требований — восстановление всех политических свобод и освобождение всех политических заключённых — необходимо для того, «чтобы свободно развернуть борьбу за власть, за [179] народную республику в Германии и за немедленный всеобщий мир»{226}.

Листовка призывала рабочих к бдительности и предостерегала их от проникновения в забастовочный комитет социал-предателей. «Следите за тем, — читаем мы в ней, — чтобы в комитеты ни в коем случае не прошли вожди профессиональных союзов, правительственные социалисты и другие «оборонцы».

Правительственные социал-демократы всё же проникли в забастовочный комитет, как рассказал через месяц Шейдеман в рейхстаге, «после того как стачка уже началась, после того как требования рабочих уже были выставлены, после того как совет рабочих депутатов уже собрался, после того как этот совет рабочих уже выбрал исполнительный комитет»{227}.

С какой целью правительственные социал-демократы проникли в совет и в забастовочный комитет, об этом Шейдеман показал в 1924 г. на Магдебургском процессе следующее:

«Мы вступили в забастовочный комитет с ясно выраженным намерением — путём переговоров с правительством как, можно скорее привести забастовку к, концу... Если бы мы тогда не вступили в стачечный комитет, то суд сейчас не мог бы здесь заседать». Правительственные социал-демократы проникли в стачечный комитет, как засвидетельствовал последний имперский канцлер Вильгельма II принц Макс Баденский, с намерением предать забастовку:

«Правление профсоюзов не принимало участия в забастовке. Наоборот, старая социал-

демократия сделала всё, чтобы удержать рабочих. В течение месяца она вдалбливала им истину: большевизм означает крах всякой благоустроенной свободы... Раз забастовка продолжалась, в ней приняли участие и профсоюзы, с тем чтобы предостеречь, чтобы движение не вылилось в противовоенное» {228}.

В ответ на закрытие «Vorwärts» и других периодических изданий, запрещение стачечному комитету [180] устраивать собрания для обсуждения текущих вопросов печатники прекратили работу и встали, по выражению Шейдемана, «на защиту свободы печати», нарушенной правительством в пользу юнкерско-буржуазных классов. Столица и почти вся страна оставались несколько дней без газет и печатного слова. В стачке принимали участие рабочие разных политических направлений: члены социал-демократических свободных профессиональных союзов, члены католических и жёлтых союзов, либерального союза Гирш-Дункера. Гамбургский гиртл-дункеровский союз выплачивал даже пособия бастовавшим рабочим{229}.

Под давлением революционных рабочих социал-демократическая партийная комиссия приняла 30 января резолюцию, в которой потребовала от правительства: 1) обеспечения равномерного распределения имеющихся у производителей продовольственных запасов между всеми классами населения; 2) отмены осадного положения и отмены всех распоряжений, стесняющих свободу слова, собраний, печати и т. д.; з) отмены милитаризации предприятий; 4) быстрого проведения всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права в Пруссии и 5) заключения всеобщего мира без открытых и прикрытых аннексий и контрибуций на основе демократических принципов самоопределения наций{230}.

Правительство отказалось вступить в какие бы то ни было переговоры со стачечниками, объявив их действия изменой отечеству и учредив специальные суды для быстрой расправы с рабочими. Озлобление рабочих было так велико, что они обсуждали вопрос о разрушении некоторых жизненно необходимых предприятий.

Всеобщая стачка в Берлине; была подавлена. 50 тыс. активных участников стачки были в виде наказания отправлены на фронт. Последней мерой правительство ухудшало собственное положение: активисты способствовали революционизированию армии.

Сломив с помощью правительственных социал-демократов рабочее движение в Берлине, правительство Гертлинга справилось с забастовкой и в других промышленных [181] центрах. Тем не менее стачка потрясла сверху донизу всю экономическую жизнь страны: многие предприятия бездействовали 7–8 дней.

После расправы с германскими революционными рабочими Эберт писал своему сыну на фронт: «Наши войска завоевали глубокую благодарность народа. За последние дни здесь начались кое-какие бессмысленные забастовки вследствие сокращения хлебного пайка. Такое нелепое хулиганство не служит миру, а, лишь увеличивает боевую силу врагов».

Страстно желали мира не только рабочие, но и значительная часть солдат. Солдатские и даже офицерские письма конца 1917 г. свидетельствуют о глубокой ненависти авторов этих писем к аннексионистам, «этой банде, которая там, дома, говорит о завоеваниях» и обогащается на военных поставках.

Комендanты вокзалов жаловались в ноябре и в декабре 1917 г. на недисциплинированность и распущенность солдат проходящих эшелонов.

В письме от 20 ноября с русского фронта унтер-офицер 2-го пехотного гвардейского полка Иоган Осмерс писал со жгучей ненавистью о тех, которые требовали продления войны. «Надо ещё основательно поработать, для того чтобы покончить с этим сбродом. Надо надеяться, что скоро будет конец этому массовому душегубству»{231}.

Стрелок Людвиг Шредер писал 20 января 1918 г. родителям: «Всем нам наплевать, получим ли мы Курляндию или нет, был бы только мир». «Не верьте, — продолжал далее Шредер, — что мы будем молчать обо всём, что мы видели и пережили. В Германии всё должно перемениться. Прусский офицер не должен оставаться господином в государстве» {232}.

Мы привели выдержки из наиболее типичных писем, рисующих политическое настроение солдат того времени. Весть о январской стачке была горячо встречена, и вызвала радость у солдат на фронте. Солдаты начали сознавать, что по вине господствующих классов войне не будет конца. В результате бесконечных «побед», писал один солдат 1 февраля, «весь мир объят пламенем, [182] все троны шатаются и наверное ещё больше их повалится, чем до сих пор низвергнуто»{233}.

Особенно возмущала солдат захватническая политика и «ненасытность обожравшегося империалистического зверя» на Востоке. «Стыдно за такую сволочь быть на фронте и отдавать свою жизнь», — писал 3 февраля 1918 г. вахмистр 1-го артиллерийского полка Мейнхардт. И несколькими строками ниже он продолжал: «Неужели этот сброд действительно не понимает, что он добьётся обратных результатов» {234}.

Об упадке боевого духа, германской армии зимой 1917/18 г., о падении дисциплины, неповиновении и дезертирстве говорится в упомянутом выше официальном докладе исследовательской комиссии рейхстага: «В феврале и марте 1918 г. сообщения (о распущенности. — Ф. Н.) участились. Из окон поездов производилась усиленная стрельба. Нижние чины при всякой возможности выходили из вагонов, после чего их трудно было заставить войти обратно. Многие солдаты уходили без всяких разрешений на вокзалы» {235}.

Такие случаи не были единичными явлениями. Официальные документы, переписка и дневники того времени свидетельствуют о значительном падении боевого духа германских солдат с осени 1917 г. Мощное выступление передовых рабочих в пользу всеобщего мира и в защиту революции в России и последовавшая вопреки этому победа крайних аннексионистов в Германии оказали большое влияние на политику правительств Антанты и на общественное мнение этих стран. Нельзя было замазать той политической трещины, которая уже давно образовалась между Австро-Венгрией и Германией и которую всеобщая стачка в Австрии, осветила с особенной яркостью, несмотря на заверения Чернина, что Австро-Венгрия будет драться за территориальную целость её союзников.

11 февраля Вильсон подверг в конгрессе резкой критике выступления Гертлинга и Чернина, заявив: «Метод, предложенный германским канцлером, — это метод Венского конгресса. Мы те можем и не хотим к нему [183] возвращаться. То, что поставлено теперь на карту, — это мир всего мира. То, за что мы боремся, — это новый международный порядок, основанный на широких и всеобщих принципах права и справедливости, а не просто мир лоскутков и заплат».

Вильсон провозгласил лозунг: «Справедливый мир — дело каждого человека» и выдвинул следующие новые «четыре принципа», которые должны быть положены в основу будущего миропорядка:

1. Будущий мир должен быть во всех своих частях основан «на всеобъемлющей справедливости» и способствовать упрочению постоянного мира.

2. «Народы и территории не должны служить меновым товаром, переходящим из-под одного суверенитета под другой суверенитет, как если бы они были просто движимостью или пешкой в игре».

3. Территориальные изменения должны быть произведены в интересах и на благо населения, которого они касаются, но не во благо соперничающих государств.

4. «Все хорошо обоснованные национальные стремления» должны получить полное удовлетворение, если оно не вызовет новых распрей и антагонизма, способных нарушить мир Европы, а следовательно, и всего мира»{236}.

Вильсон упорно преследовал одну и ту же цель. Своими «четырнадцатью пунктами» и «четырьмя принципами» демократического и справедливого мира президент хотел ослабить политическое значение шести советских условий мира, отнять у них их притягательную силу и указать народным массам, что у них нет иного выбора, кроме продолжения борьбы с Германией и её разгрома. Вильсон кроме того преследовал и другую цель. Он, по выражению Хауза, «раскладывал костёр за спиной Людендорфа»{237} и всё ещё пытался привлечь на сторону антантовской «мирной программы» либеральные элементы Германии. [184]

12. За кулисами дипломатии

Одновременно с публичной дипломатической борьбой обеих группировок держав, выражавшейся в речах государственных деятелей и в провозглашении «мирных программ», развивала очень оживлённую деятельность и секретная дипломатия. Правительства США, Англии и Франции, с одной стороны, Чернин и император Карл — о другой стороны, вели через доверенных лиц секретные переговоры, преследовавшие диаметрально противоположные цели. Правительства союзных стран добивались посредством больших уступок Австро-Венгрии её отрыва от Германии, желая этим путём ускорить победу над последней. Чернин же, наоборот, знал хорошо, что Германия, преследуя свои несбыточные цели установления мирового господства, увлечёт за собой в бездну лоскутную империю, но, желая итти с союзницей до конца, он прилагал всяческие усилия к тому, чтобы сделаться «посредником» между Германией и её противниками и предотвратить гибель обеих империй. Император Карл преследовал чисто династические цели. Он и его неофициальные советники хотели использовать сложную обстановку для осуществления несбыточной средневековой мечты о создании в центре Европы автократического католического государства с Габсбургами во главе и под патронатом римского первосвященника.

В то время, когда Чернин препирался в Берлине с Людендорфом и пытался сблизить австрийскую и германскую точки зрения по вопросам войны и мира, вблизи Берна встретились в начале февраля доверенные лица императора Карла и президента Вильсона — известный знаток международного права, друг и наставник императора, прелат Ламмаш и друг президента профессор Джордж Херрон.

При первой встрече Ламмаша с Херроном, состоявшейся 3 февраля, тайный эмиссар Карла поведал ему, что император желает завязать с Вильсоном секретные переговоры без ведома Германии и других союзников Австро-Венгрии. Необходимо, по словам Ламмаша, построить мост между Веной и Вашингтоном, так как от [185] этого зависит судьба всего мира. Чернину доверить нельзя, потому что он находится под влиянием Пруссии и его примирительная речь в делегации была произнесена по личному ультимативному требованию императора Карла. Последний, по словам Ламмаша, горел желанием ввести новую конституцию, избавиться от прусской гегемонии и установить новую политическую ориентацию, особенно сблизиться с США. В этом намерении его поддерживает императрица Цита.

План, разработанный Карлом и Ламмашем, заключался в следующем:

1. Президент Вильсон даёт в послании к американскому сенату оценку речи Чернина и характеризует её как симптом готовности Австрии к примирению. Император пишет письмо папе, сообщая, насколько позволят обстоятельства, о стремлении к объединению народов

Австро-Венгрии и к их самостоятельному развитию; это письмо опубликовывается.

2. Император поддержит предложение Вильсона о разоружении и образовании Лиги наций при условии, что мирный конгресс начнёт свою работу именно с этого, а не с географических деталей. Таким образом, вопрос о границах утратил бы свою остроту, и все народы во всём мире, или по крайней мере вошедшие в Лигу наций, получили бы право на избрание своего правительства или хотя бы на автономию. Это облегчило бы переговоры об Эльзас-Лотарингии, Ирландии, итальянской ирредента и т. п.

3. Переустройство Австро-Венгрии совершается соответственно программе Вильсона: объединение каждой из всех населяющих её национальностей в собственном государстве; объединение южных славян в единое государство, в которое включаются Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Далмация; образование самостоятельных государств польского, австрийского, трансильванского, венгерского; итальянцы, оставшиеся в пределах империи, образуют независимую провинцию наподобие прежних вольных городов.

Без помощи США в этом деле, говорил Ламмаш, Австрия не может обойтись. У неё есть два серьезных врага: мадьяры, захватившие власть в империи, и [186] Пруссия, командующая Австро-Венгрией в силу создавшегося в ней внутреннего положения.

На возражение Херрона, что слова Ламмаша находятся в противоречии с заявлениями Чернина и что Австро-Венгрия едва ли позволит США вмешиваться в её внутренние дела, Ламмаш ответил, что, наоборот, она просит США об этом, просит продиктовать ей такие условия мира. Тогда и Германия не посмеет отказаться от заключения мира, потому что в противном случае Вюртемберг, Бавария и вся южная Германия присоединятся к Австрии. Если же Германия все-таки откажется, то Австро-Венгрия заключит сепаратный мир.

Второе свидание тайных посланцев, происходившее 4 февраля, ничего принципиально нового не внесло. Американец внушал Ламмашу, что в качестве профессора, друга и прелата католической церкви ему нетрудно будет убедить императора, взять инициативу переустройства Австро-Венгрии на изложенных им началах, и тогда поддержка США будет ему обеспечена. Херрон отверг предложение Ламмаша о предоставлении инициативы Ватикану, так как это государственный, а не религиозный вопрос, а также и потому, что папа не является авторитетом для США. Ламмаш в заключение ещё раз настаивал на том, чтобы Вильсон признал заявление Чернина удовлетворительным до того как император приступит к осуществлению предложенной программы реорганизации Австро-Венгрии{238}.

Установленная связь между императором Карлом и Вильсоном через Ламмаша — Херрона осталась тайной для Чернина. Послание президента конгрессу от 11 февраля с его дополнительными «четырьмя принципами» мира послужило основой для отправки императором и его министром формального предложения Вильсону приступить к выяснению некоторых вопросов, связанных с будущим миром. Император Карл обратился 20 февраля к испанскому королю с просьбой передать [187] президенту США секретное послание, выражавшее официальную точку зрения Австро-Венгрии на американскую мирную программу. В переданном документе, датированном 17 февраля, говорилось, что император Карл принимает «четыре принципа» Вильсона, объявленные им в речи 11 февраля, за основу для мирных переговоров.

Император обещал сделать всё от него зависящее с целью склонить всех его союзников к отказу от аннексий, если Вильсон со своей стороны сделает то же самое. Он допускал изменение границ в результате дружественных переговоров, если эти изменения будут произведены «в интересах и на благо заинтересованных народов». Карл при этом выставил свой принцип, который, как он полагал, позволял сохранить лоскутную империю в неприкосновенном виде. Он считал, что мирная программа Вильсона гибка и допускает диференцированный подход к разрешению территориальных вопросов в разных частях Европы. Эта программа допускает дружественные переговоры между любыми двумя

соседними государствами по поводу территориальных «изменений границ в интересах и на благо заинтересованных народов». Такие соглашения между двумя государствами ничего общего не имеют «с насильственным перемещением из-под суверенитета одной державы под суверенитет другой». Карл считал, что такие территориальные соглашения должны иметь место в таких «частях Европы, где прежде не имелось определённых границ, как, например, в местностях, населённых болгарами». Но при этом «должен быть сохранён принцип, что ни одно государство не должно выигрывать или терять чего-либо и что довоенные владения всех государств должны рассматриваться как неприкосновенные». Император принимал за основу для переговоров и «четвёртый принцип» президента, желая, чтобы будущий мир не увеличивал, а уменьшал количество причин для возникновения конфликтов.

Император соглашался удовлетворить национальные требования итальянцев в Тироле, но в свою очередь требовал «представления неоспоримых доказательств и выражений народной воли этой части нашей страны».

Признавая принцип полного отказа от аннексий, [188] Карл распространял его и на Бельгию. Он полагал, что такие вопросы, как расширение Сербии и предоставление ей выхода к морю, и многие другие вопросы должны быть детально обсуждены между австрийскими и американскими представителями и подготовлены для представления их на широкую конференцию.

Император одобрял предложения Вильсона о предупреждений будущих конфликтов, о разоружении и о свободе морей. Он считал, что между его принципами и принципами президента существует полная гармония, и выражал надежду, что встреча представителей обоих государств «сможет значительно приблизить человечество к миру, которого страстно жаждут все государства»{239}.

Изучение «четырнадцати пунктов» и «четырёх принципов» Вильсона и официального предложения Чернина — Карла приводит к заключению, что ничего общего между ними не имеется и что они находятся в резком противоречии друг с другом. Карл и Чернин предлагали положить в основу будущего мира Status quo ante bellum (сохранение довоенного положения вещей), в то время как программа Вильсона предусматривала «исправление причинённых несправедливостей в прошлом, как, например, возвращение Эльзас-Лотарингии Франции, восстановление Польши и др. Карл соглашался на некоторое расширение Сербии, но требовал увеличения за её счёт Болгарии. На этой основе, которая означала бы победу центральных держав и которая ничего общего не имела с предложениями Вильсона о «справедливом мире», дальнейшие переговоры были невозможны, если бы с ней даже была согласна Германия, чего на самом деле не было.

Предложение Карла — Чернина находилось в полном противоречии с предложениями Карла же, переданными через Ламмаша, что говорило о неискренности того и другого и вызывало подозрение, что центральные державы ведут секретные переговоры лишь для того, чтобы посеять разногласия между союзниками и нарушить их боевое единство. [189]

Когда Вильсон попросил Вальфура высказать своё суждение относительно полученных им двух предложений, британский министр иностранных дел ответил 27 февраля, что он относится отрицательно к предложению Карла — Чернина, выражающему, по его словам, политику Германии. Бальфур считал, что переданные профессором Ламмашем предложения императора Карла, в которых недвусмысленно признано «право народов выбирать форму правления» и выражено желание применить принцип самоопределения к своим собственным владениям, могут «стать отправным пунктом» для переговоров. Однако и предложения Ламмаша вызывали у Бальфура серьёзные возражения, так как в них не приняты во внимание интересы Италии и интересы других национальностей. Принятие этих предложений, писал английский министр иностранных дел, могло бы посеять вражду между союзниками и заинтересованными славянскими национальностями, о благе которых столь заботится президент. Бальфур считал, что переговоры с Австрией на основе предложений Ламмаша

представляют опасность для Антанты. Славянские народы очень часто бывали обмануты обещаниями самоуправления, и они не ощущают осязательной разницы между их настоящим положением, т. е. между их полным подчинением немецкому и мадьярскому меньшинству в монархии, и тем «самоуправлением», которое им будет предоставлено на основе применения принципа самоопределения в той же Австро-Венгрии. Если славянские народы убедятся, что они не добьются радикального изменения их положения, то они не захотят дольше проливать свою кровь за дело союзников, которое станет для них чужим делом. Бальфур признал, что успех Антанты зависит от готовности славянских народностей итти на жертвы. И поэтому не следует преждевременно отталкивать от себя эти народы.

«Будущее войны в значительной степени зависит, — продолжал Бальфур, — от поддержания энтузиазма итальянцев и антигерманского фанатизма славянского населения Австрии. Как итальянцы, так и славяне весьма легко приходят в уныние и скоро вычитывают из речей иностранцев доказательства, что их интересы. забыты и преданы». [190]

Бальфур напоминал президенту, что Австрия может использовать переговоры для того, чтобы «убедить славян, что им нечего надеяться на союзников», так как они сами добиваются заключения мира с центральными державами. В заключение Бальфур сообщал, что следует всё-таки пойти на некоторый риск для того, чтобы установить, насколько Ламмаш выражает взгляды императора и насколько последний готов принять их за основу переговоров. Что же касается австро-германских предложений, поступивших через Испанию, то Бальфур находил, что они целиком противоречат мирным условиям Вильсона, и он не считал возможным «примирить эти разногласия на конференции»{240}.

Вильсон не расходился с Бальфуром в оценке предложения Карла — Чернина и Ламмаша. Не считая их за подходящую основу для переговоров, он тем не менее не хотел обрывать установленных связей и отталкивать от себя императора. На обращение Карла президент ответил через испанского короля письмом от 5 марта 1918 г., в котором он просил императора высказаться с большей ясностью относительно «четырёх принципов», содержащихся в его послании от 11 февраля. «В моём послании от 11 февраля я стремился лишь может быть с большей ясностью, чем раньше, сформулировать принципы, которые я пытался набросать окончательным образом в моём послании конгрессу 8 января сего года». Вильсон отклонил предложение Карла о встрече уполномоченных, так как его мирная программа так подробно изложена, что встреча доверенных лиц ничего к ней не прибавит. Наоборот, президент хотел бы познакомиться с «такой же подробной программой австрийского императора» и тогда он решит, «стоит ли труда интимное и личное сравнение точек зрения».

Касаясь неопределённого замечания Карла относительно Балканского полуострова и Италии, Вильсон просил сделать положительные и конкретные предложения по этим вопросам, а также сделать предложения, направленные на «устранение балканских неурядиц и удовлетворение национальных стремлений тех [191] славянских народностей», которые живут в его империи. Вильсон, далее, запрашивал о конкретных предложениях Карла относительно разрешения адриатического вопроса, уступок, Италии, устранения вражды и противоречий между балканскими государствами, которые, по его мнению, ещё увеличились и углубились во время войны. Он также просил высказать своё суждение относительно разрешения судьбы нетурецких национальностей в Турции. Только имея эти данные, он смог бы решить, как далее содействовать делу мира. В заключение Вильсон заверял Карла, что он не стремится ни к стратегическим, ни к материальным выгодам. Он добивается исключительно «справедливого соглашения, которое даст вселенной справедливый и этим самым также и длительный мир» {241}.

Когда Вильсон вызвал французского посла, чтобы информировать его относительно своих секретных отношений с австрийцами, то он «ожидал бури», но ничего подобного не случилось. Жюссеран сказал, что президент «поступил мудро». Секрет заключался: в том, что в начале февраля 1918 г. доверенное лицо Карла и Чернина, граф Ревертера, и представитель французского правительства, граф Арман, возобновили свои тайные сношения, прерванные осенью 1917 г. 2 февраля Ревертера и Арман вновь встретились в

швейцарском Фрейбурге. Посланец Чернина заявил, что австро-венгерское правительство склонно при известных условиях устроить встречу министров обеих стран. «Что думают об этом в Париже?» Полученные до сих пор предложения из Парижа неприемлемы, ибо требование Эльзас-Лотарингии является непреодолимым препятствием. Граф Арман ответил, что Франция настаивает, как и до сих пор, на возвращении этих двух провинций. От обсуждения возможности сепаратного мира с Австрией Ревертера уклонился. Дальнейшее продолжение встреч сделалось беспредметным{242}.

Арман вернулся в Париж, а посланец Чернина остался в Швейцарии ожидать ответа из Парижа. [192]

Через две недели, ему было сообщено, что французское правительство готово поедать уполномоченного для встречи с австрийским уполномоченным, если Чернин примет французское предложение, заключающееся в возвращении Эльзас-Лотарингии. Чернин ответил уклончиво, после чего Клемансо оборвал в начале марта нити, связывавшие Вену с Парижем. Ревертера телеграфировал 4 марта Чернину из Берна: «Клемансо, как он сам приказал мне сообщить, не в состоянии принять предложения вашего превосходительства относительно отказа Франции от каких бы то ни было аннексий. Поэтому, по мнению обеих сторон, какая бы то ни была, встреча в настоящее время была бы бесцельной»{243}.

Англия всё это время не прерывала связей с Австрией. Спустя несколько дней начались секретные встречи (9–14 марта) в Берне генерала Смэтса с представителем Австрии Скшинским, которые были продолжением переговоров Смэтса с Менсдорфом, и они также кончились провалом. Мы не касаемся этих переговоров, так как они выходят за рамки нашей темы. После провала и этих переговоров прекратились секретные отношения между обеими сторонами. Германия закончила свои приготовления к весеннему наступлению на Западном фронте. Она была убеждена, что теперь она сможет навязать свою волю всем своим противникам на Востоке и на Западе.

13. Историческая преемственность немецких планов расчленения России и порабощения её народов

В «Конспекте программы переговоров о мире» Ленин писал, что главная тема в политических переговорах и основной их принцип — это мир «без аннексий и контрибуций» {244}. Однако, когда выяснилось в ходе переговоров в Брест-Литовске, что в Германии взяла верх крайняя военная партия, которая ультимативно настаивала [193] на немедленном подписании аннексионистском мира, угрожая открытием военных действий, и что старая русская армия абсолютно не в состоянии ни сейчас, ни в ближайшие несколько месяцев дать захватчикам отпор, — то у советского правительства был только один выход: «не ставить карты ва-банк», подписать поставленные немецкими империалистами условия сепаратного и аннексионистского мира, получить нужную передышку для восстановления разрушенного хозяйства и подготовки к предстоящей борьбе{245}.

Учитывая конкретную внутриполитическую и международную обстановку, Ленин и Сталин предлагали партии принять эту тактику. Они считали необходимым принять германские условия мира, так как военное, экономическое, политическое положение и разруха транспорта в стране требовали «известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев, в течение которого социалистическое правительство должно иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране и для налажения широкой и глубокой массовой организационной работы» {246}. Вопрос стоял так: немедленное подписание аннексионистского мира или гибель советской власти. Продолжение войны при сложившейся обстановке, говорил Ленин, приведёт к ряду поражений, что заставит «Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир, при чем мир этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким-либо другим» {247}.

В связи с внутрипартийными разногласиями по вопросу о мире все буржуазные и мелкобуржуазные партии в стране подняли голову и требовали возобновления войны с целью свержения советской власти. Против предложения Ленина и Сталина выступили также так называемые «левые коммунисты» — бухаринцы — и троцкисты. «Левые коммунисты» требовали, не имея армии, объявления «революционной» войны. Такая война, утверждали они, развяжет революцию в Германии и в [194] Европе. Троцкий же предлагал такой выход из положения: «Состояние войны прекращается, армия демобилизуется, уходим домой строить социалистическую Россию».

Разногласия внутри партии в такой ответственный момент были выгодны немецким империалистам, которые лишь выжидали удобного предлога для разрыва переговоров с целью, предъявления ещё более суровых требований. «Эти люди явно играли на-руку германским империалистам и контрреволюционерам внутри страны, так как вели дело к тому, чтобы поставить молодую, не имевшую еще армии, Советскую республику под удар германского империализма.

Это была какая-то провокаторская политика, искусно маскируемая левыми фразами» {248}.

Когда стало известно, что старая русская армия больше небоеспособна и не может оказать сопротивления, что внутрипартийные разногласия достигли крайней остроты, что гражданская война расширилась, а Советская Россия изолирована от бывших западных союзников и что она не только не получит от них никакой поддержки, но что они открыто поддерживают всех врагов социалистической революции и готовятся к интервенции, — германское правительство и верховное командование приступили к осуществлению плана интервенции, захвата большей части Советской России и расчленения нашей родины на ряд бессильных государств, неспособных сопротивляться и в будущем германскому устремлению на Восток. Это был старый пангерманский план завоевания России, которому германские руководящие круги, по пропагандистским соображениям, дали громкое название «оборона против большевизма» и «борьба за уничтожение большевизма», якобы угрожающего существованию Германии и культуре. Всё это были жалкие и лживые увёртки, также взятые из старого арсенала немецкой реакции. Всем известно, что всякий раз, когда Бисмарк учинял какую-нибудь гадость против России, он утверждал, что это вынужденная оборона против антинемецких тенденций русской политики, которую направляют «революционеры» и «нигилисты» — фельдмаршал Милютин, генерал Обручев, Михаил Катков и подобные им [195] «революционеры». Суть вопроса заключалась, конечно, не в том, как именовали германские империалисты подготовлявшуюся ими интервенцию в России. Правда заключалась в том, что в начале 1918 г. в Германии взяли окончательно верх те крайние группы империалистов и военщины, которые на протяжении десятилетий лелеяли мечту о захвате русских земель, составляли подробные планы об отделении от России Польши, Белоруссии, Литвы, Украины, Прибалтики с Петроградом, Кавказа, Кубани и Дона. Для уяснения истинного смысла этих захватнических планов необходимо вспомнить историю вопроса.

Осторожная политика Бисмарка по отношению к России вытекала из международного положения Германии и основывалась на трезвом учёте политических противоречий между Россией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и противоречий между Россией и Англией, Францией и Англией — с другой. Искусно используя австро-русские противоречия, Бисмарку удалось привлечь Австро-Венгрию на свою сторону. Гарантируя существование габсбургской монархии, Бисмарк сделал её германским «союзником», всегда готовым выступить против России, когда это понадобится Германии. Однако быстрое возрастание могущества Германии после 1871 г. основывалось не на австро-германском союзе, а главным образом на умелом использовании Бисмарком вражды между Россией и Англией и постоянном её разжигании. Бисмарк прекрасно понимал, что в тот день, когда Россия и Англия примирятся, положение Германии изменится к худшему. Она тогда не сможет вести

независимой политики и играть роль арбитра в Европе. И до тех пор, пока ему удавалось поддерживать вражду между двумя великими державами и получать поддержку то одной, то другой из них при проведении своей политики, Бисмарк был противником прямого нападения на Россию, хотя этого неоднократно добивались от него генералы, которых поддерживал будущий император Вильгельм II.

Бисмарком при этом руководило не «русолюбие», как это стараются доказать некоторые «сверхучёные» историки, а трезвая оценка народной и государственной мощи России. Борьба Бисмарка против неспровоцированного нападения на Россию и причины, заставлявшие его [196] противиться этому, имеют прямое отношение к германской интервенции в Советской России в 1918 г. и к вероломному нападению фашистской Германии на Советский Союз в июне 1941 г. Военщина 80-х годов, требовавшая объявления войны России, немецкие империалисты, проводившие интервенцию в 1918 г., и гитлеровцы, напавшие на Советский Союз в 1941 г., — все они выросли на одной и. той же прусско-немецкой социальной почве, представляли одни и те же захватнические интересы, только в разное время и в разной внутриполитической и международной обстановке, и добивались одной и той же цели — территориального расширения Германии, уничтожения могущественного соседнего государства — России и завладения территориями и богатствами русского народа.

В 1887 г. австрийский и германский генеральные штабы настаивали на объявлении России превентивной войны, и с этой целью были начаты переговоры о заключениивоенной конвенции. Бисмарк расстроил планы военщины. Австрийский министр иностранных дел граф Кальноки остался этим недоволен и сказал в конце апреля 1888 г. германскому послу, что офицеры генерального штаба в Берлине и Вене были правы, когда советовали разгромить силы России. Такого же мнения придерживался и кронпринц Вильгельм. Бисмарк возразил: «Это не так легко! Победа над Россией не означает её разгрома, но лишь создание также и на Востоке соседа, жаждущего реванша»{249}.

«Русофильство» Бисмарка имело под собой проверенные опытом глубокие основания. В инструктивном письме послу в Вене принцу Рейсу канцлер оспаривал мнение графа Кальноки относительно возможности разгрома России и просил передать австрийскому министру следующее:

«Такой результат (разгром России. — Ф. Н.) и после наиболее блестящих побед находится за пределами всякой вероятности. Даже наиболее удачный исход войны не будет иметь своим последствием распад основной мощи России, которая зиждется на миллионах коренных [197] русских православного вероисповедания. Если их даже разъединить посредством договоров, то они так же быстро вновь объединятся, как соединяются части разрезанного предмета из ртути. Эта неразрушимая империя русского народа, сильная своим климатом, пространством и непритязательностью, как и наличием лишь одной границы, нуждающейся в обороне, сделается после её поражения нашим прирождённым и жаждущим реванша противником, точно так же как и современная Франция на Западе. Этим самым была бы создана в будущем обстановка длительного напряжения, нести последствия за которую нас можно было бы принудить лишь в том случае, если бы Россия напала на нас или на Австрию, но я не могу взять добровольно ответственность за создание такой обстановки».

Защищая осторожную и корректную политику по отношению к России, Бисмарк был уверен, что именно такая политика будет способствовать ослаблению могущественного восточного соседа. «Нападением на сегодняшнюю Россию мы укрепим её оцепенение: выжиданием её нападения мы можем скорее дождаться её внутреннего упадка и разложения, чем её нападения, и даже тем скорее, чем меньше мы ей будем мешать посредством угрозы глубже погружаться в восточный тупик»{250}.

Под «восточным тупиком» Бисмарк подразумевал Балканский полуостров и Константинополь, куда он искусно толкал Россию, обещав ей поддержку по так называемому перестраховочному договору 1887 г., и одновременно организовал так называемые восточную и средиземноморскую антанты, т. е. направленный против России союз из

Австро-Венгрии, Италии и Англии.

Возражая против точки зрения Бисмарка, принц Вильгельм писал, что оборонительные валы не являются достаточной гарантией, ибо «после прорыва дамбы наступает большое наводнение». Он также не считал предпочтительной политику подталкивания России в «невылазный тупик», так как «она, к сожалению, заметила тупик и до сих пор отчаянно мало показывает желание туда итти»{251}. [198]

Бисмарк боролся против внушённой генералами кронпринцу точки зрения, пытался убедить завтрашнего императора в ошибочности и вредности защищаемой им политики по отношению к России и доказывал, что она всё же ринется в расставленные им, Бисмарком, силки, но в этом надо ей помочь, и тогда Россия обязательно завязнет в восточном тупике. «Текст секретных договоров, — писал канцлер, — даёт уверенность, что Россия намеревается войти в «тупик», и она бы уже в нём сидела, если бы по нашему желанию ей не помешало в этом сопротивление Австрии. Если австрийское сопротивление исчезнет, то исчезнет также русская осторожность».

Бисмарк был против нападения на Россию, так как это означало войну на два фронта, чего он хотел избежать. Если уж надо спровоцировать войну, наставлял Бисмарк будущего императора, то лучше это сделать на Западе, чем на Востоке. «На Западе легче вести войну, и её можно скорее там закончить». Наконец, если уж хотят войны с Россией, то следует выждать её нападения на Германию или на Австрию и вот почему:

«Для поддержания источника энергии, с которой германская народная мощь ринется в войну, всегда будет играть решающую роль, возникла ли война из-за чужого нападения или же она нами добровольно начата по мотивам высокой политики, которые недоступны общественному пониманию».

Отстаиваемую кронпринцем воинственную политику Бисмарк считал опасной ещё и по следующим соображениям. «Молва о неискренности политики Германской империи ещё опаснее, чем даже решительная, основывающаяся на политическом убеждении, тенденция вести войну. Если мы даём мирные заверения и при этом пускаем в ход словечко в том смысле, что офицеры генерального штаба были правы, когда они советовали прошлой осенью разрушить русскую мощь, то мы теряем доверие у наших союзников, а это было бы хуже, чем даже война, о необходимости или пользе которой могут быть различные мнения»{252}.

Что миролюбие и «русолюбие» Бисмарка не были для него вопросами принципиальными, что они не представляли [199] столбовой дороги его внешней политики, показывают его неоднократные попытки, но всегда неудачные, заключить союз с Англией против России и Франции. И в этих случаях он всегда выставлял Россию врагом европейского мира и пытался доказать англичанам, что угроза, идущая из России, где революционные элементы якобы имеют влияние на внешнюю политику (под «революционными элементами», как уже указывалось, подразумевались то Милютин, то Обручев, то Игнатьев, то Михаил Катков), обязывает сплотиться англо-тевтонские страны, являющиеся «очагами мира и консервативного порядка», против гальско-славянских разрушительных революционных идей. Бисмарк писал английскому премьер-министру лорду Солсбери 22 ноября 1887 г., что Германия и Англия принадлежат к странам «пресыщенным» и удовлетворённым. «Франция и Россия, наоборот, нам угрожают: Франция остаётся верной традициям прошлых веков, которые её характеризуют как постоянного врага её соседей... Россия заняла в настоящее время по отношению к Европе такую же позицию, внушающую тревогу европейскому миру, какую занимала Франция при царствовании Людовика XIV и Наполеона I». Поскольку английские правительства — всё равно, либеральное или консервативное, — отклоняли предложения о союзе, то Бисмарк добивался и добился обеспечения английской помощи Австрии против России, мотивируя это необходимостью предупредить нарушение Россией мира. «Мы, — писал Бисмарк в том же письме лорду Солсбери, — будем избегать войны с Россией до тех пор, пока это будет совместимо с нашей честью и с нашей безопасностью и

пока независимость Австро-Венгрии, существование которой как великой державы является для нас перворазрядной необходимостью, не будет поставлена под угрозу. Мы хотим, чтобы дружественные державы, у которых имеются на Востоке интересы, нуждающиеся в защите, но к которым мы не имеем прямого отношения, были настолько сильны своими союзами и собственной мощью, чтобы удержать русскую шпагу в ножнах или же чтобы они были в состоянии ей противостоять, если обстоятельства приведут к разрыву» {253}. [200]

Бисмарку, как было указано выше, удалось добиться заключения соглашений между Англией, Австрией и Италией против России и Франции, но не больше.

Бисмарк подобно Пенелопе никогда не выпускал из своих рук дипломатической нити. Он так старательно окружил Россию целой системой сетей, силков, капканов; и волчьих ям, названных бисмарковской системой союзов (Австро-германский союз, Тройственный союз, Союз трёх императоров, «перестраховочный» союз, Ближневосточная и Средиземноморская антанты), что она шагу не могла ступить без риска увязнуть в «восточном тупике», и всё же он считал необходимым вести по отношению к России осторожную политику. Суть этой политики заключалась в твёрдой решимости не брать на себя ответственности за открытое нападение на неё. Мы выше показали, что он не верил в возможность победы над русским народом — именно русским народом и его государством. Бисмарк считал, что если бы даже удалось разбить Россию, то нет такого объекта, ради которого стоило бы пойти на такой громадный риск. Старый канцлер писал 11 января 1889 г. послу в Лондоне графу Гатцфельду: «Только австро-русское столкновение могло бы втянуть Германию в войну с Россией, и так как война и в лучшем случае не могла бы представить приемлемое вознаграждение, то мы должны будем стремиться к тому, чтобы предотвратить австро-русскую войну»{254}. У России нечего взять, что можно было бы надолго сохранить. Своим противникам из генерального штаба он доказывал, что присоединение русской Польши ослабило бы Германию. Она не может справиться с познанскими поляками, присоединение Польши ещё ухудшило бы внутреннее и внешнее положение Германии. Присоединение к Германии русских прибалтийских провинций, если бы это было даже возможно, представляло, по мнению Бисмарка, прямую невыгоду для неё. Прибалтийские бароны, говорил Бисмарк, став подданными Германии, сделаются элементом брожения, так как новая родина не может им предоставить тех экономических и правовых привилегий, которыми они пользуются в России, держа в своих руках все высшие [201] должности в государственном аппарате, в армии и при дворе.

Благодаря особому положению немецких баронов в России они эксплоатируют не только три балтийские губернии, но и всю огромную страну, направляя её политику в выгодном для Германии направлении. Отделение Прибалтийского края освободит одним махом Россию от немцев и немецкого влияния, а взамен сомнительной территориальной выгоды Германия лишится всей России, которую она с помощью прибалтийских баронов эксплоатирует на протяжении полутораста лет.

Таковы были политические и материальные основы бисмарковского «русолюбия».

Когда немецкие бароны не могли направлять русскую политику в выгодном для Германии направлении, тогда они предавали Россию той же Германии другим путём. Достаточно будет для иллюстрации привести только два примера. Засилие немцев в русском министерстве иностранных дел началось при немецких преемниках Петра I. И многие из них в меру своего положения и способностей предавали Россию. При русском посольстве в Лондоне пост первого секретаря занимал с 1903 по 1914 г. некий фон Зиберт, который с немецкой аккуратностью переписывал всю получаемую послом из Петрограда и отправляемую им туда переписку и передавал её в германское посольство. Все секреты русской политики на протяжении десяти лет были известны Германии. Военная деятельность генерала Ренненкампфа стоила России гибели второй армии Самсонова в августе 1914 г. и избавила Германию от поражения в ноябре того же года под Лодзью.

Преемники Бисмарка основательно забыли то, что он всегда помнил, а именно, что мощь Германии имеет такое шаткое основание, как англо-русская и англо-французская вражда. Они решили, что Германия может вести не только независимую, но и враждебную политику против всех трёх великих держав и возмечтали об установлении мирового господства за счёт ограбления России, Франции и Англии. Результатом такой вызывающей политики было образование русско-французского оборонительного союза в 1891–1893 гг., заключение англо-французского соглашения 1904 г. и англо-русского [202] соглашения 1907 г. Когда нельзя было больше строить свою мощь на противоречиях своих противников, немцы стали вопить на весь мир, что Германию «окружили». Один немецкий националист, в прошлом социал-демократ, так определил значение для Германии прекращения англо-русской вражды в 1907 г.:

«Русско-английский договор о Персии в 1907 г., казалось, вверг германскую внешнюю политику в непреодолимые трудности; положение, которое составляло основу немецкой мощи, коренным образом изменилось. Немецкие государственные деятели, конечно, не охватили всего значения англо-русского соглашения. Этот договор явился тяжёлым, уже смертельным ударом, который был направлен против существования Германской империи. Крах империи начался в 1907 г.; уже тогда у германской мировой мощи была выбита почва из-под ног»{255}.

В приведённой оценке значения для Германии англорусского соглашения имеются обычные для немецкого националиста преувеличения, однако в некоторых отношениях она верна. Нет спора, что англо-русская дружба того времени, если бы ей суждено было развиваться долгое время, должна была положить конец немецкому натиску. В свете познания недавнего прошлого глубже понимается мудрая оценка, данная Иосифом Виссарионовичем Сталиным англо-советскому «Договору о союзе в войне против гитлеровской Германии и её сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны», которая гласит: «Договор этот заключён на 20 лет. Он знаменует собой исторический поворот в отношениях между нашей страной и Англией» {256}.

Германские империалисты вообразили, что история окончательно решила распрю столетий в их пользу, и спешили полностью использовать благоприятно сложившуюся для Германии вначале 1918 г. военно-политическую обстановку. Они считали, что вполне возможно добиться полной победы одновременно на Западе и Востоке. К стремлению расправиться с Советской Россией у них были ещё особые причины. Советская власть ликвидировала [203] влияние немецких баронов в России, вырвала с корнем их влияние на политику и хозяйство страны и уничтожила навсегда германскую агентуру во всех звеньях общественной и политической жизни страны. За это новая Россия должна была быть наказана, мера наказания — «уничтожение» большевизма.

На состоявшемся 5 февраля специальном совещании австрийских и германских министров при участии Гинденбурга и Людендорфа было решено создать зависимое от Германии государство — Украину. С этой целью было поручено германской делегации в Брест-Литовске заключить мир с буржуазной Украинской центральной радой, а затем искать предлога для разрыва переговоров с советским правительством и возобновления войны с Советской республикой. В официальном протоколе совещания сказано, что «Кюльман готов через 24 часа после заключения мира с Украиной порвать с русскими»{257}. Людендорф кроме того лично договорился; с фон Кюльманом, что он ровно через сутки после оформления украинско-германского договора прекратит какие бы то ни было переговоры с советской делегацией {258}.

Принятое германскими империалистами решение заключить мир с Украинской радой явилось новшеством в истории международных отношений и международного права. Это был первый случай в истории нового времени, когда государство, которое не может принудить враждебное ему государство принять его условия мира, выдвинуло на историческую арену марионеточное правительство отдельной части этого государства и заключило бы с ним «мир», как с субъектом международного права, против воли того самого

государства, с которым оно находится в войне.

Приглашённое немцами в Брест-Литовск «украинское правительство» было готово заключить любой мир, какой прикажет хозяин. Некоторые члены Украинской центральной рады находились уже в течение нескольких лет на содержании австро-венгерского и германского правительств [204] и выполняли по их заданиям во время войны подрывную работу на Украине. Решение подписать «мирный договор» с Центральной радой было бессмысленно, потому что привезённое в Брест-Литовск «украинское правительство» не находилось в состоянии войны с Германией и её союзниками, и уже поэтому нельзя было заключать с ним «мирный договор».

Германские империалисты знали всю смехотворность этой авантюристической затеи, но они исходили из культивируемого немецкими учёными принципа, которому германская политика всегда следовала, — что сила создаёт право, и надеялись этим путём «легализовать» грабёж, обмануть мировое общественное мнение, выдав воровство и бандитизм за правомерный акт, имеющий законную силу.

Изгнание украинскими рабочими и крестьянами Центральной рады и бегство украинского правительства из Киева вызвало переполох в Брест-Литовске среди германской и австро-венгерской делегаций. Вся авантюристическая затея с украинскими буржуазными националистами и предателями сорвалась. Но было решено ни перед чем не останавливаться. Вот что рассказывают члены австро-венгерской делегации и соавторы «мирного» договора с Украиной:

«Австро-Венгрия очень ускорила переговоры с украинскими делегатами и закончила их 8 февраля. В последний момент должны были ещё быть сформулированы экономические пункты соглашения между Турцией, Болгарией и Украиной. Германский советник посольства фон Стокгаммер и начальник департамента Шиллер диктовали договор солдатам, которые слишком медленно писали, затем тайным советникам и чиновникам. В час ночи всё было готово, и договор прочли вместе с украинцами. 9 февраля в 2 часа ночи мир был подписан в офицерском собрании при ярком свете киноаппаратов»{259}.

Германия и Австро-Венгрия «признали» буржуазную Центральную раду правоспособной заключать от имени Украины международные договоры и подписали 9 февраля с её представителями в Брест-Литовске «мирный договор», по которому буржуазные украинские авантюристы [205] обязались поставить центральным державам миллион тонн зерна и много других продовольственных продуктов. Между тем уже 8 февраля Центральная рада бежала поближе к германскому фронту, в Житомир, и попросила военной помощи у своих «покровителей». Германские и австрийские империалисты сейчас же ввели войска на Украину, оправдывая этот контрреволюционный акт якобы «гуманитарными» и «демократическими» соображениями: необходимостью «защитить самоопределение украинского народа против насилия большевиков и обеспечить, получение из Украины продовольствия и сырья».

Интервенция на Украине явилась лишь началом более широкой интервенции с целью захвата наиболее богатых областей Советской России.

Об этом поведал один из наиболее активных «борцов» за расчленение России и низведение её к ничтожному, зависимому от Германии государству, статс-секретарь Карл Гельферих, член германской мирной делегации в Брест-Литовске, доверенное лицо финансового капитала, юнкерства и верховного командования. «В Украине, — писал Гельферих, — дело шло не о «пограничной области», а о населении, и больше того, о естественных вспомогательных источниках высокой значимости, о центральной части Русской империи. Поэтому признание самостоятельности Украины и заключение сепаратного мира с этим новым государством явились в гораздо большей степени активным участием центральных держав в раздроблении русского колосса, чем отделение западных пограничных областей, включая и Польшу»{260}.

Как только украинскими авантюристами был подписан «мирный договор», Гинденбург и Людендорф настояли перед кайзером, чтобы он предписал фон Кюльману предъявить советской делегации ультиматум о подписании германских условий мира и выводе русских войск из Лифляндии и Эстляндии. Кюльман, однако, заявил, что, принимая во внимание позицию Австро-Венгрии и внутриполитическое положение в самой Германии, опасно предъявлять последнее требование, и кайзер согласился с мнением своего статс-секретаря{261}. [206]

На требование фон Кюльмана подписать германские условия мира предатель Троцкий вопреки прямым директивам Ленина и Сталина подписать мирный договор ответил, что советское правительство распускает армию по домам, войны вести не будет, а подписать предложенные Германией условия мира отказывается. Это только и нужно было германским империалистам, именно этого они и хотели.

В связи с заключительным заседанием мирной конференции в Брест-Литовске официозная «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» поместила 10 февраля сообщение об окончании войны с Советской республикой. Однако в одну ночь произошла крутая перемена взглядов в решающих инстанциях Германской империи. Верховное командование решило использовать услужливо предоставленный Троцким повод для интервенции в Советской России.

14. Вероломное нападение германских империалистов на Советскую республику

По требованию верховного командования был созван 13 февраля коронный совет в Гомбурге, в котором принимали участие кайзер, Гертлинг, фон Кюльман, фон Пайэр, Гинденбург, Людендорф и начальник морского штаба адмирал Гольцендорф. Гинденбург и Людендорф категорически потребовали расторжения соглашения о перемирии на Восточном фронте и немедленного возобновления военных действий, ибо иначе, как мотивировали они своё требование, «не будет мира». Советские «дипломаты злоупотребляют нашим терпением для пропагандистских целей и не думают о заключении мира».

Мотивируя требования интервенции, Людендорф заявил, что если не уничтожить остатки русских войск, то русский фронт может вновь окрепнуть, Румыния не заключит мира без России. Наступление на Западе будет невозможным, и Германия упустит момент победоносно закончить войну. «Украина нам также нужна как вспомогательная военная сила против большевизма». Откуда взять хлеба, который так нужен Германии и [207] Австро-Венгрии? «Чтобы воспрепятствовать созданию самими большевиками нового Восточного фронта, необходимо нанести их войскам быстрый и решительный удар, который даст нам большое количество военного материала. Для этого не потребуется крупной военной операции»{262}.

Фон Кюльман выступил противником возобновления войны и предложил продолжать переговоры с советским правительством, которые, по его мнению, дадут лучшие результаты, чем военная интервенция. Он указывал на то, что интервенция произведёт плохое впечатление в Австро-Венгрии и вызовет крупные политические осложнения внутри страны. Гертлинг и Пайэр считали, как. и Гинденбург и Людендорф, что большевиков можно принудить к заключению аннексионистского мира лишь силой, но они опасались подобно Кюльману, что возобновление войны на Востоке чревато нежелательными политическими последствиями. Поэтому они были не против возобновления военных действий, но хотели их ограничить определёнными географическими рамками, не допустить перенесения «ожидавшегося победного похода» за определённую черту. Пайэр, например, указывал коронному совету на то, что «солдатский темперамент некоторых военачальников» может их увлечь и повести гораздо дальше, чем это необходимо для оказания давления на русское правительство, «тем более, что такие действия должны найти опору вдинастических

притязаниях, которые не ограничивались одной Курляндией и Литвой». Большинство германского, народа не намерено продолжать войну на Востоке ради достижения этой цели. Кайзер поддержал верховное командование и доказывал, по свидетельству Пайэра, необходимость присоединения русских провинций к империи, между прочим, также и династическими интересами{263}. В результате борьбы мнений Гертлинг и Пайэр дали согласие на возобновление военных действий, а верховное командование в свою очередь обязалось «не распространять продвижения вперёд дальше определённого рубежа». [208]

Гертлинг и верховное командование договорились, что германские войска будут остановлены у Вендена. Кайзер одобрил это соглашение. Кюльман остался при своём первоначальном мнении, но в отставку не вышел, так как это указало бы всему миру на разногласия в правительстве по столь важному вопросу.

Принятая коронным советом программа действий гласила: «Нанести смертельный удар большевикам, улучшить этим путём наши отношения внутри страны и с лучшими слоями России, освободить крупные боевые силы на Востоке и собрать все наши военные и моральные силы для нанесения сокрушительного удара на Западе».

Германские империалисты считали, что без нанесения смертельного удара Советской России нельзя было нанести сокрушительного удара Антанте. Доказывая необходимость захвата всей Прибалтики, Финляндии, Украины и других западных областей России, Людендорф подчёркивал на коронном совете, что они нужны Германии в первую очередь как плацдарм для борьбы с большевиками, что означало на политическом языке «для борьбы с русским народом».

Помешать Советскому государству создать свою армию, раздавить её в самом зародыше — такова была одна из задач, которую преследовал германский империализм, начиная своё нападение на Советскую Россию. Нападение было вызвано не соображениями «оборонительного» и чисто военного характера, как утверждают Гинденбург и Людендорф в своих воспоминаниях. Оно было продиктовано империалистическими и интервенционистскими контрреволюционными целями.

Германское правительство вероломно нарушило соглашение о перемирии, обязывавшее его предупредить советское правительство за семь дней до возобновления военных действий, и известило 16 февраля Совет Народных Комиссаров об истечении через два дня срока перемирия, а 18 февраля возобновило наступление по всему фронту.

В таг же день генерал Гофман записал в своем дневнике: «Решение приступить опять к военным действиям — самое правильное... Удастся ли при помощи этого [209] наступления свергнуть большевиков, — ещё неизвестно»{264}.

«Свергнуть большевиков» и завладеть богатствами нашей родины, покорить и поработить наши народы — вот чего добивались германские капиталисты и юнкеры в 1918 г., начиная разбойничий поход. Они этого не скрывали, разговаривая сами с собой. Момент был выбран, по их мнению, очень удачный. Старая русская армия не была боеспособна, а Красная Армия ещё только создавалась. В первые дни вероломного нападения немецкие орды не встречали никакого сопротивления. 19 февраля немцы взяли Двинск и Луцк. Лёгкость продвижения вперёд побудила немецких разбойников итти дальше Вендена. «Пока мы не дойдём до озера Пейпус, мы не остановимся»{265}, — записал тот же Гофман.

Уже после катастрофы 1918 г. многие германские историки и публицисты, в том числе и националистического толка, резко упрекали правительство и верховное командование в отсутствии у них политического чутья и понимания смысла происходивших вокруг них событий, явившихся якобы причиной того, что они не воспользовались «русским чудом» и не добились — что было, как уже выше показано, вполне возможно — заключения сносного для Германии мира на Востоке и на Западе. Вспоминали, что в прошлом уже бывали такие

случаи, когда Россия спасала Пруссию от гибели, и горько жаловались на то, что во главе Германии в 1918 г. не оказалось государственных людей, подобных Фридриху II и Бисмарку, которые не выпустили бы из своих рук «русского чуда» и с его помощью на сей раз спасли бы Германию от неминуемого разгрома. Так как таких государственных людей в 1918 г. в Германии не оказалось, повествует историческая публицистика, то «русское чудо» вместо спасения ускорило её низвержение в бездну. Некоторые публицисты и историки доходили даже до того, что серьёзно упрекали правительство того времени в, том. что оно не использовало «русского чуда» для нанесения совместно с Советской Россией смертельного [210] удара Англии и её союзникам. Как будто это зависело исключительно от желания и умения германского правительства, а не от Советской республики. Так, например, цитированный уже раньше Никиш пишет:

«Великий Фридрих был однажды спасён русским чудом; совершенно неожиданно, совершенно нечаянно Россия вышла из коалиции, вышла из железного кольца, которое сжимало Пруссию. В 1917 г. Германию также осветило в её отчаянной борьбе русское чудо»{266}. Однако, жалуется автор, ничего не было сделано для того, чтобы обратить его на пользу отечеству.

Так как германское правительство и верховное командование не захотели удовольствоваться тем, что «русское чудо» временно усилило Германию, и захотели его использовать для получения новых военных лавров, то оно из спасения превратилось в «немецкий рок». Так истолковывала определённая часть публицистики и историографии распрю между двумя противоположными миропониманиями. «Позиция, которую Германия заняла по отношению к России, — пишет Никиш, — решила её собственную судьбу»{267}. Это несомненно так, но причины поражения Германии лежат гораздо глубже. Они заключаются в империалистическом, захватническом характере германской политики.

Ища виновников «несправедливости», якобы причинённой Германии в Версале, не в германской ненасытной жажде мирового господства, а в её побочных продуктах, тот же Никиш продолжает: «Неполитический характер германского народа отомстил за себя; его инстинкт не был достаточно умеренным, чтобы направить его по правильному пути. Поэтому он также не понял событий в России и не сумел занять правильную по отношению к ним позицию... В Брест-Литовске Германия отделилась от последних резервов той силы, которой она ещё могла располагать... Она вела себя, как мелкий торгаш, в то время как она должна была вести себя не только в военном, но и в политическом отношении, как герой. Она чувствовала себя победителем, когда она была лишь мелким воришкой, который в течение своей [211] короткой отсрочки наказания стремятся совершить ещё пару воровских делишек. Её взоры не простирались дальше завтрашнего дня, когда она должна была смотреть в далёкое будущее»{268}.

Немцы не смогли использовать «русское чудо» для достижения выгодного мира и устранения Версаля не потому, что Фридрих II и Бисмарк были давно в гробу. Будучи руководителями наиболее организованного юнкерско-капиталистического государства и первой армии в мире в эпоху империализма и одновременно представителями интересов юнкерства и финансового капитала, требовавших завоевания мирового господства, политическое руководство и верховное командование хотели по-своему использовать «русское чудо». В этом не было их персональной вины, в этом была беда германского империализма, за что он скоро должен был временно поплатиться.

В своём протесте против возобновления военных действий от 19 февраля Советское правительство обращало внимание германского правительства на то, что Четверной союз был извещён о прекращении состояния войны и демобилизации русской армии на всех фронтах и поэтому оно «не могло ожидать такого шага уже по тому одному, что ни прямо, ни косвенно ни одна из находившихся в состоянии перемирия сторон не предупреждала о прекращении перемирия за 7 дней, как это обязались сделать обе стороны по договору 2–15 декабря 1917 г.».

Вынужденное уступить силе, Советское правительство дало согласие «подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегатами Четверного союза в Брест-Литовске» {269}.

Но эти условия теперь уже не удовлетворяли германский финансовый капитал и юнкерство. Опьянённые быстрым продвижением германских армий по незащищённой территории и захватом большого количества вооружения и боевых припасов, германское правительство и верховное командование приступили к выработке новых условий «мира». [212]

15. Германский рейхстаг и австрийский рейхсрат об интервенции на Украине

В такой «победной» атмосфере началось 20 февраля в германском рейхстаге обсуждение «мирного» договора с Украинской центральной радой. Прения в рейхстаге представляют большой политический и исторический интерес. Они дают яркую и действительную картину «победных» устремлений и вожделений финансового капитала и юнкерства и довольно реальное представление о том, как они тогда мыслили себе «устройство Европы», а может быть, и всей вселенной, если бы остались победителями. Они показывают, что Гитлер старался осуществить то, что было в своё время намечено Вильгельмом II.

Защищая своё детище — договор с Центральной радой, — Кюльман был вынужден приподнять завесу и пролить свет на те экономические и политические причины, которые побудили германский империализм к заключению «мира» с несуществующим правительством.

«Украина, — заявил Кюлъман, — говоря в общих чертах, охватывает всю южную Россию и заключает в своих естественных этнографических границах как богатейшие аграрные области прежней Российской империи, так и богатства и возможности в отношении полезных ископаемых, залежей угля и железной руды, которые лишь отчасти известны и эксплоатируются». Кюльман далее подчеркнул, что «в пределах Украинской Народной Республики имеются также и многообещающие зачатки собственной промышленности». «Помимо этих причин, — сказал он, — играли немаловажную роль и причины продовольственно-фуражного и военно-политического характера. Украина, как многие полагают, обладает также и сейчас, после столь длительной войны, большими запасами хлеба и фуража, которые она частично в состоянии отдать». Германия и особенно Австро-Венгрия заинтересованы в установлении правильных торговых отношений с Украиной, в обмене фуража и сырья на промышленные товары. Таковы были причины «признания» буржуазной Центральной рады и отрыва [213] богатой Украины от Советской России. Богатейшие месторождения топлива и металлов, обширнейшая и богатейшая в мире сельскохозяйственная область с культурным земледелием, развивающаяся промышленность и обширный рынок сбыта для товаров — всё это привлекало жадные взоры германских империалистов, и в этой алчности была причина их «любви» к Украине.

Возражая противникам договора, утверждавшим, что он затруднит заключение мира с Советской республикой, Кюльман старался успокоить критиков и заверял их в обратном. Если имеется какое-либо реальное средство для того, чтобы заставить Советскую Россию подписать удовлетворительный мирный договор, заявил он, то таковым средством является факт подписания мира с Украиной. Оно поможет заставить петербургское правительство подписать удовлетворяющий обе стороны мир.

Кюльман выразил надежду, что все другие мирные договоры, которые Германии ещё предстоит заключить, будут походить на германо-украинский. Этот первый договор, сказал он, является в известной степени прототипом для других договоров, он послужит «основой

для восстановления правовых отношений с другими частями России»{270}.

Расчленение Советской России было, таким образом, провозглашено с трибуны рейхстага около 30 лет назад. Оно нашло своё выражение в предъявленном 21 февраля Советскому правительству ультиматуме и сделалось одной из основ последующей политики германского империализма.

Представитель финансового капитала Штреземан и представитель юнкерства Вестарп выступили в защиту отделения Украины от Советской России и предъявленных Советскому правительству условий ультиматума, хотя он ещё не был опубликован; они требовали расчленения России. Штреземан, например, выступил против социал-демократов, а также против некоторых буржуазных групп, которые не одобряли правительственного курса. «Я этим имею в виду, — сказал Штреземан, — [214] всю школу политических деятелей, придерживающихся той точки зрения, что мы должны были бы попытаться добиться с великой, связанной воедино Россией дружественного договора, который дал бы нам возможность, отталкиваясь от этого германо-русского дружественного договора, достигнуть континентального союза против Англии и этим путём нанести ей великий удар, такой удар, который дал бы нам навсегда ту свободу по отношению к Англии, которую мы хотим завоевать в этой мировой войне».

Штреземан защищал договор с Центральной радой от имени национал-либеральной партии потому, что заключение этого договора означало отрыв от России наиболее богатого края. «Украина является экономическим импульсом Великой России, таковым она, вероятно, и впредь останется... Украина — колоссальный хозяйственный организм русской империи, и надо, — сказал он, — радоваться тому, что германская политика добилась её отделения от России и вступления в хозяйственные отношения с Германией». Штреземан патетически продолжал: «Ввиду того что экономическое значение отрыва Украины от России очень велико, я приветствую это ещё и потому, что мы здесь создали своего рода договор — модель для восстановления хозяйственных правовых отношений», который должен компенсировать все потери германского инвестированного капитала за границей. Штреземан требовал присоединения Литвы и Курляндии к Германии, аннексии Домбровского угольного бассейна и других богатых железом месторождений Польши и создания «германской Балтики». Он сказал: «Если мы оккупируем вместе с Курляндией также Лифляндию и Эстляндию, то тогда, надеюсь я, настанет день, когда эта старая немецкая земля будет находиться в лоне великой империи»{271}.

Граф Вестарп от юнкерско-конеервативной партии одобрил заключение договора с Украиной по тем же мотивам, что и Штреземан. Он также подчеркнул экономическую и продовольственно-фуражную ценность Украины, прорыв англо-американской блокады и т. д. [215]

Вестарп, однако, требовал, чтобы этот договор не был во всём образцом для последующих договоров. Другие державы должны платить военные издержки. Вестарп считал, что искреннее согласие германского правительства заключить с Советской Россией мир на основе самоопределения народов было «ошибкой». Надо было настоять на проведении точки зрения, что «всё приобретённое немецким мечом» должно служить немецким интересам. Он критиковал информацию о переговорах в Брест-Литовске, особенно сообщение от 11 февраля, которое общественное мнение поняло как окончание войны. «А между тем наш добрый немецкий меч возобновил свою работу, и это приветствуют мои друзья, и я особенно горячо приветствую то, что такое решение было быстро принято и приведено в исполнение». Теперь создана ясность: большевики — враги Германии. Вестарп присоединился ко всем пожеланиям Штреземана относительно Прибалтики. Вестарп потребовал от правительства не возобновлять переговоров с большевиками до тех пор, пока «русское правительство полностью не очистит Эстляндии и Лифляндии и не предоставит нам нужное влияние и защиту немецкого населения».

Новое наступление германских войск и новые предложения Советского правительства изменили положение. «Большевистское правительство должно теперь просто признать, что оккупированные нами области, Литва, Курляндия и Польша, таким образом, отделены от русского государства и что мы сами теперь урегулируем отношения этих государств, не допуская никакого влияния большевиков на урегулирование этих вопросов». Германия получила опять «свободу рук», и она устроит так дела, как это будет выгодно её интересам.

«Теперь, — закончил свою человеконенавистническую и нагло-захватническую речь Вестарп, — слово опять принадлежит оружию, и теперь оружие опять сделает своё дело. Оно сделает своё дело на Востоке, оно нанесёт, если это необходимо будет, последние удары нашим врагам также и на Западе, которые приведут нас через германскую победу к германскому миру»{272}. [216]

В духе Вестарпа и Штреземана высказался также и представитель германской фракции Гален-Швец{273}. Два оратора от католического центра, Гребер и Ференбах, одобрили и заключение договора и проводимую правительством в Брест-Литовске политику.

Речь другого лидера центра, Ференбаха, изобиловала клеветническими выпадами против Советского правительства. Он требовал, под общее одобрение консерваторов, немецкой фракции и национал-либералов, расчленения России и отделения от неё, кроме Украины и Польши, Литвы, Курляндии, Лифляндии и Эстляндии и присоединения их к Германии.

Давид от социал-демократической фракции критиковал на словах поведение германского правительства, обвиняя его в неискренности и в империалистических планах, высказался против аннексии каких-либо областей бывшей царской России, но сделал при этом заявление, которое свело на-нет всю критику и которое означало по сути дела одобрение отрыва Украины от Советской страны.

«Наши интересы на Украине, — сказал Давид, — состоят в том, чтобы мир, который мы, само собой понятно, также приветствуем, принёс плоды, которые мы желаем. Мы желаем, чтобы наши надежды на то, что нам будут доставлены оттуда хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, могли быть выполнены. Мы также надеемся, что теперешнему правительству удастся победить, во внутренней борьбе»{274}. Но так как это «правительство» уже было изгнано из Украины украинскими рабочими и крестьянами и могло «победить во внутренней борьбе» лишь при помощи германских штыков, то этим заявлением Давида косвенно оправдывалась интервенция.

Очень яркую разоблачительную и противоаннексионистскую речь произнёс Ледебур от имени независимой социал-демократической партии. Он доказал с документами в руках, что мир с Центральной радой являлся лишь предлогом для контрреволюционной интервенции и что начатый поход против Советской республики является [217] не «возобновлением войны», а форменным актом интервенции. Ледебур дал в своём выступлении отпор клеветническим заявлениям Штреземана и Вестарпа о том, что якобы гуманитарные побуждения заставили германский империализм бросить его войска для спасения невинных людей от большевистского террора{275}.

Перед генеральной дискуссией по договору с Центральной радой Шейдеман заявил от имени социал-демократической партии, что хотя у неё есть возражения против отдельных пунктов договора (в частности она несогласна с уступкой Холмщины Украине), «социал-демократическая фракция будет, несмотря на это, голосовать за мирный договор в сознании того, что всякое заключение мира укрепляет волю народов к всеобщему миру, усиливает влияние всех готовых к миру по соглашению, напротив, он должен поколебать позицию подстрекателей к войне во всех странах» {276}.

Против одобрения договора с Центральной радой по принципиальным мотивам выступил с декларацией от имени независимой социал-демократической фракции депутат Кон.

Независимые социал-демократы, говорилось в декларации, не одобряют этого договора по следующим причинам:

1. Договор является грубым вмешательством во внутренние дела других народов — в дела народов России, натравливанием одного против другого народа с целью, ничего общего с интересами этих народов не имеющей. Этот договор создаёт на Востоке вражду против германского народа, против центральных держав.

2. Независимые социал-демократы не могут одобрить целей, преследуемых договором с Украиной. Центральные державы выступили в защиту «порядка старой Европой против русской революции» для сохранения полуабсолютистского и капиталистического режима, который осуждён на гибель. «Этот контрреволюционный характер договора и вся восточная политика центральных держав настоятельно заставляют нас оказать самое резкое сопротивление этой политике». Договор, далее, является несправедливым актом против польского [218] народа, которому было торжественно обещано самоопределение и гарантирована его территория.

3. Независимые социал-демократы не могут одобрить этот договор, так как та политика, введением к которой он является, скрывает в себе опасности для будущего спокойствия Европы, особенно для будущего спокойствия германского народа. «Этим миром и его непосредственным спутником, вновь начатыми военными действиями, будет создано не что иное, как Большие Балканы на восточной границе Германии». Все те бедствия, которые Балканский полуостров причинил Европе, будут воспроизведены в громадных масштабах.

4. Они отклоняют этот договор, так как в нём нет мирной цели, он является «исключительно инструментом нового, обострённого ведения войны»{277}.

Подробно мотивируя причины отрицательного отношения независимой социал-демократической партии к этому договору, Кон между прочим сказал: «Ведь мир с Украиной является как раз лишь предлогом или поводом для того, чтобы теперь опять начать враждебные действия против России в этих областях, и целью этого нового похода против России всё же является, как её назвала, например, венская «Arbeiter Zeitung» — газета, которая гораздо ближе к вам, господа из большинства рейхстага, чем к нам, и которая гораздо ближе стоит к австрийскому правительству, чем мы, — целью нового похода является аннексия под предлогом защиты немецких интересов, под предлогом необходимости создания гарантии границы Литвы, Курляндии, Эстляндии, Лифляндии, будь то неприкрыто, будь то под какой-нибудь лицемерной маской» {278}.

Кон протестовал против намерений финансового капитала навязать всему миру «немецкий» мир, который пошёл бы на пользу только ему. И солдаты выступают против затягивания войны ради достижения чуждых им целей. На стенах окопов находят такие выразительные надписи: «Der Krieg geht für die Reichen, die Armen zahlen mit laichen» (Война ведётся в интересах [219] богатых, а бедняки расплачиваются за неё своими трупами).

В заключение Кон сказал, что германские империалисты хотят навязать всем народам «немецкий мир». Возможно, что это им удастся. «Когда вы Европу превратите в пустыню, когда вы принесёте достаточно цветущих людей в жертву и достаточно разрушите цветущих местностей, тогда возможно, что вы навяжете ей свой мир. Но остатки народов, которые всё же останутся в живых, не смогут признать этот немецкий мир. Вы принесёте домой немецкий мир, опираясь на меч, но окружённые ненавистью всего мира»{279}.

Как встретила многоязычная и многонациональная Австро-Венгрия весть о заключении мира с Украинской центральной радой и о вероломном нападении Германии на Советскую Россию? Только немецкие аристократы и буржуазия, а также мадьярские магнаты праздновали «победу». Все же остальные народы и общественные классы умирающей монархии отнеслись к тому и другому со смешанным чувством озлобления и страха перед

неизбежной расплатой за новые авантюры. Когда в австрийской палате депутатов была зачитана поздравительная телеграмма императора Карла по случаю подписания мирного договора с Украиной, то все депутаты-славяне покинули в знак протеста заседание. При этом заслуживает внимания одна не лишённая политического интереса деталь. Чехословаки, хорваты, сербы, словенцы, далматинцы и другие славянские народы протестовали против мира с украинскими мелкобуржуазными авантюристами, наносящего ущерб русскому и украинскому народам. Польские шляхтичи, душившие в течение ста с лишком лет вместе с немцами украинцев в Галиции, протестовали против признания Австро-Венгрией Украины и включения в её границы искони украинских земель, которые они считали «польскими».

Желая предотвратить новую авантюру, социал-демократическая фракция австрийской палаты депутатов потребовала от министра-президента Зейдлера официального заявления, что: 1) война с Россией закончена и что [220] Австро-Венгрия готова возобновить с ней дипломатические, правовые, экономические и иные отношения; 2) австро-венгерские войска не примут участия в оккупации Украины и не будут вмешиваться в русско-украинский конфликт; 3) австро-венгерское правительство примет четыре принципа Вильсона и позаботится об установлении мирных переговоров между Австро-Венгрией и США{280}.

Премьер-министр сделал 19 февраля в палате депутатов от имени графа Чернина успокоительное заявление относительно начавшейся интервенции в России. Для Австро-Венгрии, заявил Зейдлер, мир с Центральной радой представляет вопрос о хлебе. Украина обязалась передать центральным державам свои излишки хлебных и сельскохозяйственных запасов, и он выразил надежду, что украинский хлеб вскоре облегчит продовольственное положение монархии. В заключение Зейдлер заявил:

«Петербургское правительство, как оно само заявило, не находится больше в состоянии войны с Австро-Венгрией. Следуя немецким призывам о помощи из Эстляндии и Лифляндии, Германия решилась предпринять поход внутрь страны для оказания помощи сородичам, живущим в этих провинциях. Мы решили в полном согласии с нашими верными союзниками не принимать участия в этом военном предприятии»{281}.

«Нашим верным союзникам» в Берлине пришлась эта вольность Зейдлера и Чернина не по вкусу. После соответствующего нажима со стороны «верных союзников» Чернин вынужден был заявить через официальное корреспонденцбюро:

«Совет Народных Комиссаров принял без какой бы то ни было оговорки выставленные державами Четверного союза условия мира в Брест-Литовске. Новый поворот на Востоке достигнут исключительно благодаря последовавшим без промедления военным мероприятиям против великорусской республики. Само собой понятно, что эта военная операция, как и всё, что будет в дальнейшем предпринято на фронтах, основывается на согласии [221] обоих верховных командований. Если до сих пор, — говорилось далее в сообщении Чернина, — в походе принимали участие главным образом германские войска, то это объясняется тем, что австро-венгерские войска находятся на юго-западной части Восточного фронта. Вмешательство наших войск зависит исключительно от местного положения и группировки сил» {282}.

Габсбургская монархия, жившая несколько веков насилием, грабежом, предательством и вероломством по отношению к окружавшим её славянским народам, не могла кончить иначе как вероломством. Господствующие классы немецкой Австрии и Венгрии также не поняли «русского чуда», как его не поняли и господствующие классы Германии.

За восемь месяцев до гибели Австро-Венгрии Чернин и Карл, смиренно стучавшиеся в двери Вильсона и Ллойд Джорджа, оправдали германскую интервенцию, оправдали германский ультиматум и сами начали интервенцию на Украине. Результат был один и тот же и для Австрии и для Венгрии. «Русское чудо» могло спасти от гибели это надрывавшееся под тяжестью вековых политических преступлений государство, но по его собственной вине оно ускорило гибель семисотлетнего монстра.

16. Предъявление Советской России германского ультиматума. «Германский мир» на Востоке и рейхстаг

Три дня триумфального шествия по железнодорожным и автомобильным дорогам Советской России, на которую вероломно напали во время перемирия германские империалисты, сделали немецких «завоевателей» Надменными. Вильгельм II, Гертдинг, Гинденбург и Людендорф, будучи, выражаясь словами Никита, политическими ворами и международными уголовниками, которым было чуждо не только великодушие, но элементарная честность, отправили 21 февраля 1918 г. Советскому [222] правительству ультиматум с новыми условиями мира. В ультиматуме Германия «великодушно» выражала готовность возобновить мирные переговоры и заключить мир на нижеследующих условиях:

1. Германия и Россия провозглашают прекращённым состояние войны.

2. Местности, лежащие к западу от указанной в Брест-Литовске русским представителям линии, принадлежавшие ранее России, не подлежат больше территориальному суверенитету России. В районе Двинска эта линия должна быть передвинута до восточной границы Курляндии... Россия отказывается от всякого вмешательства во внутренние дела этих местностей. Германия и Австро-Венгрия намереваются определить будущую участь этих местностей с согласия их населения. Германия готова после всеобщего заключения мира и полного проведения русской демобилизации очистить все, лежащие к востоку от вышеозначенной линии, местности постольку, поскольку из § 3 не следует чего-либо другого.

3. Лифляндия и Эстляндия немедленно очищаются от русских войск и Красной гвардии и занимаются германской полицией, вплоть до тех пор, пока устройство страны не гарантирует там общественной безопасности и государственного порядка.

4. Россия заключает немедленно мир с Украинской народной республикой. Украина и Финляндия незамедлительно очищаются от русских войск и Красной гвардии.

5. Россия по мере своих сил сделает всё, чтобы немедленно обеспечить Турции планомерное возвращение ей Восточных Анатолийских провинций и признает отмену турецких капитуляций.

6. а) Полная демобилизация русской армии, вплоть до вновь образованных теперешним правительством частей, должна быть проведена незамедлительно.

б) Русские военные суда в Чёрном море, Балтийском море и Ледовитом океане должны быть или немедленно переведены в русские гавани и оставлены там до всеобщего заключения мира, либо же разоружены. Военные суда Антанты, находящиеся в сфере русской власти, должны рассматриваться, как русские суда.

в) Торговое плавание в Чёрном и Балтийском морях возобновляется, как это было предусмотрено в договоре [223] о перемирии, очистка от мин начинается немедленно Блокада Ледовитого океана до заключения всеобщего мира остаётся.

7. Русско-германский торговый договор 1904 г. за изъятием точно указанных статей этого договора вступает в силу, как это указано в соответствующих пунктах мирного договора с Украиной. Гарантия свободы вывоза и беспошлинного ввоза железной руды и немедленное открытие переговоров по заключению нового торгового договора; гарантия предоставления Германии права наибольшего благоприятствования до 1925 г.

8. Регулирование политически-правовых отношений на основе решений русско-германской комиссии. Возмещение убытков гражданским лицам и возмещение расходов по содержанию военнопленных.

9. Россия обязуется прекратить всякую правительственную или правительством поддержанную агитацию и пропаганду против правительств Четверного союза и их государственных и военных учреждений.

10. Вышеозначенные условия должны быть приняты в продолжение 48 часов. Русские уполномоченные должны немедленно отправиться в Брест-Литовск и там в продолжение трёх дней подписать мирный договор, имеющий быть ратифицированным в двухнедельный срок{283}.

Таков был драконовский мир, продиктованный германским империализмом Советской республике.

Советское правительство получило ультиматум 23 февраля в 10 с половиной часов утра. Немецкие полчища двигались на Петроград, но были в тот же день разбиты под Псковом и Нарвой героическими усилиями только что создававшейся Красной Армии. В исключительно короткий срок были созданы из питерских рабочих боеспособные отряды, сильные духом и сознательной решимостью остановить немецкие полчища, преградить им путь на Петроград. 1-й Красноармейский, 6-й Тукумский, 2-й Пулемётный запасные полки, батарея [224] Михайловского артиллерийского училища, красногвардейцы петроградских заводов и другие наскоро сформированные отряды столкнулись с немецкими полчищами у сёл Черняковицы, Углы, Яхново и др. под Псковом и смело стали на их пути. «Первые же удачные для нас столкновения с неприятельскими передовыми частями, — говорится в одном официальном документе тех дней, — показали немцам, что кончилось их триумфальное шествие и в дальнейшем каждый шаг им придётся продвигаться с боем, каждую версту завоёвывать кровью. Отпор, неожиданно встреченный немцами со стороны псковских отрядов, заставил их не только приостановить дальнейшее наступление но... обнаглевшие хищники принуждены были оттянуть свои передовые части к Пскову»{284}.

Одновременно дала такой же отпор Красная Армия немецким ордам под Нарвой. Продвижение немцев на Петроград было приостановлено. Это первое столкновение молодой, только ещё организовывавшейся армии показало её боевые качества.

«Молодые отряды Красной Армии, впервые вступившие в войну, наголову разбили немецких захватчиков под Псковом и Нарвой 23 февраля 1918 г. Именно поэтому день 23 февраля 1918 г. был объявлен днём рождения Красной Армии» {285}.

Общий перевес сил, однако, был явно на стороне германских империалистов. Советская Россия должна была уступить, чтобы, использовав передышку, подготовиться к революционной войне. Совет Народных Комиссаров вынужден был поэтому дать 24 февраля своё согласие подписать германские грабительские условия мира и выслать делегацию в Брест-Литовск.

Объясняя причины этого решения, Ленин писал: «Безусловная необходимость подписания в данный момент (24 февраля 1918 г.) захватного, невероятно тяжелого мира с Германией вызывается прежде всего тем, что у нас нет армий, что мы обороняться не можем. [225]

Все знают, почему после 25 октября 1917 г., после победы диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, мы все стали оборонцами, мы за защиту отечества.

Недопустимо, с точки зрения защиты отечества, давать себя вовлечь в военную схватку, когда не имеешь армии и когда неприятель вооружен до зубов, подготовлен великолепно»{286}.

Германское командование не приостановило продвижения своих армий и после получения извещения о принятии драконовских германских условий мира. Оно попрежнему продолжало наступление, сначала под предлогом неполучения письменного согласия Ленина,

а когда таковое было получено, то продвижение всё же продолжалось, по согласованию с Гертлингом, «до подписания большевиками мира».

Оправдывая верховное командование в обмане правительства и сокрытии от него получения согласия советского правительства принять германский ультиматум, чтобы иметь предлог для захвата новых территорий, Людендорф писал:

«Когда говорят, что наступление в Балтике продолжалось дальше той линии, которую верховное командование обещало имперскому канцлеру не переходить и что оно скрывало от него согласие Ленина подписать мирный договор до падения Нарвы, то это исторически неверно. Войска продвигались неожиданно быстро через Литву на Венден, который был указан имперскому канцлеру в качестве цели наступления. Но так как к этому времени ещё не была получена просьба Ленина о мире, то продвижение продолжалось, и именно с согласия канцлера. О получении мирного предложения большевиков он тотчас был извещён и одобрил намерение продолжать продвижение войск до тех пор, пока большевики не подпишут мира. Оно достигло Нарвы и Псковского озера. В этом была необходимость. Озеро должно было быть включено в долговременную линию обороны»{287} (читай: в долговременную границу. — Ф. Н.).

25 февраля — 1 марта происходили в рейхстаге довольно оживлённые общие политические прения по [226] вопросам внешней и внутренней политики. Германский ультиматум Советскому правительству уже был всем известен. Дискуссию открыли Гертлинг и Пайэр. Канцлер посвятил свою речь исключительно внешней политике Германии и её военным целям. Видное место в ней занял также ответ на новые четыре пункта Вильсона. Фон Пайэр говорил главным образом о внутриполитических проблемах, «демократизации» Германии и тех трудностях и отчаянном сопротивлении юнкеров, с которыми приходится бороться. Старый канцлер с исключительной развязностью и цинизмом лгал рейхстагу, будто Германия ведёт «оборонительную войну», что интервенция в Советской России не преследует контрреволюционных и завоевательных целей. Она начата, говорил он, «по зову Украины о помощи» и для обеспечения плодов заключённого с Украиной договора. Военные операции в России, продолжал он, ведутся не ради аннексий: «Они совершены исключительно по настойчивому требованию и представлениям населения защитить их против жестокостей и опустошений Красной гвардии... и иного характера иметь не должны». Германия, говорил он, вопреки решениям 18 декабря 1917 г. в Крейцнахе, не намерена «оставить Бельгию у себя». Если бельгийское правительство обратится к ней с мирным предложением, то она согласится обсудить лишь с ним одним вопрос о будущем устройстве Бельгии.

Указав на дополнительные четыре пункта Вильсона, Гертлинг в общем их «одобрил», хотя они, по его мнению, нереальны. Он считал, что Вильсон забежал слишком далеко вперёд со своими идеалами международного устройства, а действительность жестока и мало с ними считается. Гертлинг квалифицировал германское нападение на Советскую Россию как «миролюбивую» политику и всячески поносил политику Антанты, он говорил, что в противоположность оборонительным целям Германии — доказательством чего является заключённый ею мир с Центральной радой и предъявленный Советской республике ультиматум — Антанта всегда преследовала и ныне преследует завоевательные цели, о чём свидетельствуют «мирная декларация» Ллойд Джорджа и «четырнадцать пунктов» Вильсона. [227]

Человечество находится перед решительным моментом. Если враги Германии изъявят согласие начать мирные переговоры, то она с полной готовностью отзовётся на их предложение. Если же они не послушаются разума и захотят продолжать завоевательную с их стороны войну, то немецкие «великолепные войска под командованием своих гениальных полководцев» будут бороться с такой же несокрушимостью и дальше до полной победы{288}.

Пятидневные дебаты в рейхстаге показали, что начавшиеся уже в декабре колебания и

обратные политические сдвиги в серединных буржуазных партиях уже закончились и все эти партии вновь, по крайней мере в своём большинстве, вернулись на старые аннексионистские позиции. В июле 1917 г. центр, прогрессивная народная партия и часть немецкой фракции считали, что при сложившемся соотношении сил Германия не может одержать победы и что поэтому мир без аннексий и контрибуций будет для неё означать победу, так как он её предохранит от расчленения. По этой причине эти партии перестали тогда поддерживать военные цели консервативной и национал-либеральной партий и вместе с социал-демократической партией (большинства) образовали новое большинство в рейхстаге, которое заявило в принятой 19 июля 1917 г. резолюции, что оно будет добиваться «мира по соглашению». Теперь, в новой военной обстановке, серединные буржуазные партии закончили круг шатаний и стали вновь поддерживать старую аннексионистскую программу, формально не отказываясь от мирной резолюции рейхстага. Но они давали ей такое толкование, что любая аннексия превращалась в «соглашение».

После ознакомления с прениями в главной комиссии рейхстага 24–25 января и в рейхстаге 20–22 февраля нет надобности подробно останавливаться на изложении и анализе прений по внешней политике в рейхстаге 26 февраля — 1 марта{289}, так как они ничего принципиально [228] нового не внесли и не изменили, но лишь закрепили наметившееся уже ранее аннексионистское большинство. Произошло новое сближение между центром и прогрессистами, с одной стороны, и консерваторами и национал-либералами, с другой стороны. Эти партии все вместе одобрили политику правительства, в том числе и ультиматум Советскому правительству и намеченные Гертлингом линии будущего мира на Западе. Не только консерваторы, национал-либералы, немецкая фракция, но и лидеры католического центра, который был инициатором резолюции рейхстага от 19 июля 1917 г., выступили с заявлениями, что наступление 18 февраля (т. е. вероломное нападение и начатая интервенция в Советской России) преследует «освободительные» цели и не расходится с провозглашённым принципом в упомянутой резолюции «мир по соглашению». Вопреки заявлению Эрцбергера несколько дней назад, что все буржуазные партии, объединившиеся вокруг мирной резолюции рейхстага, остаются ей верными, другой лидер центра, Тримборн, одобрил «мирную» программу Гертлинга во всех её частях и особенно заявление о Бельгии и о якобы оборонительных целях войны германского империализма. Он одобрил «трезвый и обдуманный» ответ Гертлинга Вильсону на его «четырнадцать пунктов» и «четыре принципа». Касаясь интервенции в Советской России, Тримборн заявил: «Мы согласны с политическими целями продвижения на Украину и в остзейские провинции. Завоевательные тенденции ими не преследуются. За Германией остаётся слава, что она принесла и приносит измученным народам этих несчастных областей избавление от их страданий»{290}. Эта политика вполне укладывалась, по мнению Тримборна, в резолюцию рейхстага, которая требовала заключения мира на основе соглашения.

И сам Эрцбергер, соавтор резолюции рейхстага, полностью одобрил политику Гертлинга и ультиматум. «Мы можем горячо приветствовать тот мир, — сказал Эрцбергер, — которому уже проложен путь на Востоке, с Россией, может быть, он уже в данный момент подписал, [229] так как он целиком укладывается в рамках наших решений» {291}.

Все буржуазные партии, также и те, которые семь месяцев назад стояли за мир «по соглашению», сделались опять ярыми сторонниками аннексий, как только обстановка временно изменилась в пользу Германии. Из партий, представленных в рейхстаге, лишь социал-демократическая и независимая социал-демократическая партии выступили с критикой действий правительства: первая выступала на словах против аннексий и внешней политики правительства, но всё же поддерживала её в конечном счёте; вторая критиковала и разоблачала аннексионистскую политику Германии и защищала Советское правительство, но также не делала из этого необходимых выводов до конца. Двуличная роль социал-демократии особенно ярко выявлена в речи Шейдемана, который критиковал восточную политику правительства и его нечистые намерения относительно Бельгии и предсказывал, что это приведёт германский народ к катастрофе, но он всё же умудрился возложить долю вины за эту политику на... большевиков.

Шейдеман нашёл в речи Гертлинга желание «мира по соглашению», одобрил его политику, как и его желание вести сепаратные переговоры с Бельгией, которые явятся мостом для заключения действительного мира и на Западе{292}.

С резкой отповедью Гертлингу выступил 27 февраля в английской палате общин Бальфур. Он заявил, что «четыре принципа» Вильсона не нуждаются в одобрении Германии. Кто хочет мира, тот должен их принять, Бельгийский вопрос — это центральный вопрос мирной конференции. Германия должна признаться в своём преступлении перед Бельгией и искупить его. Она должна вернуть ей всё, что взяла у неё, безусловно и безоговорочно. Бельгия должна занять самостоятельное положение среди европейских государств. Совершённая по отношению к Франции несправедливость должна быть исправлена и Эльзас-Лотарингия возвращена. [230]

Бальфур выступил против распространённой легенды, будто германский милитаризм опирается только на обособленную военную касту и она им руководит. На самом деле милитаризму поклоняется значительная часть немецкой интеллигенции, которая готова пустить в ход все меры, чтобы возвести Германию на степень господствующей над всем миром державы. Германская «оборонительная» война означает войну для расширения территории, а германская война за экономическую независимость означает экономическое подчинение других наций германским экономическим интересам. Это является препятствием на пути к миру. Пока не будут созданы уверенность и гарантии в заключении мира на основе «четырнадцати пунктов» Вильсона и его четырёх принципов, до тех пор не могут быть начаты переговоры о мире{293}.

Германская буржуазия в своём громадном большинстве, а юнкерство и генералитет почти без исключений были опьянены кровью и «победами». Они верили, что через два-три месяца они не только покорят Советскую Россию, но разобьют Францию и Англию и заставят просить мира США. Среди свободомыслящих буржуа и скептиков были и такие, которые опасались за будущее. Они были бы непрочь одобрить политику правительства, если бы не страшились её последствий. Один из таких «свободомыслящих» политиков и промышленных магнатов Вальтер Ратенау писал 1 марта 1918 г. майору Штейнбэмеру:

«Русская политика, рассматривая её оптимистически, мне кажется каким-то большим незаконченным творением. Создаются по крайней мере четыре новых государства, из них два больших, которые будут развиваться гораздо более быстрыми темпами, чем в царское время, — все самонадеянные, упрямые и неблагонадёжные. Частично недовольные, частично глубоко задетые и истеричные. Каким безвредным соседом была по сравнению с ними царская Россия! Если последующий всеобщий мир не сотрёт часть этой картины, то мы будем жить в пучине вражды и конфликтов». [231]

Ратенау и его немногочисленные единомышленники верили, что подготовлявшееся наступление на Западном фронте будет победоносным и принесёт всеобщий мир, но они далеко не разделяли иллюзии пангерманцев относительно покорения всех своих могущественных противников.

«Мир в результате наступления на Западе ожидается как нечто само собой понятное. Чем больше я верю в успех, тем кажется он (успех) мне в конечном счёте невероятнее»{294}.

Ратенау также верил, что в результате наступления на Западе будут созданы новые германские генерал-губернаторства в Париже, Лионе, Марселе, Орлеане и Бордо, но это его не радовало, так как Германии нужен был мир, а не углубление мирового конфликта и изобретение немецкими учёными новых проблем, над которыми они уже работали. Ратенау саркастически и ядовито продолжал:

«Я радуюсь за немецких профессоров, которые подарят нам басконскую, провансальскую, нормандскую и гасконскую «проблему».

Интервенция в Советской России преследовала, как выше показано, самостоятельную

политическую цель, но она была неотделима от западной политики германского империализма и проводилась одновременно с подготовкой наступления на Западе, которая «превосходила, по словам Ратенау, всё до тех пор мыслимое».

17. Неучтённые уроки Брест-Литовского мира 1918 г.

Германские войска не прекращали своего продвижения и после приезда в Брест-Литовск советской делегации для подписания продиктованного ультиматума. Когда снова возобновились мирные переговоры, германские империалисты ещё раз нарушили своё слово и потребовали дополнительно уступки Турции трех областей — Батумской, Карской и Ардаганской — и [232] выполнения ряда новых тяжёлых экономических и правовых условий, на которые Советское правительство вынуждено было пойти. 3 марта был подписан в Брест-Литовске «мирный» договор без обсуждения отдельных его статей. Советское правительство заявило при этом, что оно подписывает насильственно навязанные условия, продиктованные более сильной в настоящее время стороной, и отказывается от их обсуждения как совершенно бесполезного при создавшихся условиях. В заявлении говорилось, что этот мир продиктован с оружием в руках. Это мир, который, стиснув зубы, вынуждена принять революционная Россия. Заявление разоблачало контрреволюционный и интервенционистский характер наступления германских войск в защиту капиталистических интересов против рабочей и крестьянской революции. Оно протестовало против навязывания трудящимся России в ещё более тяжёлой форме торгового договора 1904 г. и против отторжения в пользу Турции областей Ардагана, Карса и Батума, ни разу не завоёванных турецкими войсками. Такой откровенный и насильственный захват важных стратегических пунктов мог иметь только одну цель — подготовку нового наступления на Россию и защиту капиталистических интересов против рабочей и крестьянской революции.

Разоблачая, далее, интервенционистский характер наступления германских войск и во время «мирных» переговоров, Советское правительство заявляло, что это делается с целью удушения, в интересах мирового империализма, русской рабоче-крестьянской революции. Советское правительство, говорилось далее, подписывает продиктованный ультиматум во имя спасения революционной России и выражает уверенность, что это торжество империализма и милитаризма над международной пролетарской революцией окажется лишь временным и преходящим.

Подписывая тяжёлый «несчастный мир», «Тильзитский мир», как Ленин называл Брест-Литовский мир, Советское правительство купило этой ценой необходимую Советской республике «передышку» для собирания и организации сил, для укрепления завоеваний революции и подготовки к революционной, освободительной [233] войне. Большевики знали, что Брестский «мир» является началом новых войн, и они хотели к этому подготовиться. Гениальный стратегический план Ленина состоял именно в этом.

«Мы вступили в эпоху ряда войн, — писал Ленин 5 марта 1918 г. в статье «Серьезный урок и серьезная: ответственность». — Мы идем к новой отечественной войне»{295}. Ленин призывал русский пролетариат и крестьянство к организованности и выдержке, не предаваться отчаянию и помнить, что «все же история возьмет свое». Он ободрял народные массы, говоря: «Нас осадил, нас придавил и унизил хищник — мы сумеем вынести все эти тяготы...Будущее, несмотря ни на какие испытания — за нами» {296}.

Учитывая уроки истории, Ленин и Сталин, добившись передышки для страны, принялись за организацию и подготовку Красной Армии и внушили массам свою непреклонную уверенность в неизбежности победы. Ленин писал: «Мы заключили Тильзитский мир. Мы придем и к нашей победе, к нашему освобождению, как немцы после Тильзитского мира 1807–1810 годов пришли к освобождению от Наполеона в 1813 и 1814 годах. Расстояние, отделяющее наш Тильзитский мир от нашего освобождения, будет, вероятно, меньше, ибо история шагает быстрее»{297}.

Веря в несокрушимую силу советского народа, товарищ Сталин также призывал к бодрости и к организованности. Он предвидел и предсказал последствия германской интервенции на Украине. В статье «Украинский узел» товарищ Сталин писал 14 марта. 1918 г.:

«А что, если немецкие рабочие и солдаты в ходе такой войны поймут, наконец, что заправилами Германии руководят не цели «обороны немецкого отечества», а простая ненасытность обожравшегося империалистского зверя, и, поняв это, сделают соответствующие практические выводы?.. [234]

Обожравшийся империалистский зверь, сломивший себе шею на Советской Украине, — не к этому ли ведет теперь неумолимая логика событий?»{298}

Брестский договор не принёс мира на Восточном фронте. Крайние элементы германского империализма его расценивали как «юридическую» основу для дальнейшего продвижения германских армий на советскую территорию и подчинения Германии всей Советской республики. Не все группы финансового капитала поддерживали такую авантюристическую политику. Более умеренные группы стояли за временную приостановку дальнейшей экспансии на Востоке. Эти группы империалистической буржуазии предпочитали, как, указывал Ленин, «в данный момент аннексионистский мир с Россией дальнейшей войне по тому соображению, что такая война отвлекла бы силы от Запада, увеличила бы и без того чувствительную уже непрочность внутреннего положения в Германии, затруднила бы получение сырья из мест, объятых восстанием или пострадавших от разрушения железных дорог, от недосева и т. п. и т. д.»{299}

Однако эти умеренные группы империалистической буржуазии имели очень мало влияния на государственную политику. После заключения Брестского мира одержали верх крайние элементы германской военной партии, которые стояли за «немедленное и общее наступление на Россию в целях занятия всей ее территории и свержения Советской власти» {300}.

Не довольствуясь аннексией по Брестскому миру Польши, Литвы, Прибалтики, Украины и Белоруссии и оккупацией Латвии и Эстонии, немцы заняли уже после заключения мира Финляндию, Крым, Ростов, полезли на Кубань, протянули свои жадные лапы к Баку и пытались утвердиться в Закавказье. Они отрезали нашу родину от Балтийского и Чёрного морей и пытались отрезать также через Финляндию и от Белого моря.

Прошло больше 25 лет с тех пор, как советский народ вдребезги разбил немецкие планы поработить нашу родину. Гитлер вытащил на свет старые завоевательные [235] планы германского империализма и хотел водрузить дьявольскую свастику над нашей страной. Слова товарища Сталина о политике и целях Гитлера во второй мировой войне применимы к политике и к целям германских империалистов в войне 1918 г. против Советской России.

«Враг жесток и неумолим, — сказал товарищ Сталин. — Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белоруссов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идёт, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение»{301}.

Всем памятен бесславный конец германских попыток поработить нашу родину в 1918 г. и установить господство Германии над воем миром. После Брест-Литовского мира немецкие захватчики должны были держать в советских областях вначале больше миллиона, а позже около 500 тыс. солдат, а вместе с австро-венгерцами около 800 тыс. Германские грабители не получили столько продовольствия и сырья на Украине, сколько они рассчитывали получить и

которое им нужно было для победы над Антантой. Красная Армия и советские партизаны оказывали упорное сопротивление немецким грабителям, изматывали и изнуряли их военные силы. «Между тем это превращение войны в явно грабительскую подорвало всю германскую армию, а соприкосновение с Советской Россией внесло в эту армию трудящихся масс Германии то разложение, которое сказалось через несколько месяцев»{302}.

Когда германские армии начали терпеть поражение (с июля 1918 г.) на Западном фронте, верховное [236] командование не смогло перебросить туда свои оккупационные войска с Украины, так как немецкие гарнизоны там находились, как в осаждённой крепости, а страна была объята пламенем восстания. «Непобедимая» германская армия была в конце концов деморализована и разбита в постоянных боях с Красной Армией и советскими партизанами. Советская Россия связала на своей территории десятки вражеских дивизий и тем самым оказала большую помощь армиям Антанты, перешедшим в решительное наступление на Западе. Германской армии пришлось после её разгрома отдать по Компьенскому перемирию 11 ноября 1918 г. победителям — французам, англичанам и американцам — всё своё вооружение и транспортные средства: артиллерию, пулемёты, воздушный и морской флот, подводные лодки, паровозы, вагоны и грузовые автомобили. Лишь такой ценой она смогла купить себе милостивое разрешение победителей отправиться домой «налегке», с одним ручным оружием.

Поучительную историю «похода» германской армии грабителей из Советской страны описал немецкий историк Франц:

«Около 300 тыс. человек, вышедших из повиновения своему начальству, устремились на родину... Впереди была суровая русская зима, всюду нас окружали враги... Страшный мороз и ледяной восточный ветер с первого до последнего дня. Маршировали пешком, ведя лошадей под уздцы. Повозки с трудом подвигались по ухабистым дорогам в глубоком снегу. Так они прошли 800 километров».

Бегущая немецкая армия двигалась большими массами; лишь так она могла отбиваться от преследовавших её по пятам украинских и белорусских партизан. Но даже оказавшись в таком плачевном состоянии, она не расставалась со своими грабительскими и бандитскими повадками. Тот же историк пишет:

«Там, где население отказывалось снабжать продовольствием, деревни поджигались и погибали в пламени. Всякое сопротивление беспощадно подавлялось».

Полный разгром и уничтожение «непобедимой» армии, революция в Германии, распад монархии Габсбургов, бегство Вильгельма II — так закончились гордые [237] планы германских империалистов навязать немецкое господство всему миру.

Жизнь показала, что гитлеровская Германия пришла к более трагическому концу, чем в своё время Германия Вильгельма II. «Сначала, — говорил Ленин в 1918 г. про германский империализм, — он невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние»{303}.

Никакие заклинания Гитлера вроде таких, как «пока я жив — 1918 год не повторится», не помогли. 1945 год оказался более страшным для гитлеровской Германии, чем 1918 год был для вильгельмовской Германии и династии Гогенцоллернов. Красная Армия переломила хребет фашистской Германии, освободила большую часть Европы от оккупантов, заняла Берлин и вместе с союзными армиями уничтожила рассадник страшной социально-политической заразы, угрожавшей гибелью человечеству, его свободе и культуре.

Примечания

{1} *Маркс* и *Энгельс,* Соч., т. XI, ч. 2, стр. 7.

{2} *Маркс и Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 358–359.

{3} *Einer Grösst-Deutscher,* Germania triumphans, Berlin. 1894; Alldeutscher, — Gross-Deutschland und Mitteleuropa um des Jahr 1950. Berlin 1895; *Ernst Hasse,* Deutsche Politik, Drittes Heft (Deutsche Grenzpolitik), München 1906; *Rudolf Martin,* Berlin — Bagdad. Das Deutsche Weltreich in Zeitalter der Luftschiffahrt 1910–1931, Stuttgart und Leipzig 1907; *O. R. Tannenberg,* Gross-Deutschland, die Arbeit des XX Jahrhunderts, Leipzig 1911; *Bernhardie,* Deutschland und der nächste Krieg, Leipzig 1912.

{4} *0. R. Tannenberg,* Gross-Deutschland, die Arbeit des XX Jahrhunderts, S. 237.

{5} *Heinrich von Sbrik,* österreich in der deutschen Geschichte, München 1936. S. 77.

{6} *A. von Tirpitz,* Deutschlands Ohnmachtspolitik im Weltkriege, Berlin 1926, S. 62.

{7} Ibid., S. 67.

{8} Ibid., S. 65.

{9} «Die Ursachen des deutschen Zusammenbruches im Jahre 1913. Das Werk des Untersuchungsausschusses der Verfassungsgebenden deutschen Nationalversammlung und des deutschen Reichstages 1919–1928», Reihe 4, Bd. 12, Halbband I, Berlin 1929, S. 35.

{10} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 12, Halbband J, S. 36.

{11} Ibid.

{12} *Heinrich Class,* Wider den Strom, Leipzig 1932, S. 320–323.

{13} Ibid., S. 326.

{14} *Heinrich Class,* Wider den Strom, S. 327–328.

{15} *A. von Tirpitz,* Deutschlands Ohnmachtspolitik im Weltkriege, S. 69–72.

{16} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 12, Halbband I, S. 36.

{17} *A. von Tirpitz,* Erinnerungen, Leipzig 1919, S. 399.

{18} «Die Zukunft», 22 und 29 August, 5 September 1914, S. 251 und 291; 318, 319, 320; S. *Grumbach,* Das annexionistische Deutschland, Lausanne 1917, S. 239–240.

{19} Такие планы и намерения относительно Франции господствовали в те дни и в головах Вильгельма II и Бетман-Гольвега. После разгрома Франции, говорили они, ей будет предложен «мир» и оборонительно-наступательный союз. С Россией Германия сама разделается, а вместе с французским флотом покончит с Англией. См. *A. von Tirpitz,* Deutschlands Ohnmachtspolitik im Weltkriege, S. 62.

{20} *Friedrich Naumann,* Deutschland und Prankreich, Stuttgart — Berlin 1914, SS. 8, 9, 17, 19, 20, 23, 26, 27.

{21} *Paul Rohrbach,* Zum Weltvolk hindurch, S. 89–00. Курсив подлинника.

{22} Ibid., S. 103.

{23} Ibid. Курсив подлинника.

{24} *Hans Delbrück,* Krieg und Politik 1914–1916, Berlin 1918, S. 60.

{25} Цит. по газете «Vorwärts» № 271, 4 Oktober 1914, S. 3.

{26} *Hans Delbrück,* Krieg und Politik 1914–1916, S. 61–63.

{27} *A. von Tirpitz,* Deutschlands Ohnmachtspolitik im Weltkriege, S. 134–135.

{28} *A. von Tirpitz,* Deutschlands Ohnmachtspolitik im Weltkriege, S. 142–143.

{29} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 12, Teil l, Anlage 11, S. 187–193.

{30} Ibid., S. 36.

{31} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 12, Teil l, Anlage 11, S. 37.

{32} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 12, Teil l, Anlage 12, S. 193–199.

{33} *Schulthess,* Europäischer Geschichtskalender 1915, Teil 2, S. 1391–1395.

{34} Ibid., S. 1400–1405.

{35} *S. Grumbach,* Das annexionistische Deutschland, Lausanne 1917, S. 139–140.

{36} В недрах этого съезда образовалась постоянная «профессорская» организация для пропаганды в стране идей «германского мира» (Der unabhängige Ausschuss für einen deutschen Frieden) во главе с Дитрихом Шеффером.

{37} См. тексты пангерманского меморандума, меморандума мести хозяйственных организаций монополистического капитала, меморандума профессоров и другие аннексионистские документы. *Schulthess,* Europäischer Geschichtskalender 1915, Teil 2; *S.*

Grumbach, Das annexionisüsclie Deutschland.

{38} «Verhandlungen des deutschen Reichstages», Stenographische Berichte, Bd 306, S. 141–143.

{39} Ibid., S. 437.

{40} «Preussische Jahrbücher», September 1915, S. 168.

{41} *Hans Delbrück,* Bismarks Erbe, Berlin 1915, S. 202.

{42} «Preussische Jahrbücher», September 1915, S. 180.

{43} *Friedrich Naumann,* Mitteleuropa, Berlin 1915, S. l.

{44} *Friedrich Naumann,* Mitteleuropa, S. 4.

{45} Ibid.

{46} Ibid., S. 2–3.

{47} *Paul Rohrbach,* Russland und wir, Berlin 1915, S. 90–94. Курсив подлинника.

{48} *Friedrich Meinecke,* Probleme des Weltkrieges, Berlin 1917, S. 133.

{49} *Hermann Onken,* Das alte und das neue Kitteleuropa, Berlin, S. 112.

{50} Ibid., S. 118.

{51} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 12, Teil l, S.

{52} *Ленин,* Соч. т. XVIII, стр. 256.

{53} *Ленин,* Соч., т. XVIII, стр. 256.

{54} См. *Фалькенгайн,* Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях, М. 1923, стр. 193–201.

{55} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 12, Teil l, Anlage 14, S. 200–202.

{56} Ibid., Bd 12, Teil l, Anlage 15, S. 202–204.

{57} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 12, Teil *l,* Anlage 16, S. 204–206.

{58} *Paul Rohrbach,* Unser Kriegsziel im Osten und die russische Revolution, Weimar 1917, S. 4.

{59} Ibid., S. 5.

{60} Ibid., S. 8–9.

{61} Ibid., S. 9.

{62} *Paul Rohrbach,* Unser Kriegsziel im Osten und die russische Revolution, S. 13.

{63} Ibid., S. 18.

{64} *Paul Rohrbach,* Unser Kriegsziel in Osten und die russische Revolution, S. 27. Курсив подлинника.

{65} Ibid., S. 28–29.

{66} Ibid., S. 25.

{67} *Ленин,* Соч., т. XXII, стр. 4.

{68} Там же, стр. 13–14.

{69} *Hindenburg,* Aus meinem Leben, Leipzig 1920, S. 301.

{70} *Walter Ratenau,* Politische Briefe, Dresden 1929, S. 159–100.

{71} *Karl Helfferich,* Der Weltkrieg, Bd III, Berlin 1919, S. 221–224.

{72} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 12, Halbband I, Anlage 19, S. 210–215.

{73} Цит. по речи Гаазе в рейхстаге 29 ноября 1917 г. «Verhandlungen des deutschen Reichstages». Stenographische Berichte, Bd 311, S. 3960.

{74} См. «Vorwärts», 30 November 1917.

{75} «Verhandlungen des deutschen Reichstages». Stenographische Berichte, Bd 311, S. 3944–3947.

{76} Ibid., S. 3947.

{77} «Verhandlungen des deutschen Reichstages». Stenographische Berichte, Bd 311, S. 3948–3951.

{78} «Verhandlungen des deutschen Reichstages». Stenographische Berichte, Bd 311, S. 3956.

{79} *Ottokar Czernin,* Im Weltkriege, Berlin 1919, S. 198–204.

{80} В ноябре 1916 г. Австро-Венгрия и Германия провозгласили «независимое» польское королевство из русской Польши в надежде, что им удастся получить от 500 тыс. до 1 млн. польских солдат. Когда этот план целиком провалился, было решено значительную часть русской Польши передать Пруссии «с целью укрепления её границ», а из остатка польской территории образовать автономную провинцию с габсбургским эрцгерцогом во главе и связанную унией с Австрией. Подлежащая передаче Пруссии часть Польши не была точно

определена, и это служило яблоком раздора между Берлином и Веной. Германия добивалась расширения этой территории, Австро-Венгрия же сопротивлялась этому, так как рассматривала остаток русской Польши как своё будущее достояние.

{81} *Karl Nowak,* Der Sturz der Mittelmächte «Memoire des kaiserlichen und königlichen Ministers des Aüsseren Grafen Ottokar Ozernin an Kaiser Karl von österreich», München 1921, b. 420–428.

{82} «Die Ursachen», Reihe 4, IM 12, Halbband I, Anlagen 14–16, S. 200–206.

{83} «Arbeiter Zeitung» № 311, 12 November 1917.

{84} Ibid.

{85} Рабочая печать Австрии и Венгрии того времени полна сообщений о такого рода выступлениях рабочих. См., например, в венской «Arbeiter Zeitung» сообщения с мест за ноябрь — декабрь 1917 г: под рубриками «Die Friedensbewegung» и «Die Friedensbewegung des österreichischen Proletariats».

{86} См. «Arbeiter Zeitung» №329, 30 November 1917.

{87} «Arbeiter Zeitung» № 330, l Dezember 1917.

{88} «Arbeiter Zeitung» № 334, 5 Dezember 1917.

{89} Ibid.

{90} «Arbeiter Zeitung» № 334, 5 Dezember 1917.

{91} «Arbeiter Zeitung» № 336, 7 Dezember 1917.

{92} «Arbeiter Zeitung», № 333, 4 Dezember 1917.

{93} Эти решения дословно гласили: «1. Бельгия продолжает существовать и будет находиться под контролем до тех пор, пока она не созреет в политическом и экономическом отношении для оборонительного и наступательного союза с Германией. Окончание этого переходного периода в своё время определит Германия. Тем не менее по военно-стратегическим причинам Льеж и фландрское побережье с Брюгге останется в длительном германском владении (или 99-летней аренде). Эти уступки являются непременным условием мира с Англией. К местности, лежащей впереди Льежа, должны принадлежать Тонгерен и железнодорожная линия Ставело — Мальмеди. Германский контроль включает в общем право оккупации и контроль над дорогами (включая железные дороги). Развёртывание германской армии против Франции на бельгийской границе должно быть обеспечено путём оккупации. Бельгия не будет иметь во время переходного периода армии, только лишь жандармерию. Бельгийские железные дороги переходят к германским железным дорогам. Верховное командование требует уступки юго-восточной оконечности Бельгии (область Арлон), исходя из военно-экономических соображений, так как предполагается, что там находится железная руда...» («Die Ursachen», Bd 12, Teil l, Anlage 14, S. 201.)

{94} 17 декабря 1917 г. Гинденбург телеграфировал Гертлингу: «Решение коронного совета (от 11 сентября 1917 г. — Ф. *Н.)* было принято при том условии, если ещё до конца этого года будет заключён мир с Англией. Таким образом, решение коронного совета скоро потеряет свою силу. При таких обстоятельствах я считаю безусловно необходимым, чтобы ваше превосходительство как можно скорее добилось у его величества нового решения, для чего в ближайшие дни в Крейцнахе должна представиться возможность, тем более что благодаря заключению перемирия положение на Востоке значительно выяснилось, и потому всегда можно рассчитывать, судя по дипломатическому положению, на то, что может последовать непосредственно рассмотрение бельгийского вопроса». («Die Ursacben». Reihe 4, Bd 3, Anlage, S. 266.)

{95} «Die Ursachen», Keine 4, Bd 12, Teil l, Anlage 20, S. 215–218.

{96} Ibid., Anlage 16, S. 204.

{97} *Erich Ludendorff,* Kriegsführung und Politik, Berlin 1922, S. 282.

{98} *Westarp.* Konservative Politik, Berlin 1935. Bd 2. S. 566.

{99} *Erich Ludendorff,* Meine Kriegserinnerungen, Berlin 1919, S. 438.

{100} Лорд Ленсдаун играл крупную роль в политической жизни Англии. Он состоял в 1896–1901 гг. военным министром в кабинете Солсбери, а затем министром иностранных дел в кабинете Бальфура с 1902 по 1905 г. Он заключил в 1904 г. соглашение с Францией. В 1915–1916 гг. он был министром без портфеля в коалиционном кабинете Асквита.

{101} «Архив полковника. Хауза», т. III, М. 1939, стр. 167.

{102} *Ллойд Джордж,* Военные мемуары, т. V, М. 1938, стр. 38–38.

{103} Из переписки В. А. Маклакова с Национальным центром в 1919 г. «Красный Архив», т. XXXVI, 1929, стр. 10.

{104} 7 ноября 1917 г. было образовано контрреволюционное войсковое правительство на Дону во главе с генералом Калединым; в октябре того же года было создано буржуазно-националистическое контрреволюционное «правительство», или «Юго-восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей», во Владикавказе; в конце ноября поднял восстание на Урале против советской власти атаман Оренбургского казачьего войска Дутов; в ноябре же начала враждебные действия претив советского правительства буржуазная Украинская рада.

{105} *Ллойд Джордж,* Военные мемуары, т. V. стр. 96.

{106} Там же, стр. 68.

{107} *Джордж Бьюкенен,* Мемуары дипломата, М., стр. 279.

{108} *Ллойд Джордж,* Военные мемуары, т. V, стр. 100.

{109} Там же, стр. 87.

{110} «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 199–200.

{111} *Ллойд Джордж,* Военные мемуары, т. V, стр. 87. Пуанкаре записал в своём дневнике 30 ноября 1917 г., со слов Клемансо, что в ответ на предложение Ллойд Джорджа он ему сказал: «Вы хотите, чтобы я поблагодарил людей, которые у меня отняли кошелек» (Poincare, t. IX, p. 395).

{112} *Ллойд Джордж,* Военные мемуары, т. V, стр. 87; «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 201.

{113} «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 198.

{114} «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 196.

{115} Там же, стр. 223.

{116} Там же, стр. 198.

{117} «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 200–201.

{118} Там же, стр. 201.

{119} «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 200.

{120} Там же, стр. 273.

{121} «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 273.

{122} «Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia», vol. 11, Washington 1932, p. 84.

{123} См. меморандум лорда Милнера и лорда Сесиля у Ллойд Джорджа. «Военные мемуары», т. V, стр. 93–95.

{124} У. *Черчилль,* Мировой кризис, М. — Л. 1932, стр. 105.

{125} *Ллойд Джордж,* Военные мемуары, т. V, стр. 93–95.

{126} «The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace», v. I. New-York and London 1927, p. 128–139.

{127} «Vorwärts» № 336, 8 Dezember 1917.

{128} «Vorwärts» № 335, 7 Dezember 1917.

{129} Ibid., M 336, 8 Dezember 1917.

{130} 11 декабря 1917 г. выступил Асквит в Бирмингаме с программой английского демократического мира, 12 декабря произнёс речь о военных целях в итальянском сенате премьер-министр Орландо, 14 декабря произнёс речь Ллойд Джордж на банкете воздушного флота, а 20 декабря — в палате общин, 27 декабря выступил французский министр иностранных дел Пишон в палате депутатов.

{131} *Ллойд Джордж,* Военные мемуары, т. V, стр. 26–37.

{132} Доклад Менсдорфа графу Чернину № 1 Р. от 19 декабря 1917 г., «Berliner Monatshefte», Mai 1937. S. 401–409.

{133} Доклад Менсдорфа графу Чернину № 2 Р., «Berliner Monatshefte», Mai 1937, S. 409–413.

{134} «Great Britain Parlementary Debats», 5 series, v. 100, House of Commons, v. II, Session 1917, p. 2205–2224.

{135} См. «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. I, №. 1940. стр. 81–82.

{136} *Ottokar Czernin.* Im Weltkriege, Berlin 1919. S. 306–307.

{137} «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I. М, 1920, стр. 9–11.

{138} *Erik Ludendorff,* Kriegsführung und Politik, S. 284–285.
{139} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 8, S. 220, Anmerkung 7.
{140} *Westarp,* Konservative Politik, Bd 2. S 507.
{141} *Westarp,* Konservative Politik, Bd 2, S. 568–509.
{142} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 8, S. 223, Anmerkung 14.
{143} «Vorwärts» К» 335, 28 Dezember 1917.
{144} *Westarp,* Konservative Politik, Bd 2, S. 567.
{145} Ibid.. S. 568–569.
{146} «Vorwärts» №354, 27 Dezember 1917.
{147} «Arbeiter Zeitung» № 12, 12 Januar 1918; «Verhandlungen des deutschen Reichstages», Stenographische Berichte, Bd 311, S. 4040, 4082; «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 2, Teil l, S. 90–92, 114–117 und Anlage 8, S. 136–139.
{148} *Walter Ratenau,* Politische Briefe, S. 163–164.
{149} *Walter Ratenau,* Politische Briefe, S. 163–164.
{150} «Vorwärts» № 357, 30 Dezember 1917 und «Arbeiter Zeitung» № 356, 29 Dezember 1917.
{151} «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, стр. 30–31.
{152} *O. Grats* und *R. Schulter,* äussere Wirtschaftspolitik. Mitteleuropäische Pläne, Wien 1925, S. 292.
{153} *O. Gratz* und *R. Schütter,* äussere Wirtschaftspolitik. Mitteleuropäische Pläne, S. 292–295.
{154} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 2, Teil l, Anlage l, S. 123–125.
{155} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd. 2, Teil l, Anlage 4, S. 130–132.
{156} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 2. Teil l, Anlage 3, S. 128–139.
{157} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 2, Teil l, Anlage 5, S. 134–135.
{158} Ibid., Reihe 4, Bd 2, Teil l, Anlage 6, S. 135.
{159} *Westarp,* Konservative Politik, Bd 2, S. 649.
{160} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 2, Teil 2, Anlage l, S. 337–338.
{161} «Die Ursachen». Reihe 4, Bd 2, Teil l, Anlage 7, S. 136–136.
{162} *Ллойд Джордж,* Военные мемуары, т. V, стр. 89
{163} *Ллойд Джордж,* Военные мемуары, т. V, стр. 55–62.
{164} «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 239.
{165} «The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace», v. l, p. 155–164.
{166} *Mordacq,* Le ministére Clémenceau, Journal d'un témoin, l, Paris 1930, p. 123–124.
{167} «Annales de la Chambre de députés, 11-e Législature. Débats pailemeutaires, Session de 1918», Paris 1918, p. 38–39.
{168} «Arbeiter Zeitung» № 13, 13 Januar 1918.
{169} «Arbeiter Zeitung» № 13, 13 Januar 1918.
{170} «Arbeiter Zeitung» № 337, 8 Dezember 1917.
{171} В газете «Arbeiter Zeitung» имеются многочисленные сообщения за декабрь 1917 г. и за январь — февраль 1918 г. о такого рода столкновениях между сторонниками мира и войны.
{172} *Schulthess,* Europäischer Geschichtskalender 1918, Teil 2, S. l — 2.
{173} *Oberst von Ars,* Zur Geschichte des Grossen Krieges 1914–1918, Wien 1924, S. 222.
{174} *Julius Deutsch,* Aus Oesterreichs Revolution, S. 3.
{175} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 2, Teil l, Anlage 3, S. 129.
{176} «Arbeiter Zeitung» № 11, 11 Januar 1918.
{177} «Arbeiter Zeitung» № 15, 15 Januar 1918.
{178} *G. Gratz und R. Schütter,* äussere Wirtschaftspolitik. Mitteleuropäische Pläne, S. 131–133.
{179} *O. Grats* und *R. Schütter,* äussere Wirtschaftspolitik. Mitteleuropäische Pläne, S. 133–134.
{180} Ibid., S. 134.
{181} Ibid., S. 139–140.
{182} *G. Grats* und *R. Schulter,* äussere Wirtschaftspolitik. Mitteleuropäische Pläne, S. 139.
{183} Ibid., S. 135–136.
{184} *G. Gratz* und *R. Schüller,* äussere Wirtschaftspolitik. Mittel» europäische Pläne, Wien 1925, S. 137.
{185} Ibid., S. 137–138.
{186} Ibid., S. 138.

{187} *O. Gratz* und *R. Schulter,* äussere Wirtschaftspolitik. Mitteleuropäische Pläne, S. 138.
{188} *Julius Deutsch,* Geschichte der österreichischen Gewerkschaftsbewegung, Bd 11, Wien 1932, S. 45.
{189} «Arbeiter Zeitung» № 16, 16 Januar 1918.
{190} «Arbeiter Zeitung» № 17, 17 Januar 1918.
{191} Ibid.
{192} «Arbeiter Zeitung» № 17, 17 Januar 1918.
{193} «Arbeiter Zeitung» № 20, 22 Januar 1918.
{194} «Arbeiter Zeitung» № 18, 18 Januar 1918.
{195} «Arbeiter Zeitung» № 18, 18 Januar 1918.
{196} *Julius Deutsch,* Aus Oesterreichs Revolution S. 5
{197} *Otto Bauer,* Die Revolution in Oesterreich, S. 65.
{198} «Arbeiter Zeitung» № 20, 22 Januar 1918.
{199} «Arbeiter Zeitung» № 19, 21 Januar 1918.
{200} «Arbeiter Zeitung» № 20, 22 Januar 1918.
{201} *Julius Deutsch,* Geschichte der deutschen-österreichischen Gewerkschaftsbewegung, Bd 11, S. 50.
{202} «La Question de l'Adriatique (1914–1918)». Recueil de documents, Paris, № 222, 1938, p. 221.
{203} *Bruno Frei,* Die roten Matrosen von Cattaro, Wien 1937, S. 21–61.
{204} «Die Ursachen», Reihe 4, Bdi 2, Teil l, Anlage 13, S. 145–119.
{205} *Von Arz,* Zur Geschichte des Grossen Krieges 1914–1918, S. 223.
{206} «Arbeiter Zeitung» № 22, 24 Januar 1918.
{207} «Vorwärts» № 25, 25 Januar 1918.
{208} «Vorwärts» № 25, 25 Januar 1918.
{209} «Vorwärts» № 25, 25 Januar 1918, S. 3.
{210} Ibid., S. 4.
{211} «Vorwärts» № 20, 26 Januar 1918.
{212} Ibid.
{213} «Vorwärts» № 25, 25 Januar 1918.
{214} «Vorwärts» № 26, 26 Januar 1918, S. 1.
{215} «Arbeiter Zeitung» № 23, 25 Januar 1918.
{216} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 12, Anlage 21, S. 220.
{217} *G. Gratz* und *R. Schütter,* äussere Wirtschaftspolitlik. Mitteleuropäische Pläne, S. 297.
{218} *Ottokar Czernin,* Im Weltkriege, S. 334.
{219} «Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Supplement 1. The World War», p. 72–80.
{220} *C. Gansmann,* Schlaglichter, Berlin 1924, S. 168.
{221} *C. Gausmann,* Schlaglichter, S. 170.
{222} *G. Gratz* und *R. Schütter,* äussere Wirtschaftspolitik. Mitteleuropäische Pläne, S. 143–146.
{223} *A. Rosenberg,* Die Entstehung der Deutschen Respublik, Berlin 1930, S. 191.
{224} *A. Rosenberg,* Die Entstehung der Deutschen Respublik, S. 192.
{225} Ibid., S. 193.
{226} «Спартак» во время войны, М. 1933, стр. 184.
{227} «Verhandlungen des deutschen Reichstages», Stenographische Berichte, Bd 311, S. 4166.
{228} *M. von Baden.* Erinnerungen und Dokumenten, Berlin 1927, S. 216.
{229} «Verhandlungen des deutschen Reichstages», Stenographische Berichte, Bd 311, S. 4165.
{230} Ibid., S. 4167.
{231} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 5, Beilage 2, S. 275.
{232} Ibid., S. 281.
{233} «Die Ursachen», Reihe 4, Bd 5, Beilage 2, S. 282.
{234} Ibid., S. 282.
{235} Ibid., Bd 6, S. 14–15.
{236} Congressional Record Procuding and debates of the 2-d Session of the Congress of the U. S. of, v. 56, p. 936–938. См. также «The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace», v. I, p. 177–184.

{237} «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 26.

{238} Интересные беседы Ламмаша с Херроном подробно изложены в донесении американского поверенного в делах в Берне Вильсона государственному секретарю Лансингу от 8 февраля 1918 г. См. Papers relating to the Foreign Relations of the United States 1918, Supplements. The World War, v. I, p. 82–105.

{239} *Karl Nowak,* Der Umsturtz der Mittelmächte, I Anbang, S. 431–433.

{240} «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 263–265.

{241} *Karl Nowak,* Der Umsturtz der Mittelmächte, Anhang, S. 434–435.

{242} Доклад графа Ревертера графу Чернину от 2 февраля 1918 г., см. «Berliner Monatshefte», Mai 1937, S. 413.

{243} Доклад графа Ревертера графу Чернину от 2 февраля 1918 г., см. «Berliner Monatshefte», Mai 1937, S. 418–419.

{244} Ленинский сборник, Т. XI, стр. 15.

{245} См. Ленинский сборник XI, стр. 38.

{246} *Ленин,* Тезисы по вопросу о немедленном заключения сепаратного и аннексионистского мира, Соч., т. XXII, стр. 194.

{247} Там же, стр. 197.

{248} «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 206.

{249} «Die Grosse Politik der europäischen Kabinette 1871–1914», Bd 6, № 1393, S. 303.

{250} «Die Grosse Politik», Bd 6, № 1340.

{251} Ibid.

{252} «Die Grosse Politik», Bd 6, № 9341, S. 304–307.

{253} «Die Grosse Politik», Bd 4, № 930, S. 376–380.

{254} «Die Grosse Politik», Bd 4, № 943, S. 400.

{255} *Ernst Niekisch,* Gedanken über deutsche Politik, Dresden 1929, S. 11.

{256} *И. В. Сталин,* О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, стр. 67.

{257} *E. Ludendorff,* Urkunden der Obersten Heeresleitung über die Tätigkeit im Jahre 1916–1918, Berlin 1921.

{258} *E. Ludendorff,* Meine Kriegserinnerungen 1914–1918, Berlin 1919, S. 445.

{259} *G. Gratz* und *R. Schütter,* äussere Wirtschaftspolitik. Mitteleuropäische Pläne, S. 150.

{260} *Karl Helfferich,* Der Weltkrieg, Bd. III, S. 333.

{261} *Erich Ludendorff,* Meine Kriegserinnerimgen, S. 446.

{262} *Friedrich Payer,* Von Bethmann Holweg bis Ebert, Frankfurt am Main 1925, S. 63–65.

{263} Ibid., S. 65.

{264} *Макс Гофман,* Записки и дневники 1914–1918, Л. 1929, стр. 239.

{265} Там же, стр. 240.

{266} *Ernst Niekisch,* Gedanken über deutsche Politik, S. 44.

{267} Ibid., S. 47.

{268} *Ernst Niekisch,* Gedanken über deutsche Politik, S. 48.

{269} «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. I, стр. 91.

{270} «Verhandlungen des deutschen Reichstages», Stenographische Berichte, Bd 311, S. 4002–4003.

{271} «Verhandlungen des deutschen Reichstages», Stenographische Berichte, Bd 311, S. 4018–4024.

{272} «Verhandlungen des deutschen Reichstages», Stenographische Berichte, Bd 311, S. 4025–4032.

{273} «Verhandlungen des deutschen Reichstages», Stenographische Berichte, Bd 311, S. 4032–4033.

{274} Ibid., S. 4007–4013.

{275} «Verhandlungen des deutschen Reichstages», Stenographische Berichte, Bd 311, S. 4034–4040.

{276} Ibid., S. 4072.

{277} «Verhandlungen des deutschen Reichstages», Stenographische Berichte, Bd 311, S. 4082.

{278} Ibid., S. 4083.

{279} «Verhandlungen des deutschen Reichstages», Stenographische Berichte, Bd 311, S. 4086.

{280} «Arbeiter Zeitung» № 47, 19 Februar 1918.

{281} «Arbeiter Zeitung» № 48, 20 Februar 1918.

{282} «Arbeiter Zeitung» № 49, 21 Februar 1918.

{283} Содержание ультиматума изложено по его полному официальному тексту, напечатанному в стенографическом отчёте германского рейхстага за 26 февраля 1918 г. («Verhandlungen des deutschen Reichstages», Bd 311, S. 4161–4162). Перевод частично взят из сборника «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. I, где ультиматум напечатан не целиком (см. стр. 91–92).

{284} «Документы по история гражданской войны в СССР», т. I, стр. 109–110.

{285} *Сталин,* О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, стр. 37.

{286} Документы по истории гражданской войны в СССР», т. I, стр. 93.

{287} *Erich Ludendorff,* Kriegsführung und Politik, S. 290.

{288} «Verhandlungen des deutschen Reichstages», Bd 311, S. 4140–4143.

{289} Ibid., S. 4140–4312.

{290} «Verhandlungen des deutschen Reichstages», Stenographische Berichte*,* Bd 311, S. 4154–4161.

{291} «Verhandlungen des deutschen Reichstages», Stenographische Berichte, S. 4217.

{292} Ibid., S. 4261–4271.

{293} «The Times», February 28, 1918.

{294} *Walter Ratenau,* Politische Briefe, S. 173.

{295} *Ленин,* Соч., т. XXII, стр. 310.

{296} Там же, стр. 288.

{297} Там же, стр. 310.

{298} *Сталин,* Статьи и речи об Украине, 1936, стр. 41.

{299} *Ленин,* Соч., т. XXX, стр. 384.

{300} Там же.

{301} *Сталин,* О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, стр. 12–13.

{302} *Ленин,* Соч., т. XXIII, стр. 446.

{303} *Ленин,* Соч., т. XXIII, стр. 266.